МЕ
60
В38

Веселовский Б.
К вопросу о
классовых...
Спб, 1905 г.

Б. Веселовскій.

Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ.

Выпускъ первый.

1020/12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1905.

Въ складѣ т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

(Больш. Подъяческая, 39).

ПРОДАЮТСЯ:

Алексѣевъ. Народовластіе въ древней Руси.	Ц. — р. 20 к.
Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ	» — » 35 »
Герценштейнъ М. Аграрный вопросъ (Націонализація земли, Крест. Банкъ, Выкупн. операція).	» — » 50 »
«Конституціонное государство». Сборн. статей.	» — » 75 »
Клочковъ М.—Земскіе соборы.	» — » 15 »
Щеголевъ, П. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій	» — » 30 »
Петрушевскій. Великая хартія вольностей. .	» — » 15 »
Мякотинъ. На зарѣ рус. общественности. .	» — » 20 »
А. П. Изъ исторіи государства аѳинскаго .	» — » 7 »
Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника	» — » 50 »
Брайсъ. Вильямъ Гладстонъ	» — » 25 »
Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи . .	» — » 80 »
Ея же. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII в.	» 1 » — »
Бутми. Развитіе госуд. и обществен. строя Англіи.	» — » 50 »
Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа: вып. I—50 к.; вып. II—70 к.; вып. III	» — » 80 »
Зибольдъ. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи.	» — » 35 »
Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи . . .	» — » 35 »
Риль. Джіордано Бруно	» — » 30 »
Токвиль. Старый порядокъ и революція . .	» — » 50 »
Соловьевъ, С. Публичныя чтенія о Петрѣ I.	» — » 60 »

ME
60
B38

Б. Веселовскій.

Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ.

Выпускъ первый.

1030/2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», В. Подъяческая, 39.
1905.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
745844

Въ составъ слѣдующаго выпуска предположено включить обзоръ взглядовъ земскихъ собраній по аграрному вопросу и вообще по вопросу о содѣйствіи экономическому благосостоянію населенія, затѣмъ по вопросу о финансовыхъ и правовыхъ реформахъ, а также обзоръ дѣятельности земства, съ классовой точки зрѣнія, по различнымъ отраслямъ. Затѣмъ особое вниманіе будетъ удѣлено дѣятельности такъ называемыхъ крестьянскихъ земствъ.

Іюнь 1905 года.

ГЛАВА I.

Сорокъ лѣтъ прошло со времени введенія земскихъ учрежденій. За этотъ періодъ немало смѣнилось общественныхъ теченій, какъ въ земствѣ, такъ и внѣ его. Въ общемъ можно сказать, что земскія собранія всегда болѣе или менѣе служили барометромъ общественнаго настроенія. Барометръ этотъ, правда, не отличался большой чувствительностью, такъ какъ онъ лишь приблизительно отмѣчалъ колебанія той великой борьбы, которая вотъ уже столько времени идетъ между двумя сторонами.

Радикальные элементы съ самаго начала отнеслись отрицательно къ земской работѣ. Извѣстный общественный дѣятель шестидесятыхъ годовъ Н. Колюпановъ вѣрно отмѣтилъ это отношеніе, когда сказалъ, что «радикалы сразу порѣшили, что изъ земства ничего не выйдетъ: оно слишкомъ живой и народный институтъ, чтобы удовлетворить ихъ безпочвеннымъ идеаламъ» [1]). При тогдашнемъ составѣ земскихъ дѣятелей, вербовавшихся преимущественно изъ землевладѣльцевъ съ высокимъ цензомъ, и при той ограниченной компетенціи, которая была отведена земскимъ учрежденіямъ по Положенію 1864 года, странно было бы мечтать сдѣлать земство проводникомъ «безпочвенныхъ идеаловъ». Дальнѣйшая исторія подтвер-

[1]) Н. Колюпановъ. Общій взглядъ на первый періодъ исторіи земскихъ собраній въ Россіи. „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., IV, стр. 18.

дила это, и если первое время «люди съ рѣзкими оттѣнками не имѣли успѣха въ земствѣ» [1]), то не измѣнилось дѣло и послѣ.

Однако, не одни «радикалы» отшатнулись отъ земства; удалились изъ него и многіе либеральные элементы, какъ только началась правительственная реакція. Вмѣстѣ съ тѣмъ земства лишились наиболѣе жизненныхъ своихъ силъ и влачили въ теченіе семидесятыхъ годовъ скромное существованіе, занимаясь повседневными практическими дѣлами и не привлекая общественнаго вниманія. Внутренняя хроника того времени полна свидѣтельствами того, какъ понизился пульсъ земской жизни въ семидесятыхъ годахъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ»:

«За весьма немногими исключеніями, сонно и безжизненно проходятъ земскія собранія, на которыхъ и въ Петербургѣ даже не присутствовало болѣе десятка постороннихъ слушателей. А было время, когда видѣлось не то, когда, казалось, земства стремились дѣйствительно къ расширенію своей дѣятельности, когда они находили тѣсными поставленныя имъ рамки. Но эти времена ушли, какъ ушли и прежніе земскіе дѣятели, и только изрѣдка раздаются голоса изъ провинціи, указывающіе на то, что польза дѣла требуетъ большей самостоятельности мѣстныхъ представительныхъ учрежденій. Большинство же нынѣшнихъ дѣятелей какъ будто довольно своею ролью сборщиковъ налоговъ, строителей дорогъ и мостовъ, попечителей больницъ и казначеевъ народныхъ училищъ. Земскія управы сдѣлались присутственными мѣстами, въ которыхъ весьма удобно служить мѣстнымъ помѣщикамъ, получать кое-какое жалованье, нелишнее въ нынѣшнее тяжелое время, затѣмъ облагать кого можно земскими сборами, передавать куда слѣдуетъ эти сборы, а на остатки

[1]) Ibid.

выдавать себѣ жалованье, строить гати, дороги, мосты, больницы и школы. А между тѣмъ въ земскихъ учрежденіяхъ могла бы дѣйствительно развиться настоящая полезная дѣятельность, если бы эти учрежденія хотя бы только изучили положеніе мѣстнаго населенія, его нужды и потребности, если бы они дѣйствительно являлись ходатаями и радѣтелями этого населенія» [1]).

Мы пока не будемъ говорить о томъ, почему эти «если бы» не могли осуществиться и почему земцы семидесятыхъ годовъ не явились въ роли радѣтелей населенія, какъ о томъ мечталъ народникъ изъ «Отечественныхъ Записокъ»; обратимъ лишь вниманіе на самый фактъ застойности въ земской дѣятельности даннаго времени и отсутствіе широкаго общественнаго интереса къ земскимъ дѣламъ.

Отшатнувшись отъ земства, радикальные элементы не стали сидѣть, сложа руки ждать у моря погоды, а, худо ли, хорошо ли—это другое дѣло—пытались достичь осуществленія своихъ «безпочвенныхъ идеаловъ», вступая въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ. Это была пора «хожденія въ народъ». Какъ извѣстно, она продолжалась недолго; суровая дѣйствительность быстро толкала молодыя силы на путь террористической борьбы. Съ того момента, какъ разгорѣлась эта борьба (со второй половины семидесятыхъ годовъ), и до самаго рокового 1 марта 1881 года все общество, въ томъ числѣ и земство, слѣдило за перипетіями борьбы съ напряженнымъ вниманіемъ. Были моменты, когда казалось, что правительство уступитъ и пойдемъ на реформы. Тогда и земскія собранія поднимали свой голосъ, заявляя отъ имени народа о необходимости реформъ. Посылались адреса съ выраженіемъ благихъ пожеланій и вырабатывались либераль-

---

[1]) По поводу петербургскаго губ. земскаго собранія. „Отеч. Записки“, томъ CCXLII, стр. 72.

*

ныя программы. Первая весна (эпоха «диктатуры сердца»), однако, была недолговременной. Послѣ 1-го марта наступила глубокая реакція, и земства, допѣвъ свою лебединую пѣснь въ резолюціяхъ, поданныхъ въ Кахановскую комиссію, снова замерли. Восьмидесятые и начало девяностыхъ годовъ—это самое глухое время въ дѣятельности земскихъ учрежденій. Земства опять перестали привлекать къ себѣ общественное вниманіе.

Но вотъ въ серединѣ девяностыхъ годовъ усиливается рабочее движеніе, повышается благодаря этому темпъ общественной жизни,—и земскія собранія снова выдвигаются на сцену. На этотъ разъ они очутились въ болѣе благопріятномъ положеніи, такъ какъ могли опереться на такъ называемый «третій элементъ», эту демократическую связь ихъ съ народомъ.

Какъ извѣстно, послѣ неудачной попытки «хожденія въ народъ» въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ наступило иное теченіе, которое приняло форму «хожденія въ земство». Земство ближе другихъ «учрежденій» стояло къ народу, земство должно было заботиться о культурномъ развитіи населенія,—вотъ что именно и привлекало въ земство нѣкоторую часть демократической интеллигенціи, среди которой все болѣе укрѣплялся взглядъ, извѣстный подъ именемъ постепеновщины. Признавалось, что народъ нужно сначала «подготовить» цѣлымъ рядомъ постепенныхъ мѣръ культурнаго характера.

Начиная съ середины девяностыхъ годовъ въ земствѣ стали искать пріюта и тѣ, которыхъ судьба выбрасывала въ провинцію. Вліянію этого элемента особенно обязаны нѣкоторыя окраинныя земства.

Чтобы увидѣть связь земскаго движенія съ тѣмъ движеніемъ, которое, начавшись въ серединѣ девяностыхъ годовъ, 1902 году разгорѣлось уже большимъ пламенемъ,—стоитъ только сравнить земскіе взгляды, высказанные въ серединѣ девяностыхъ годовъ (по поводу запроса мини-

стерства земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства), и мнѣнія земскихъ дѣятелей въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (1902 г.). Событія 1905 года еще краснорѣчивѣе говорятъ о томъ, какъ мѣняются земскія программы и настроенія въ зависимости отъ роста народнаго движенія.

Въ виду того, что въ самомъ земствѣ не было данныхъ для развитія ожесточенной классовой борьбы (причины этого будутъ выяснены далѣе), оно легко превращалось въ отдушину «общественнаго мнѣнія» широкихъ либеральныхъ круговъ и также легко, по минованіи возбужденія, обращалось къ своимъ будничнымъ дѣламъ. Но изъ того, что въ земствѣ не было мѣста ожесточенной борьбѣ классовъ, отнюдь не слѣдуетъ, что на дѣятельности земства не отразились взгляды тѣхъ группъ, которыя пользовались въ немъ преобладаніемъ.

Крупные землевладѣльцы предпочитали занимать высшія ступени бюрократической лѣстницы, вмѣсто того, чтобы работать въ земствѣ на пользу меньшому брату. Мелкіе собственники и промышленники были оттерты отъ земскихъ дѣлъ. Крестьяне находились въ такомъ приниженномъ положеніи, что о борьбѣ съ ихъ стороны, въ большинствѣ случаевъ, говорить совсѣмъ не приходится. Остается, такимъ образомъ, группа среднихъ землевладѣльцевъ, въ руки которыхъ и попало земское дѣло и которые имѣли много данныхъ для руководства земскимъ дѣломъ и, между прочимъ, выдѣлили изъ своей среды много просвѣщенныхъ, дѣятельныхъ работниковъ. Въ своей дѣятельности они должны были однако считаться съ той массой, на которую опирались.

Въ области объясненія историческихъ явленій теорія «героевъ и толпы» давно уже не встрѣчаетъ серьезныхъ защитниковъ. Но, когда стремятся понять дѣятельность земствъ, очень часто прибѣгаютъ именно къ этой несостоятельной теоріи. Земцы при этомъ рисуются, какъ само-

отверженные борцы за нужды народа: не будучи сами заинтересованы въ плодахъ своихъ трудовъ, они безкорыстно несутъ свой трудъ на алтарь отечеству, «не требуя себѣ похвалъ». Вотъ, напримѣръ, что говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ: «на практикѣ, въ силу издавна сложившихся традицій, земскія собранія, за рѣдкими исключеніями, всегда обнаруживали готовность и умѣніе отрѣшиться отъ сословно-дворянскихъ и крупно-землевладѣльческихъ интересовъ, изъ представителей которыхъ комплектуется большинство гласныхъ» [1]).

Легко понять, что ссылка на традиціи ровно ничего не объясняетъ; даже болѣе того: она представляетъ желаніе уклониться отъ объясненія того, почему же земцы «отрѣшались» отъ своихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Самоотверженными героями рисуются земцы и въ воображеніи г. Шишкова, который разражается слѣдующей тирадой:

«Для кого земство покрыло страну сѣтью больницъ, школъ, складовъ книгъ и земледѣльческихъ орудій и кустарными мастерскими? Для классовыхъ и сословныхъ нуждъ дворянъ, купцовъ, разночинной интеллигенціи? Или всѣ эти учрежденія создавались и развивались земскими либералами, цѣной борьбы со своими консерваторами и съ администраціей,—для того, чтобы забрать въ свои руки власть и эксплоатировать въ своихъ интересахъ темныя массы народа? Изъ ненависти къ народу, либеральные земства неустанно требовали прекращенія административнаго произвола, уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, равнаго для всѣхъ суда, отмѣны опеки надъ крестьянами и участія свободно избранныхъ представителей народа въ законодательной власти,—шли за эти требованія въ ссылку?» [2])

---

[1]) В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня. Спб. 1904 г., стр. 383.

[2]) Н. Шишковъ. По поводу статьи о земскомъ либерализмѣ. „Образованіе“, 1905 г., № 2, стр. 87.

На грозную тираду г. Шишкова мы позволимъ себѣ возразить словами г. Буха: «мало по малу стало ясно, что пока не вполнѣ признаются человѣческія права народа, до тѣхъ поръ и интеллигентное общество не можетъ разсчитывать на прочный правопорядокъ, обезпечивающій мирное и прогрессивное развитіе его интеллектуальныхъ и экономическихъ силъ. Это то сознаніе и выдвигаетъ на первый планъ и въ печати и въ земствѣ вопросъ объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями» [1]).

Неужели г. Шишковъ не понимаетъ, что можно бороться за «народныя права» одновременно представителямъ различныхъ классовъ? неужели ему хотя бы изъ учебниковъ не извѣстно, какія требованія были выставлены французской буржуазіей въ 1789 году? А перестала ли она отъ этого быть буржуазіей? Непомнимъ еще г. Шишкову заключительныя слова того извѣстнаго доклада Воронежскому уѣздному комитету о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, за который пострадали нѣкоторые земскіе дѣятели (на этотъ случай, намъ думается, намекаетъ, между прочимъ, самъ г. Шишковъ). Указавъ на правовое неустройство и участившіяся за послѣднее время крестьянскія волненія, докладъ усиленно подчеркнулъ настоятельность правовыхъ реформъ въ такихъ выраженіяхъ: «дольше такъ жить въ глухой провинціи, какъ мы живемъ,—въ опасеніи за себя и за свое имущество,—нельзя».

Наиболѣе полная аргументація внѣклассовой дѣятельности земствъ дана г. Головинымъ, а потому мы приведемъ ее цѣликомъ, рискуя утомить вниманіе читателя.

«Гдѣ въ нашемъ земствѣ признаки сословной борьбы, восклицаетъ г. Головинъ,—гдѣ въ немъ проявляется господство исключительно помѣщичьихъ интересовъ? Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди у земства еще

---

[1]) А. Бухъ. Крестьянское дѣло. „Экономическая газета“ 1904 г., № 33.

въ шестидесятыхъ годахъ, было переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя, конечно въ высшей степени невыгодное для помѣщичьяго класса. А между тѣмъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ такъ, что переложеніе къ ущербу помѣщиковъ совершилось почти вездѣ. Если мы теперь просмотримъ статьи необязательныхъ расходовъ любой уѣздной земской смѣты, мы безъ труда убѣдимся, что всѣ эти расходы, кромѣ содержанія земской управы, почти исключительно приносятъ пользу однимъ крестьянамъ. Помѣщики не посылаютъ своихъ дѣтей въ земскія школы, земскіе врачи и фельдшера не лечатъ ихъ безвозмездно, и конечно, не для достаточныхъ людей предназначены земскія больницы. Пути сообщенія, разумѣется, необходимы для всѣхъ жителей уѣзда; но развѣ нужда въ нихъ пропорціональна числу десятинъ каждаго имѣнія, которое однако облагается сборомъ на содержаніе дорогъ по числу этихъ десятинъ? А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы земскія собранія, въ которыхъ преобладаютъ помѣщики и гдѣ *крестьянскіе интересы подавлены* [1]), отличались бы скупостью въ расходованіи денегъ на эти крестьянскія нужды. Земскіе бюджеты растутъ съ каждымъ годомъ, и растутъ быстро. Одно изъ двухъ, стало быть: либо за крестьянами обезпечено большинство, либо гласные отъ землевладѣльцевъ вовсе не умѣютъ или не хотятъ сплачиваться для противодѣйствія этимъ расходамъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не въ статьяхъ земскаго бюджета можно искать почвы для борьбы помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ? Во многихъ уѣздахъ тароватость земства доходитъ до того, что его сравниваютъ съ благотворительнымъ учрежденіемъ. И нельзя не признать, что, по крайней мѣрѣ въ нечерноземныхъ губерніяхъ, это возрастаніе земской щедрости вовсе не шло рука объ руку съ возрастаніемъ доходности земель. Губернскія собранія еще болѣе свидѣтельствуютъ

[1]) Курсивъ нашъ, также какъ и тамъ, гдѣ особо не оговорено это. Б. В.

о безсословномъ настроеніи гласныхъ. Здѣсь, какъ извѣстно, преобладаніе землевладѣльцевъ уже несомнѣнно, и гласные отъ крестьянъ являются въ самомъ ничтожномъ числѣ,—а между тѣмъ губернскія смѣты растутъ такъ же быстро, какъ и уѣздныя, характеръ ихъ имѣетъ тотъ же несомнѣнный благотворительный оттѣнокъ..... Но если оно такъ, то какіе же практическіе доводы можно привести противъ существующаго избирательнаго закона? Если земства изъ безкорыстныхъ побужденій переходятъ даже въ область расточительности, то какъ же утверждать, что они страдаютъ исключительно сословнымъ характеромъ? Утверждать это можно развѣ только съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости ....; мы вправѣ заключить, что практика земства не даетъ пока никакого повода къ жалобамъ на угнетеніе въ нихъ крестьянъ» [1]).

Доводы г. Головина мы разберемъ впослѣдствіи; сейчасъ лишь отмѣтимъ, что во всей большой цитатѣ, равно какъ и въ цѣлой книгѣ г. Головина, нельзя найти указанія на тѣ движущія силы, которыя лежатъ въ основѣ земской дѣятельности. Вмѣсто объясненія, намъ преподносятъ сказку Фурье о «prince bien eclairé et bien faisante». То же самое мы можемъ прочесть и у многихъ другихъ писателей и услышать отъ либеральныхъ земскихъ дѣятелей [2]).

Но мало того, что дѣятельность земцевъ рисуется, какъ самоотверженное забвеніе ихъ собственныхъ интересовъ. Нѣкоторые пытаются даже выдать имъ патентъ на монополію справедливости и самоотверженности. Вотъ что говорилъ, напримѣръ, гласный Д. А. Леоновъ въ скопинскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: «Земство—учрежденіе, по самому роду

---

[1]) К. Головинъ. Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство. СПБ. 1884 г., стр. 78—79.

[2]) См., напр., Б. Чичеринъ. Вопросы политики. М. 1903 г., стр. 9. Шиповъ—Шульцъ. Законъ и земство. СПБ. 1900 г., стр. 52—53.

своей дѣятельности требующее охраненія интересовъ, какъ матеріальныхъ, такъ и интеллектуальныхъ, всякаго плательщика, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; крестьяне же, при настоящемъ уровнѣ ихъ развитія, едва ли могутъ выдѣлить большое число представителей, которые стали бы преслѣдовать въ земскомъ собраніи интересы общіе, а не узко-сословные. Напротивъ, существуетъ полное основаніе предполагать, что, получивъ въ земскомъ собраніи, въ особенности же въ такомъ, гдѣ между представителями другихъ сословій существуютъ партіи, количественное преобладаніе, представители отъ крестьянъ даже при маловѣроятномъ условіи, ихъ независимости, будутъ считать своею обязанностью направлять дѣятельность земства не въ смыслѣ уравнительности для всего населенія безъ различія сословія, а въ смыслѣ исключительныхъ выгодъ для одного крестьянскаго сословія» [1]).

Г. Леоновъ, какъ помѣщикъ черноземный, не умѣетъ выражаться дипломатично и у него на каждомъ шагу проглядываетъ стремленіе охранить во что бы то ни стало карманъ помѣщиковъ отъ «несправедливыхъ посягательствъ» черни. Иное дѣло г. Д. Н. Шиповъ. Господство помѣщичьяго класса въ земствѣ онъ оправдываетъ велѣніями «нравственнаго закона». «Земская идея,—говоритъ онъ,—по существу своему идея нравственная и потому то земское дѣло является всегда живымъ и воспитываетъ въ людяхъ желаніе работать для другихъ и вѣру въ торжество альтруистическихъ идей. Только сознаніе людьми требованій нравственнаго закона можетъ служить надежнымъ основаніемъ для единенія людей и соединять ихъ въ крѣпчайшіе союзы» [2]). Но чтобы быть въ со-

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. СПБ. 1904 г., стр. 139.

[2]) Д. Н. Шиповъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Москва. 1899 г., стр. 49.

стояніи сознать «требованія нравственнаго закона», нужно быть bien eclairé et bien faisante, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ славянофильская агитація г. Шипова противъ всеобщаго избирательнаго права.

Не нужно быть сторонникомъ теоріи классовой борьбы, чтобы видѣть, что просвѣщенные помѣщики, при всемъ ихъ доброжелательствѣ, не могутъ быть вѣрными выразителями крестьянскихъ нуждъ. На это указалъ между прочимъ зміевскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. «Такое положеніе (преобладаніе въ земствѣ дворянъ), по мнѣнію названнаго комитета, нельзя признать желательнымъ, потому что, если даже предположить, что доминирующая въ земскомъ собраніи группа гласныхъ безкорыстно и даже вопреки собственнымъ интересамъ будетъ радѣть о крестьянскомъ населеніи, то все же она будетъ разсматривать его интересы, такъ сказать, со стороны,—съ своей не—крестьянской точки зрѣнія» [1]).

Даже г. Головинъ, который совсѣмъ не склоненъ признавать наличность классовой борьбы въ земствѣ, полагаетъ, что «образъ жизни, понятія и самые интересы каждаго изъ этихъ классовъ (помѣщиковъ и крестьянъ) пока до того различны, что найти для нихъ почву для полнаго сліянія едва ли возможно. Вотъ почему въ интересахъ самаго земства едва ли не лучше, чтобы законъ заранѣе обезпечивалъ каждой изъ этихъ группъ населенія извѣстную долю представительства. Важно это не потому собственно, чтобы преобладаніе одной изъ нихъ угрожало правамъ другой: сословной розни у насъ, какъ извѣстно (вѣроятно извѣстно это одному г. Головину), не существуетъ. Но за то есть нѣчто другое, почти столь же опасное для земскаго дѣла, какъ сословная вражда,—это недостаточное знакомство каждаго

---

[1]) С. Шидловскій. Земство. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи. СПБ. 1904 г., стр. 29.

изъ двухъ земскихъ классовъ съ интересами и понятіями другого. И какъ разъ въ виду этого расходящагося міровоззрѣнія, этого несходства въ бытѣ, каждому изъ нихъ должна быть предоставлена возможность высказываться въ земствѣ» [1]).

Но такъ какъ до сихъ поръ такой возможностью крестьяне не пользовались, то очевидно дѣятельность земскихъ собраній должна была волей-неволей страдать односторонностью. Въ виду этого, когда говоришь о роли классовыхъ интересовъ въ земствѣ, необходимо обращать вниманіе не только на то, что и какъ сдѣлано имъ, но не менѣе того и на то, что могло бы быть сдѣлано въ интересахъ народа, но не сдѣлано. Объ этомъ намъ много придется говорить далѣе, когда коснемся отношеній земскихъ собраній къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, къ аграрному вопросу и т. д.

Сознаніе невозможности при объясненіи того или другого направленія земской дѣятельности ограничиваться ссылкой на безкорыстное служеніе народу просвѣщенныхъ земцевъ не чуждо даже тѣмъ, которые не хотятъ считаться съ классовой точкой зрѣнія. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ г. Н. М.: «благодарна ли работа изслѣдователей, желающихъ отыскать корни и нити классовыхъ интересовъ въ современномъ земствѣ, когда оно по своему составу не просто сословно, но даже семейно—сословно. То и дѣло приходится наталкиваться на сообщенія, что въ такомъ то земствѣ хозяйничаютъ одни однофамильцы, родственники, въ другомъ другіе. Представительство же остальныхъ группъ, кромѣ дворянской, считается ненормально поставленнымъ. О какой же тогда классовой борьбѣ или о тенденціяхъ этой борьбы можно вести рѣчь при анализѣ состава современнаго земства?.... Всѣ попытки отыскать классовые интересы въ сословномъ земствѣ могутъ счи-

[1]) Головинъ. Наше мѣстное управленіе и т. д., стр. 86.

таться лишь остроумными теоретическими упражненіями» [1]).

Несомнѣнно, что при анализѣ земской дѣятельности необходимо принимать во вниманіе много обстоятельствъ, въ томъ числѣ и сословный составъ нынѣшнихъ земскихъ собраній и родственные порядки, господствующіе во многихъ земскихъ собраніяхъ; однако для уясненія именно основной тенденціи необходимо, какъ мы увидимъ далѣе, исходить постоянно изъ «теоретическихъ упражненій», опирающихся на ученіе о классовой борьбѣ. Это, впрочемъ, несознательно высказано самимъ г. Н. М. Въ самомъ дѣлѣ, наличность сословныхъ интересовъ въ современномъ земствѣ онъ, повидимому, не отрицаетъ. Но развѣ въ отстаиваніи сословныхъ интересовъ не сказывается классовой характеръ группы? Вѣдь вполнѣ возможно отстаивать классовые интересы, совершенно не считаясь съ окружающими условіями времени; въ такомъ случаѣ они превращаются въ кастовые интересы и страдаютъ анахронизмомъ, но дѣло по существу не мѣняется.

Мы заранѣе считаемъ своимъ долгомъ предупредить читателя, что не намѣрены вдаваться въ объясненіе всѣхъ аномальныхъ процессовъ въ земской жизни; намъ важно лишь убѣдиться въ томъ, насколько точка зрѣнія классовой борьбы въ состояніи освѣтить общее направленіе земской дѣятельности.

Нелишне будетъ здѣсь напомнить слѣдующее замѣчаніе Д. Л. Мордовцева: «изучая земскую жизнь во всѣхъ ея разновидностяхъ и подъ всѣми градусами широты и узкости—широты пониманія земскаго дѣла, которая невольно бросается въ глаза въ дѣятельности иныхъ земствъ, и подъяческой узкости, до которой этотъ идеалъ ссохся въ мозгахъ другихъ земствъ,—мы наталкиваемся иногда на такіе аномальные процессы этой жизни, что едва ли

[1]) Н. М. Изъ обзора печати. „Вѣстникъ Новгородскаго земства“, 1904 г. № 20, стр. 87.

можемъ найти для нихъ какое либо подходящее объясненіе, какъ вообще не легко объясняются всѣ отклоненія въ жизненныхъ процессахъ» [1]).

Многія осложняющія изслѣдованіе предмета обстоятельства должны быть пока откинуты, чтобы можно было разсмотрѣть самый остовъ. Законность такого методологическаго пріема едва ли кто будетъ оспаривать. Мы не хотимъ однако вовсе сказать, что при изслѣдованіи нѣкоторыхъ сторонъ земской дѣятельности приходится отказаться отъ классовой точки зрѣнія. Нѣтъ, но дѣло въ томъ, что, приступая къ настоящей работѣ, мы должны были по необходимости считаться съ тѣмъ, что предметъ еще совершенно почти неразработанъ.

Во взглядѣ, что въ земствѣ не проявляются классовые интересы господствующей группы, многихъ укрѣпляло то обстоятельство, что въ дѣйствительности жестокой борьбы классовъ въ земствѣ до сихъ поръ не проявлялось. Причинами этого были, съ одной стороны, тѣ общія условія русской жизни, которыя толкали постоянно земскія собранія въ оппозицію и тѣмъ самымъ принуждали ихъ стремиться опереться на массы, а съ другой стороны — и само земское положеніе (какъ 1864 года, такъ и 1890 года), которое вручало руководительство земскими дѣлами одной группѣ населенія, устраняя другія отъ всякаго участія въ земствѣ, или ставя ихъ въ такое приниженное положеніе, при которомъ едва ли приходится говорить о «борьбѣ», можно лишь вести рѣчь о «подавленіи» интересовъ этой группы населенія.

Итакъ, изслѣдуемъ теперь причины отсутствія въ земствѣ ожесточенной классовой борьбы.

---

[1]) Д. Мордовцевъ. Десятилѣтіе русскаго земства (1864—1875 г.). „Отеч. Записки“ 1876 г., № 7, стр. 131.

ГЛАВА II.

Земская либеральная партія является преемницей того оппозиціоннаго дворянскаго движенія, которое выдвинулось съ особенной силой во второй половинѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія [1]).

Но вступивъ въ земство, либеральные дворяне должны были нѣсколько измѣнить свою программу, такъ какъ имъ приходилось уже считаться и съ другими представленными въ земствѣ группами населенія. Это въ особенности слѣдуетъ сказать относительно «народа», т. е. крестьянъ, на который земцы должны были стремиться опереться, чтобы придать своему оппозиціонному движенію болѣе или менѣе широкій «народный» характеръ. Затѣмъ ходъ пореформеннаго экономическаго развитія страны, все болѣе подрывая старые сословные устои, также заставлялъ постепенно измѣнять программу, воспринятую отъ дворянской оппозиціи.

Было бы весьма интересно прослѣдить всѣ этапы развитія земской либеральной программы и выяснить, подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершалось это развитіе. Мы однако не будемъ здѣсь касаться этого сложнаго вопроса

---

[1]) См. по этому поводу интересныя статьи г. Н. Іорданскаго „Земскій либерализмъ“ („Образованіе“ 1904 г., XII) и „Наканунѣ земской реформы 60-хъ г.г.“, („Міръ Божій“ кн. 3 и 4); а также Б. Чичеринъ: Вопросы политики М. 1903 г. (статью „О современномъ положеніи русскаго дворянства“ и „Объ историческомъ значеніи русскаго дворянства“).

въ виду того, что пришлось бы слишкомъ уклониться въ сторону отъ нашей главной темы; отмѣтимъ лишь, что «оппозиціонное дворянское движеніе шестидесятыхъ годовъ на земской нивѣ перерождалось постепенно въ очищенное буржуазно-либеральное направленіе» [1]). Перерожденіе это совершалось настолько постепенно, что, если земскіе либералы и заслужили въ чемъ-нибудь упрекъ, то никакъ уже не въ крайности своихъ взглядовъ, а наоборотъ въ черезъ-чуръ медленномъ и не всегда послѣдовательномъ усвоеніи взглядовъ буржуазнаго либерализма.

Итакъ, минуя періодъ формированія земской либеральной партіи, мы прямо перейдемъ къ послѣднему времени и посмотримъ, насколько вѣрно въ современныхъ земскихъ программахъ выражено credo либеральной буржуазіи.

Передъ нами прежде всего постановленія съѣзда земскихъ дѣятелей, бывшаго въ маѣ 1902 года въ Москвѣ. Съѣздъ (присутствовало свыше 60 человѣкъ изъ 25 губерній) собрался для обсужденія положенія, созданнаго устраненіемъ земскихъ учрежденій отъ обсужденія вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства. На этомъ съѣздѣ была принята резолюція, признававшая обязательнымъ измѣненіе слѣдующихъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства условій:

1) Такъ какъ вопросъ сельскаго хозяйства въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому, то прежде всего слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого нужно обезпечить правовое положеніе крестьянъ: а) уравненіемъ личныхъ правъ съ лицами другихъ сословій; б) освобожденіемъ крестьянъ отъ административной опеки; в) огражденіемъ правъ крестьянъ правильною формою суда и г) отмѣною тѣлеснаго наказанія;

---

[1]) Н. Іорданскій. Земскій либерализмъ, стр. 34.

2) такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности (въ томъ числѣ сельско-хозяйственной) зависитъ прежде всего отъ степени просвѣщенія народа, то необходимо предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности начальнаго образованія, расширивъ объемъ даваемыхъ въ начальныхъ школахъ знаній, и устранить существующія препятствія для внѣ-школьнаго образованія;

3) такъ какъ воспособленіе сельско-хозяйственной промышленности на мѣстахъ возложено на земскія учрежденія, то для того, чтобы эти учрежденія могли успѣшно выполнять эту обязанность, необходимо: а) чтобы земское представительство населенія было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію; в) чтобы земскимъ учрежденіямъ были обезпечены необходимыя имъ устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ быть удовлетворительными органами самоуправленія;

4) необходимо устранить недостатки современной финансовой и экономической политики государства, въ силу которой насущныя потребности мѣстнаго населенія не получаютъ справедливаго удовлетворенія по недостатку на мѣстахъ необходимыхъ для того средствъ, тогда какъ въ то же время населеніе обременено платежами косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, а государственныя смѣты составляются такимъ порядкомъ, при которомъ ихъ выполненіе заканчивается ежегодно значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, отягчая тѣмъ излишними платежами населеніе;

5) для правильной постановки и разрѣшенія экономическихъ вопросовъ должна быть предоставлена широкая свобода гласному обсужденію ихъ вообще, въ особенности въ печати; такая гласность существенно важна для самой

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН. ИСТОРИ...

разработки мѣропріятій общаго и частнаго характера и только такая гласность дастъ средства для постояннаго контроля за дѣйствіемъ и вліяніемъ принятыхъ мѣръ, только она одна дастъ возможность своевременнаго и точнаго знанія всѣхъ фактовъ текущей экономической жизни и происходящихъ въ ней измѣненій.

Уже при первомъ взглядѣ на эти пять пунктовъ видно, что для составленія ихъ вовсе не требовалось выходить изъ рамокъ весьма и весьма умѣреннаго буржуазнаго либерализма. Вѣдь мы не обманываемся насчетъ истиннаго характера партіи, которая во времена великой французской революціи писала на своемъ знамени возвышенныя слова: «свобода, равенство и братство!» и говорила объ «естественныхъ правахъ человѣка»; но почему же мы должны въ робкихъ заявленіяхъ о «поднятіи личности крестьянина», объ «общедоступности начальнаго образованія», о «самостоятельности» мѣстныхъ органовъ самоуправленія, объ «устраненіи недостатковъ финансовой и экономической политики государства» и, наконецъ, о свободѣ печати,—видѣть какой-то внѣклассовый характеръ земскаго либерализма?

Обратите. далѣе, вниманіе на обосновку требованій, выраженныхъ въ этихъ пяти пунктахъ. Ни о какихъ «естественныхъ правахъ» человѣка въ нихъ не говорится, а вмѣсто этого весьма тонко и вполнѣ правильно указана зависимость сельскохозяйственной промышленности отъ правовыхъ, экономическихъ, финансовыхъ, политическихъ и вообще отъ культурно-прогрессивныхъ реформъ. Если для кого-нибудь это не ясно, то стоитъ только познакомиться съ обосновкой указанныхъ выше программныхъ пожеланій земскими дѣятелями въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Крестьянское хозяйство связано многочисленными нитями съ хозяйствомъ помѣщичьимъ и поэтому вполнѣ естественно, что земцы— землевладѣльцы заинтересованы и въ

установленіи «правопорядка» въ деревнѣ, и въ «культурномъ подъемѣ» населенія и т. п. Подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ послѣдующихъ главахъ, здѣсь же считаемъ умѣстнымъ привести лишь нѣсколько характерныхъ мнѣній людей «земли», подтверждающихъ наше основное положеніе, что именно въ интересахъ помѣщиковъ заботиться объ устраненіи «маленькихъ недостатковъ механизма» современной государственной машины.

По мнѣнію Звенигородскаго комитета (Кіевской губерніи) [1]), «уравненіе крестьянъ съ другими сословіями — вопросъ жизненной важности. Рознь между крестьянами и помѣщиками, недовѣрчивость и озлобленіе простолюдина къ «барину», какъ пережитокъ мрачной эпохи крѣпостного права, сглаживаются въ нашемъ народѣ медленно и трудно, и главною причиной этого является обособленность народной массы. Нужно не отчужденіе народа отъ другихъ сословій, а полное съ ними единеніе. *Рознь къ добру не поведетъ*».

Еще рѣзче ту же самую мысль выразилъ г. Бржозовскій въ Уманскомъ комитетѣ.

«Надо быть слѣпымъ,—сказалъ онъ,—чтобы не видѣть, что темная и недавно непробудно у ногъ нашихъ спавшая масса подняла голову. Можетъ прійти время, что масса эта громко скажетъ свое имя: милліонъ! и обратится къ представителямъ высшаго сословія съ такой претензіей: Canaille, tu mange mon pain! въ переводѣ на мѣстный языкъ, съ соотвѣтствующими прибавленіями. Люди, трезво смотрящіе на дѣло, должны понять, что *пришло время пойти навстрѣчу нуждамъ низшихъ сословій*».

Во многихъ комитетахъ настоятельная необходимость уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями непосредственно доказывалась ссылкой на участившіяся въ по-

---

[1]) Замѣтимъ, что за послѣднее время въ Кіевской губерніи особенно усилилось аграрное движеніе.

слѣднее время крестьянскія волненія, которыя грозятъ землевладѣльцамъ многими бѣдствіями. «Дольше такъ жить въ глухой провинціи, какъ мы живемъ, *въ опасеніи за себя и за свое имущество,—нельзя!*» такъ патетически заканчивается докладъ Воронежскому уѣздному комитету о необходимости установить въ деревнѣ «правопорядокъ» [1]).

Во многихъ комитетахъ, далѣе, указывалось на то, что уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями необходимо также и для того, чтобы пріостановить бѣгство изъ деревни наиболѣе культурныхъ ея элементовъ [2]). И этотъ мотивъ, какъ легко видѣть, продиктованъ правильно понятыми классовыми интересами помѣщиковъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно земскихъ пожеланій осуществить общедоступность начальнаго обученія. Напримѣръ, въ Балашовскомъ комитетѣ (Саратовской губерніи) указывалось, что «*прогрессивное развитіе нашего сельскаго хозяйства*, какъ крестьянскаго, такъ и *частновладѣльческаго*, возможно будетъ лишь при дѣятельномъ участіи въ дѣлѣ самихъ хозяевъ, при наличности въ нихъ предимчивости и иниціативы, при вполнѣ сознательномъ отношеніи къ основнымъ задачамъ хозяйства и окружающей экономической жизни, а все это въ свою очередь тѣснымъ образомъ *зависитъ* отъ образованія, *отъ распространенія въ массахъ знаній*, отъ роста умственнаго и духовнаго уровня личности и расширенія ея потребностей».

Скромныя пожеланія относительно реформы мѣстнаго самоуправленія точно также, какъ я буду говорить объ этомъ подробно въ пятой главѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ буржуазно-либеральному міровоззрѣнію земцевъ.

---

[1]) Необходимо помнить, что 1902 годъ, когда засѣдали комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, былъ особенно богатъ аграрными волненіями (въ Харьковской Полтавской, Саратовской, Воронежской губерніяхъ и на Сѣверномъ Кавказѣ).

[2]) См. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди и т. д., стр. 91.

Въ пореформенное время, какъ извѣстно, правительство обратилось къ системѣ усиленнаго поощренія обрабатывающей промышленности. Въ особенности это приходится сказать относительно политики послѣднихъ лѣтъ десяти. Сельскіе хозяева, только что пережившіе кризисъ, вызванный реформой 1861 года, и принужденные считаться съ ростомъ заокеанской конкуренціи, испытывали лишь ущербъ отъ односторонней фискальной и таможенной политики бюрократіи, стремившейся искусственными средствами насадить фабрично-заводскую промышленность. «Всѣ тѣ банковыя льготы,—говоритъ Б. Н. Чичеринъ,—которыя правительство даровало русскимъ помѣщикамъ, ничто въ сравненіи съ тѣми громадными убытками, которые они несутъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго усиленія покровительственной системы» [1]). Всевозможныя подачки, такъ щедро раздававшіяся послѣднее время дворянству, могли только удовлетворить ограниченныхъ защитниковъ сословности, а никакъ не цѣлый классъ, стремящійся къ самодѣятельности. Естественно, такимъ образомъ, что наши болѣе просвѣщенные землевладѣльцы должны были стать въ отрицательное отношеніе къ такой «экономической и финансовой политикѣ государства», и въ частности къ политикѣ министра финансовъ С. Ю. Витте.

Но, разобщая землевладѣльцевъ и промышленниковъ, покровительственная система послѣднихъ лѣтъ сближала интересы помѣщиковъ и крестьянъ, такъ какъ и на послѣднихъ эта система отзывается крайне тяжело, порождая то острое явленіе, которое фигурировало послѣднее время подъ именемъ «оскудѣнія» деревни.

Намъ остается упомянуть еще о пятомъ пунктѣ. Находясь въ оппозиціи къ экономической и финансовой политикѣ правительства, русскіе либералы землевладѣльцы, понятно, заинтересованы въ «предоставленіи широкой

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ. Вопросы политики, стр. 13.

свободы гласному обсужденію» «экономическихъ вопросовъ».

Итакъ, мы видимъ, что всѣ пять пунктовъ земской либеральной программы 1902 года вполнѣ опираются на принципы буржуазнаго либерализма; выставляя эти пункты, земцы стремились лишь къ осуществленію классовыхъ интересовъ землевладѣльцевъ. То обстоятельство, что въ осуществленіи этихъ пунктовъ заинтересованы и крестьяне, придаетъ земской программѣ характеръ программы «народной» въ томъ только смыслѣ, что названныя пункты, болѣе рѣшительно формулированныя, стояли бы и въ крестьянской программѣ Но въ эту послѣднюю пришлось бы включить и много такого, противъ чего либеральные земцы стали бы навѣрное протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ были выработаны указанные выше пять пунктовъ земской либеральной программы (май 1902 года), обстоятельства сильно измѣнились. Истекшія $3^1/_2$ года характеризуется яркимъ движеніемъ, охватившимъ всѣ слои населенія сверху до низу.

Но до самаго послѣдняго времени земцы-либералы не выступали открыто, если не считать нѣкоторыхъ болѣе или менѣе организованныхъ протестовъ по поводу отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ и административныхъ распоряженій; таковы, напримѣръ, массовыя ходатайства земскихъ собраній объ отмѣнѣ новыхъ ветеринарныхъ правилъ; затѣмъ протесты относительно вызова земскихъ дѣятелей въ правительственныя комиссіи не по выбору земскихъ собраній и т. под.

Такъ было во времени министерства фонъ-Плеве. Съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополка-Мирскаго картина значительно мѣняется. Извѣстная рѣчь кн. Святополка-Мирскаго, въ которой онъ говорилъ объ «искренно благожелательномъ и искренно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учре-

жденіямъ и къ населенію вообще», дала поводъ земскимъ собраніямъ заявить въ адресахъ о необходимости «коренного улучшенія жизни русскаго народа и государства». [1]) Послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей 6-9 ноября 1904 года въ Петербургѣ (присутствовало свыше 100 человѣкъ изъ 33 губерній) формулировало болѣе опредѣленно, что именно понимается въ данномъ случаѣ подъ «кореннымъ улучшеніемъ».

Постановленія этого съѣзда вылились въ слѣдующіе одиннадцать пунктовъ.

«1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянныя стремленія къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе общества признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ обществомъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

---

[1]) См. сводъ земскихъ адресовъ кн. Святополкъ-Мирскому въ „Саратовской Земской недѣлѣ“ за 1904 г., № 8

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь приципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо кромѣ того установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7. Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самостоятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ другими сословіями; б) освободить отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самостоятельность; в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ; г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительства и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской имперіи.

10. *Мнѣніе большинства*: Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ, въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.

Мнѣніе меньшинства: Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказан-

ныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни — безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа».

Кромѣ этихъ «одиннадцати пунктовъ», совѣщаніе земскихъ дѣятелей приняло слѣдующія резолюціи:

«Положеніе объ усиленной охранѣ и преслѣдованіе политическихъ преступленій вызываетъ глубокое недовольство въ странѣ.

Это Положеніе создаетъ почву для административнаго произвола.

Только амнистія всѣмъ политическимъ, пострадавшимъ по административному распоряженію и по суду, можетъ умиротворить страну».

Первое, что невольно бросается въ глаза при чтеніи приведенныхъ выше «одиннадцати пунктовъ», это то, что ими совершенно обойденъ вопросъ о тѣхъ или другихъ *соціальныхъ реформахъ*. Думать, что для «правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни» необходимы только тѣ реформы, которыя указаны въ этихъ пунктахъ, — значитъ всецѣло стоять на почвѣ буржуазнаго либерализма. Во-вторыхъ, необходимо отмѣтить что многое и въ этихъ одиннадцати пунктахъ страдаетъ крайней неопредѣленностью и расплывчатостью. Напримѣръ, что должна означать фраза седьмого пункта? Кто это такіе «граждане»? Будутъ-ли предоставлены избирательныя права и женщинамъ? Далѣе, что

слѣдуетъ понимать подъ словами: «необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія»? «Правильность» — слишкомъ субъективное опредѣленіе, чтобы имъ можно было играть въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, требующемъ самыхъ точныхъ опредѣленій. Затѣмъ, должно-ли «выборное учрежденіе» быть организовано какъ одна палата или какъ двѣ?

Всѣ эти вопросы настолько важны, что умолчаніе о нихъ со стороны частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей,— въ то время, какъ такъ пространно говорилось объ единеніи «общества» и власти,—нельзя объяснить ссылкой на то, что резолюція должна быть составлена въ краткихъ и общихъ выраженіяхъ, исключающихъ возможность входить въ такія «подробности».

Указанная нами неопредѣленность ноябрьскихъ пунктовъ отнюдь не случайна; она вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ земской либеральной оппозиціи, которой приходится вырабатывать свою программу подъ давленіемъ роста народныхъ силъ и идти на буксирѣ рабочаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, вступили-ли земскіе либералы въ движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ съ опредѣленной политической программой? Не страннымъ-ли долженъ казаться быстрый переходъ—въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ— отъ мечтаній о «довѣріи» къ требованію всеобщаго избирательнаго права? Переходъ этотъ вполнѣ объяснимъ, если стать на точку зрѣнія, выставленную мною выше.

Волна народнаго движенія послѣ ноябрьскихъ дней поднялась такъ высоко, что земцамъ-либераламъ поневолѣ приходилось съ этимъ считаться, если они не хотѣли только остаться одинокими въ своихъ заявленіяхъ. По словамъ газеты «Наша Жизнь», «къ голосу самыхъ различныхъ слоевъ русскаго общества, громко раздавшемуся изъ многихъ, многихъ городовъ русскихъ, присоединился мощный голосъ народа. Но присоединился такъ, что покрылъ собой все, что говорило и говоритъ общество. На-

родъ, въ лицѣ петербургскихъ рабочихъ, въ числѣ многихъ и многихъ десятковъ тысячъ ихъ, запечатлѣлъ эти общія пожеланія своею кровью. И эта кровь обязываетъ».

И вотъ мы видимъ, что $5^1/_2$ мѣсяцевъ спустя (на апрѣльскомъ съѣздѣ въ Москвѣ) земцы высказываются уже за всеобщее избирательное право.

Въ организацію народнаго представительства Россійской Имперіи, по мнѣнію апрѣльскаго съѣзда, «не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія.) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ россійской имперіи должны быть положены слѣдующія начала: 1) необходимы выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщаго тайнаго и прямого голосованія; 2) наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть организовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія; 3) обѣ палаты должны быть равноправны.

Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка въ россійской имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

На основѣ всеобщаго избирательнаго права должно быть организовано и представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія».

Далѣе слѣдуютъ заявленія о необходимости немедленной отмѣны положенія объ усиленной охранѣ, о необходимости гарантировать неприкосновенность личности, свободу печати и т. д.

И на этотъ разъ никакихъ постановленій соціальнаго

характера земскими дѣятелями принято не было. Несмотря на это, какъ мы видимъ, волна народнаго движенія поднята довольно высоко требованія земцевъ. Вопросъ теперь въ томъ, удержатся ли они на достигнутой высотѣ, будутъ ли они такъ же рѣшительно отстаивать эти «пункты», какъ они ихъ формулировали? Мы думаемъ, что нѣтъ и что критерій «необходимости» реформъ стоитъ у земскихъ либераловъ сравнительно не высоко. Обосновывать здѣсь нашъ взглядъ мы считаемъ невозможнымъ; рекомендуемъ лишь обратить вниманіе на дѣйствія майскаго съѣзда земскихъ дѣятелей [1]) (присутствовало до 300 человѣкъ изъ 34 губерній) и послѣдовавшія за нимъ событія.

---

[1]) На этомъ съѣздѣ была выработана петиція, поданная Государю 6-го іюня при пріемѣ депутаціи. Петиція гласитъ слѣдующее:

«Ваше Императорское Величество. Въ минуты величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями вашихъ совѣтчиковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не смогла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ, и грознѣе опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица. Увидавъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ, всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія: угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждается путь, открытый Вами, дабы голосъ правды могъ восходить до Васъ. Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, а воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій, а общество волнуютъ страхи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими; пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства,—вопросъ о войнѣ и мирѣ. Пусть

Выше я нѣсколько разъ уже подчеркивалъ, что въ земскихъ программахъ послѣдняго времени совершенно отсутствовало признаніе неотложной необходимости тѣхъ или другихъ соціальныхъ реформъ. Исключеніемъ является постановленіе группы земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся въ февралѣ въ Москвѣ. Вниманіе этой группы, какъ видно изъ газетъ, остановилось исключительно на аграрномъ вопросѣ. Были приняты слѣдующія положенія:

1) Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрныхъ отношеній.

2) Правильная постановка аграрнаго законодательства обусловливается кореннымъ преобразованіемъ государственнаго строя Россіи на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

3) Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ: а) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій; б) признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель, увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплоатація его въ интересахъ трудящагося населенія; в) упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ аренд-

---

опредѣлятъ они условія мира или отвергнутъ его, превратятъ эту войну въ войну народную; пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи, сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго; пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй. Государь, въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея. Въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ Престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь,—въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей."

ныя отношенія; г) образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій согласно вышеуказаннымъ началамъ; д) правильная постановка на широкихъ началахъ разселенія и переселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа крестьянскаго Банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ; е) коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель, уничтоженія черезполосицы частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель, обмѣна участковъ и т. под.

Какъ ни велика настоятельность въ урегулированіи аграрнаго вопроса, но обращать на него исключительное вниманіе, говоря о «государственномъ вмѣшательствѣ въ экономическую жизнь»,—крайне односторонне. Не объясняется ли эта» настоятельность» усилившимися за послѣднее время до крупныхъ размѣровъ крестьянскими волненіями? Будемъ ждать, пока грянетъ громъ и заставитъ земцевъ обратить вниманіе на такіе жизненные вопросы, какъ, напримѣръ, на законодательную охрану сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Но принимая въ соображеніе только вышеприведенную аграрную программу, мы видимъ, что она не требуетъ отъ помѣщиковъ самопожертвованія, такъ какъ необходимая крестьянамъ земля должна быть выкуплена послѣдними у частныхъ землевладѣльцевъ. Февраль земскихъ либераловъ далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи 4 августа 1789 года французскаго дворянства.

Разсмотрѣвъ программныя заявленія земской либеральной партіи за послѣднее время, т. е. въ ихъ наиболѣе развитой формѣ, мы должны прійти къ единственно правильному заключенію, что нѣтъ никакихъ основаній въ земцахъ видѣть представителей народа. Они не болѣе не менѣе, какъ выразители интересовъ либеральныхъ аграріевъ. То обстоятельство, что ихъ программа въ нѣ-

которыхъ частяхъ соотвѣтствуетъ интересамъ широкихъ круговъ населенія, отнюдь не противорѣчитъ этому взгляду. Кромѣ того, буржуазный характеръ земской либеральной оппозиціи обнаруживается не менѣе ясно въ тактикѣ этой оппозиціи. Одно дѣло вставить «необходимые» пункты программы, а другое дѣло, какъ и какими средствами защищать ихъ. На нашъ взглядъ апрѣльскіе пункты не соотвѣтствуютъ майскому образу дѣйствій.

ГЛАВА III.

Выше я указалъ на то, что въ земствѣ не было почвы для развитія жестокой классовой борьбы. Причинъ этому было много; постараемся теперь выяснить наиболѣе существенныя изъ нихъ.

Въ земствѣ, какъ мы видѣли, стремилась найти опору либеральная оппозиція, а для этого она должна была отрѣшиться отъ узко-классового пониманія своихъ интересовъ, должна была стремиться привлечь на свою сторону массы. «Сила и слабость земства,—говорилъ саратовскій гласный Н. Н. Львовъ,—зависитъ отъ общественной среды, которая стоитъ за земскими учрежденіями» [1]). Вотъ о созданіи этой силы и заботились либеральные земцы, частью сознательно, но бо̀льшею частью безсознательно. Новаго въ такомъ образѣ дѣйствія ничего нѣтъ. Развѣ не такъ же поступала всегда буржуазія, когда для борьбы съ феодально-бюрократическимъ режимомъ она стремилась привлечь на свою сторону широкія массы, выставляя девизомъ борьбу за «народъ», за «народныя права?»

Въ данномъ случаѣ такая работа облегчалась тѣмъ, что «земскимъ учрежденіямъ приходилось начать свою дѣятельность заботами о такихъ предметахъ, которые очень мало касались интересовъ крупныхъ землевладѣль-

[1]) См. протоколы комиссіи по вопросу о земскомъ избирательномъ цензѣ. „Саратовская Земская Недѣля“ 1903 г. Приложеніе, стр. 47.

цевъ и на почвѣ которыхъ эти интересы не сталкивались антагонистически съ интересами массъ» [1]).

Тѣ, которые приписываютъ причину слабаго проявленія классовой борьбы въ земствѣ тому, что въ земскихъ учрежденіяхъ «руководство принадлежитъ самому просвѣщенному сословію»,—ограничиваются лишь поверхностнымъ констатированіемъ факта. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нужно выяснить еще, почему именно создалось такое положеніе, которое, съ одной стороны, побуждаетъ стремиться къ земской дѣятельности «самое просвѣщенное сословіе», а съ другой стороны, почему ихъ стремленіе не встрѣчаетъ упорнаго противодѣйствія въ средѣ «непросвѣщенныхъ», но имѣющихъ доступъ къ земскимъ дѣламъ элементовъ.

Весьма существенная причина слабаго развитія классовой борьбы въ земствѣ кроется въ самихъ земскихъ Положеніяхъ 1684 и 1890 гг., которыми обезпечивается преобладаніе лишь одной группы населенія. Разсмотримъ этотъ вопросъ, въ виду его важности, нѣсколько подробнѣе.

Согласно статьѣ 16 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года выборы уѣздныхъ земскихъ гласныхъ производились: a) на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ; b) на съѣздѣ городскихъ избирателей и c) на съѣздахъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ.

Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ имѣли право принимать участіе: 1) лица, владѣющія въ уѣздѣ опредѣленнымъ пространствомъ земли (не менѣе 200 десятинъ); 2) владѣльцы другого недвижимаго имущества въ уѣздѣ, стоимостью не ниже 15.000 рублей, а также владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній не ниже той же капитальной стоимости или имѣющіе общій годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей; 3) повѣрен-

---

[1]) В. В. Экономическія основы земской дѣятельности. „Экономическая Газета“ 1904 г., № 4.

ные отъ частныхъ владѣльцевъ, а также отъ разныхъ учрежденій, обществъ, владѣющихъ пространствомъ земли или имуществомъ, указаннымъ въ пунктахъ первомъ и второмъ; 4) уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, товариществъ и проч., владѣющихъ цензомъ не ниже $\frac{1}{20}$ полнаго ценза; 5) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковной землей указанныхъ выше размѣровъ.

Въ съѣздѣ городскихъ избирателей могли принимать участіе: 1) лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; 2) владѣльцы находящихся въ городѣ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ которыхъ не менѣе 6.000 рублей; 3) владѣльцы городской недвижимой собственности (не ниже 500—3.000 рублей въ различныхъ городахъ, смотря по числу жителей); 4) повѣренные отъ всѣхъ выше названныхъ лицъ и учрежденій.

Наконецъ, выборы гласныхъ отъ сельскихъ обществъ производились на особыхъ *съѣздахъ сельскихъ избирателей*, составлявшихся изъ выборщиковъ отъ волостныхъ сходовъ, по разсчету не менѣе одного выборщика на 300 домохозяевъ.

По численности *главную категорію уѣздныхъ земскихъ гласныхъ составляли частные землевладѣльцы и представители отъ сельскихъ обществъ*, число же городскихъ гласныхъ въ большинствѣ земствъ было крайне незначительно. Это обстоятельство должно было, конечно, сказываться на интересѣ городскихъ избирателей къ земству. Вотъ что по этому поводу писалъ еще Н. Колюпановъ: «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, опредѣляя составъ земскихъ собраній, поставило въ такую тѣсную и неизбѣжную зависимость городскихъ гласныхъ отъ сельскихъ, что за первыми не обезпечило даже фактически права имѣть своихъ представителей въ губернскомъ земскомъ собраніи, а въ уѣздномъ они совершенно подавляются перевѣсомъ голосовъ крестьянскихъ и землевладѣль-

ческихъ, солидарныхъ между собою гораздо болѣе, нежели съ городомъ» [1]).

Другая причина индифферентнаго отношенія къ земству городскихъ избирателей, среди которыхъ преобладали владѣльцы купеческихъ свидѣтельствъ и промышленныхъ заведеній, заключается въ томъ, что закономъ 21-го ноября 1867 года былъ установленъ высшій допускаемый размѣръ обложенія купеческихъ свидѣтельствъ и промышленныхъ предпріятій на земскія потребности. Понятно, что «представители городовъ, будучи всегда обложены однимъ и тѣмъ же сборомъ, стали относиться къ нему (къ земскому дѣлу) совершенно пассивно» [2]). То же подтверждается и другимъ авторитетнымъ источникомъ: «Равнодушное отношеніе городскихъ избирателей къ земскому дѣлу,—говорилъ въ своей запискѣ сенаторъ Шамшинъ,—объясняется преимущественно тѣмъ, что сборъ съ купеческихъ свидѣтельствъ и патентовъ вездѣ дошелъ до высшей нормы, допущенной закономъ (1867 года), и что представители городовъ обезпечены противъ дальнѣйшаго повышенія этого сбора» [3]).

Указывая на равнодушное отношеніе городскихъ избирателей къ земству, Колюпановъ останавливается вмѣстѣ съ тѣмъ и на мотивахъ, вызвавшихъ изданіе названнаго закона. «Само сельское земство, говоритъ онъ, во многихъ случаяхъ слишкомъ неуравнительно и неосторожно воспользовалось выгодами своего положенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ городскія промышленныя заведенія и купеческіе капиталы были обложены слишкомъ высоко, и на эти исключительныя (?) данныя могъ указывать законъ

---

[1]) Н. Колюпановъ. Общій взглядъ на первый періодъ земскихъ собраній въ Россіи. „Вѣстникъ Европы“, 1867 г., I, стр. 12.

[2]) Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ (1860—1870 г.г.) „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., IX, стр. 365.

[3]) Записка по вопросамъ особаго наставленія ревизующимъ сенаторамъ, относящимся къ земскимъ учрежденіямъ (см. матеріалы Кахановской комиссіи 1881—84 г.г.), стр. 122.

21-го ноября 1867 года для своего мотивированія. *Вездѣ* жалобы городскихъ сословій на неуравнительность городскихъ раскладокъ, обращенныя къ губернскимъ собраніямъ, а *такихъ жалобъ было много,—отвергались послѣдними безъ всякаго разсмотрѣнія*, на основаніи буквы закона, неразрѣшающей губернскому собранію отмѣны уѣздныхъ раскладокъ по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ и сословій. Съ легальной стороны губернскія собранія были правы; но ничто имъ не мѣшало для сохраненія добрыхъ сословныхъ отношеній разобрать эти жалобы и, въ случаѣ справедливости, высказать о нихъ свое мнѣніе, необязательное для уѣздныхъ собраній» [1]).

Неудивительно, что городскіе избиратели всегда были склонны видѣть въ земствѣ нарушителя своихъ матеріальныхъ интересовъ и не разъ возбуждали ходатайства о выдѣленіи городовъ въ особыя земскія единицы.

Итакъ, ясно, что при дѣйствіи земскаго Положенія 1864 года *городскіе избиратели не находились въ такомъ положеніи, чтобы вызывать въ земскихъ собраніяхъ упорную классовую борьбу.*

Не иначе чувствовали себя и крестьяне. О томъ, какъ вначалѣ крестьяне отнеслись къ земству, разсказываетъ г. Колюпановъ: «Когда крестьянскіе выборные собрались первый разъ для назначенія земскихъ гласныхъ, для нихъ общая неизвѣстность земскаго дѣла осложнялась многими другими соображеніями самаго неутѣшительнаго свойства: лишніе расходы, дальняя поѣздка, непривычное житье въ уѣздномъ городѣ, занятіе дѣломъ, никогда не бывшимъ въ рукахъ, которое вмѣсто облегченія ляжетъ, пожалуй, новымъ налогомъ. Поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ заключать, что первый призывъ крестьянскихъ гласныхъ былъ самый лучшій и самый цѣлесообразный: были исключенія и въ ту и въ другую сторону; въ одномъ мѣстѣ крестьяне

---

[1]) Н. Колюпановъ. Общій взглядъ и т. д., стр. 12.

посылали дѣйствительно самыхъ развитыхъ людей, въ другихъ—они наряжали недоимщиковъ, какъ для отбыванія общественной повинности; но въ большинствѣ случаевъ выборы происходили безъ всякихъ особыхъ соображеній: посылались люди потолковѣе и грамотные, чтобы съумѣли понять въ чемъ дѣло, прочесть и разсказать, въ чемъ дѣло»[1]).

Но если вначалѣ у крестьянъ и былъ нѣкоторый интересъ къ земству, какъ это утверждаютъ иногда, то надо признать, что въ послѣдующее время дѣло измѣнилось: крестьяне, какъ раньше стояли, такъ стоятъ и теперь не у дѣлъ въ земствѣ. Ихъ приниженное правовое положеніе не могло, конечно, благопріятствовать независимой борьбѣ и отстаиванію своихъ интересовъ въ земскихъ собраніяхъ. И вотъ въ настоящее время земству приходится констатировать, что «земская идея» не привилась въ народѣ, что большинство населенія смотритъ на земскія учрежденія, какъ на «нѣсколько улучшенныя казенныя учрежденія».

Чтобы видѣть, какъ далеко въ настоящее время земство стоитъ отъ крестьянскаго населенія, мы приведемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ по этому поводу относительно самыхъ различныхъ губерній, дабы избѣжать упрека въ подборѣ исключительныхъ фактовъ.

Въ докладѣ *рязанскому* уѣздному комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности предсѣдатель земской управы Елагинъ писалъ: «въ присутствіи своего начальника гласные крестьяне, въ числѣ которыхъ преобладаютъ старшины, стѣсняются высказывать свободное мнѣніе, боясь попасть въ разрѣзъ съ мнѣніемъ своего начальника. Извѣстенъ случай, когда гласный-старшина, желавшій говорить, сѣлъ, уловивъ отклоняющій знакъ своего начальника»[2]). Въ скопинскомъ комитетѣ (рязанской губерніи) гласный Леоновъ говорилъ между прочимъ: «со-

[1]) Н. Колюпановъ, ibid, стр. 11.
[2]) С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди и т. п. стр. 119—120.

стоя гласнымъ со времени введенія новаго земскаго положенія, я убѣдился, что изъ всѣхъ сословныхъ представителей въ земскомъ собраніи наименѣе независимы въ своихъ сужденіяхъ гласные отъ крестьянъ. Причина такого явленія кроется не только въ томъ, что гласные-крестьяне, критически относившіеся къ дѣйствіямъ управы или вообще противодѣйствовавшіе такъ или иначе дворянскому большинству въ собраніи, обыкновенно скоро исчезали изъ состава собранія. Эта причина лежитъ гораздо глубже...; гласные отъ сельскихъ обществъ бываютъ рѣдко независимы и обыкновенно голосуютъ въ унисонъ со своимъ земскимъ начальникомъ» [1]).

Въ *харьковскомъ* губернскомъ комитетѣ указывалось на то, что гласные отъ крестьянъ «утратили всякую самостоятельность и сдѣлались игрушкой въ рукахъ засѣдающихъ въ собраніяхъ земскихъ начальниковъ» [2]).

На очередномъ *Новгородскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи 1903 года гласный Тютрюмовъ говорилъ: «бывали случаи, когда гласному крестьянину, проявившему самостоятельность въ голосованіи, говорили: ну, больше васъ здѣсь не будетъ! Бывали также случаи, когда гласнаго изъ собранія отправляли на три дня подъ арестъ».

«Въ настоящее время,— какъ замѣтилъ тогда же гласный Колюбакинъ,—въ уѣздномъ земскомъ собраніи нерѣдко все дѣло дѣлаетъ магическій карандашъ земскаго начальника: стоитъ карандашъ—гласные крестьяне стоятъ; лежитъ—гласные крестьяне сидятъ» [3]).

Московское земское статистическое бюро опросило (1905 г.) своихъ корреспондентовъ по вопросу о томъ, какъ крестьянское населеніе относится къ агрономической и сельскохозяйственной дѣятельности земства.

Изъ 140 отвѣтовъ 29% были неблагопріятны для

---

[1]) Ibid, стр. 120.
[2]) Ibid, стр. 119.
[3]) „Вѣстникъ Новгородскаго Земства“, 1904 г., № 5, стр. 12 и 14.

земства. «Населеніе,—пишетъ одинъ корреспондентъ,—относится такъ, что будто бы земство норовитъ не только дѣлать пользу, но дѣлаетъ наживу, но думаю, что это потому, что некому разъяснить». «Я,—пишетъ другой,—за всю дѣятельность земства остаюсь очень благодаренъ, относительно же крестьянъ скажу, что тѣ относятся недовѣрчиво и принимаютъ неохотно всѣ совѣты земства». «Крестьяне не сознаютъ,—говорится въ другомъ отзывѣ,—что ученые господа очень могутъ имъ помочь, и боятся ихъ, поэтому избѣгаютъ земства». «Популярность земства,—пишетъ волостной писарь изъ рузскаго уѣзда,—среди населенія мала; его знаютъ больше, какъ учрежденіе, облагающее сборами». «Вообще крестьяне по отношенію къ земству,—жалуется крестьянинъ-корреспондентъ,—очень темный или—лучше сказать, совсѣмъ слѣпой народъ. По мнѣнію крестьянина Медвѣдева, «въ настоящее время населеніе относится къ земству равнодушно. Если земство заботится о народномъ просвѣщеніи, объ оздоровленіи и матеріальномъ благоустройствѣ, то оно, конечно, должно дорожить мнѣніемъ народа о себѣ» [1]).

А вотъ рядъ отзывовъ читателей *нижегородской* земской газеты [2]). «Даже и теперь есть крестьяне, которые не знаютъ, что такое земство и на что оно существуетъ, и какой оно несетъ трудъ, и какую оно приноситъ пользу населенію, несмотря на то, что населеніе всегда пользуется земствомъ. И также мало понимаетъ населеніе и то, куда и на что взыскиваются земскіе сборы, полагая, что съ мужика оберутъ, а тратятъ на разныя барскія затѣи»,—такъ пишетъ крестьянинъ семеновскаго уѣзда. «Земское дѣло,—сообщаетъ крестьянинъ ардатовскаго уѣзда,—для почти всѣхъ насъ незнакомо и неудобопонятно». Учитель-

---

[1]) А. Смирновъ. Крестьяне и земство. „Экономическая Газета“, 1905 г. № 6, стр. 16.

[2]) В. Чешихинъ. Нижегородская земская газета и ея читатели „Саратовская Земская Недѣля“ 1905 г., № 1.

ница изъ арзамасскаго уѣзда пишетъ, что «болѣе развитые слѣдятъ за дѣятельностью земства... но, къ сожалѣнію, такихъ сознательныхъ мало». Крайне мѣтко охарактеризовалъ положеніе дѣла нѣкій крестьянинъ Ѳ. Ч. въ своемъ письмѣ изъ семеновскаго уѣзда. «Земство,—пишетъ онъ,—мало понятно для крестьянъ. И земству мало понятны, мало доступны крестьянскія нужды и потребности... Далеко невѣрно то предположеніе, что крестьяне не дозрѣли до самодѣятельности. Нѣтъ, это не такъ. Присмотритесь: эта сила прорывается сама собой, дайте ей просторъ, и она быстро разрастется до могущества».

Въ своемъ докладѣ *саратовскому* губернскому земскому собранію (мартъ 1905 г.) управа говоритъ между прочимъ: «относительно земства въ деревнѣ существуютъ подчасъ самыя невѣроятныя представленія и земство, земскіе работники смѣшиваются въ общемъ понятіи начальства, которое приказываетъ, предписываетъ, беретъ подати и налоги, оставляя въ сторонѣ сознательное участіе въ земской дѣятельности самого населенія».

А вотъ и нѣсколько бытовыхъ картинокъ.

Корреспондентъ «Саратовскаго Листка» (1904 г.) пишетъ изъ Борисоглѣбска *тамбовской* губерніи: «надо было видѣть, съ какимъ трепетомъ и страхомъ вступали гласные изъ крестьянъ въ залу собранія, въ особенности волостные старшины, увидѣвшіе здѣсь свое непосредственное начальство въ лицѣ земскихъ начальниковъ. Словно малые ребята, изъ боязни не потревожить старшихъ, шли они къ своимъ мѣстамъ на цыпочкахъ. Тотъ же страхъ и трепетъ, вѣроятно, не покидалъ крестьянскихъ гласныхъ и и во время всѣхъ засѣданій. За всѣ три дня я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ господъ подошелъ къ гласному крестьянину и удостоилъ его милостиваго вниманія и разговора. За тѣ же три дня ни одинъ гласный изъ крестьянъ не проронилъ ни одного слова. Мнѣ чувствовалось, что гласные крестьяне занимаютъ здѣсь какое-то особое

приниженное положеніе. «Господамъ» и горожанамъ, напримѣръ, подавался чай во время самыхъ засѣданій, а «равноправные» крестьяне поились чаемъ въ передней. Это мелочь, конечно, но она ярко свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь крѣпостническаго духа—въ смыслѣ строгаго раздѣленія на «господъ» и «мужиковъ»... Для гласныхъ крестьянъ, какъ будто нарочно, отведено въ собраніи особое мѣстечко въ уголку, поближе къ передней [1]), и каждый изъ нихъ строго придерживается своего мѣста. «Господа» и горожане, напримѣръ, свободно переходятъ съ мѣста на мѣсто, но крестьяне этого не допускаютъ, конечно, не почему нибудь, а исключительно по отсутствію всякаго общенія съ ними лицъ другихъ сословій и страха ради передъ начальствомъ» [2]).

Неудивительно, что на почвѣ подобнаго приниженнаго положенія гласныхъ-крестьянъ въ земствѣ создаются такія явленія, о которыхъ разсказываетъ, напримѣръ, корреспондентъ изъ вяземскаго уѣзда *смоленской* губерніи. Гласный Беклемишевъ, будучи избранъ (1904 г.) въ члены уѣздной управы, заявилъ, что по совѣсти онъ признаетъ выборы его неправильными; къ нему въ день выбора подходили гласные крестьяне (восемь человѣкъ) и просили съ него «на чай»; онъ имѣлъ «глупость» дать имъ, и теперь выходитъ, что онъ избранъ за взятку. Признать такого избранія онъ не можетъ и проситъ выборы относительно его считать недѣйствительными. Его стали упрашивать остаться членомъ управы. Въ концѣ концовъ

---

[1]) Мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ подобнаго приниженнаго положенія гласныхъ-крестьянъ въ самомъ „сердцѣ земской Россіи“, въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (1901 г.). „Господа“ гласные сидѣли за столомъ посреди комнаты, а гласные крестьяне скромно ютились на лавочкѣ близъ передней, не имѣя даже стола передъ собой, и за все время сессіи не проронили почти ни одного слова, застывъ вѣроятно въ нѣмомъ благоговѣніи передъ „господами“, которые ратовали за мужицкое благополучіе. *Авторъ.*

[2]) Цитировано по „Экономической Газетѣ“ 1904 г., № 37.

онъ согласился, но заявилъ, что будетъ служить безъ жалованья. Въ «Днѣпровскомъ Вѣстникѣ» нѣкто по этому поводу замѣчаетъ, что въ продолженіи 12 лѣтъ предсѣдатель вяземской управы изъ года въ годъ устраивалъ для гласныхъ крестьянъ въ сторожевской комнатѣ обѣды съ приличными возліяніями, члены же управы всѣ и всегда давали «на чай». Это вошло въ обычай, это освящено «земской давностью», и если это удивило г. Беклемишева, то только потому, что онъ всего одинъ годъ служилъ въ земствѣ [1]).

А вотъ что пишутъ, напримѣръ, въ «Орловскій Вѣстникъ» изъ обоянскаго уѣзда *курской* губерніи [2]): «Въ тотъ торжественный моментъ, когда былъ поставленъ избирательный ящикъ, произошло какое-то замѣшательство; баллотировка пріостановилась и предсѣдатель собранія направился въ дальній уголъ зала, гдѣ въ глубокомъ молчаніи сидѣли трое гласныхъ старшинъ. «Васъ я оштрафую и сообщу губернатору»,—послышался голосъ предсѣдателя; но старшины все же не рѣшались подойти къ столу. Пришлось предсѣдателю вновь дѣлать экскурсію въ помѣщеніе, смежное съ заломъ, куда мѣстный землевладѣлецъ Л. вызывалъ для какихъ-то таинственныхъ переговоровъ злополучныхъ гласныхъ отъ крестьянъ. «Я васъ попрошу удалиться отсюда»,—вновь послышался голосъ предсѣдателя, и представители народа стали съ крайней нерѣшительностью подвигаться къ столу. Ихъ оказалось всего трое, тогда какъ раньше на засѣданіяхъ присутствовало десять гласныхъ старшинъ. И опять куда-то пришлось путешествовать предсѣдателю и изъ невѣдомыхъ для публики странъ привести съ собой гласныхъ: земскихъ начальниковъ К. и П... Наконецъ, удалось гласнымъ общими усиліями усадить за столъ еще двухъ старшинъ,

---

[1]) Тамъ же, № 34.
[2]) Тамъ же, № 35.

изъ которыхъ одинъ наивно жаловался незадолго до этого: «какъ тутъ быть, одинъ говоритъ—оштрафую, а другой—вышвырну»,—и засѣданіе вновь открылось для выборовъ управы».

Я могъ бы значительно продолжить число подобныхъ примѣровъ, но считаю достаточнымъ и приведенныхъ выше. Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе крестьянъ въ земствѣ крайне принижено. Но когда пытаются разобраться въ причинахъ этого, обычно ссылаются на давленіе со стороны земскихъ начальниковъ и вообще администраціи. Я не стану отрицать, что это обстоятельство имѣетъ крупное значеніе, но всецѣло имъ нельзя объяснить установившагося въ большинствѣ земскихъ собраній отношенія къ гласнымъ изъ крестьянъ. Причина этого лежитъ глубже, именно въ подавленіи, вольномъ или невольномъ, крестьянскаго представительства «просвѣщеннымъ» элементомъ земскихъ собраній. Въ самомъ дѣлѣ, много ли земскія собранія прилагали усилій, чтобы работать вмѣстѣ съ народомъ въ земскомъ дѣлѣ? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что большинство либеральныхъ земцевъ смотрѣли на народъ, какъ на татарскую орду, которая можетъ погубить земское дѣло, если будетъ оказывать вліяніе на земскую работу? Саратовскій гласный Н. Н. Львовъ говорилъ въ одной изъ комиссій: «Я былъ бы въ данное время противъ сліянія крестьянъ съ избирателями изъ остальныхъ классовъ до тѣхъ поръ, пока крестьянская масса останется замкнутымъ сословіемъ, подчиненнымъ исключительному административному надзору. Эта масса могла бы волной захлеснуть другіе слои болѣе развитыхъ классовъ» [1]).

Если бы земство выставило программу, преслѣдующую par excellence нужды крестьянъ, и если бы оно при-

---

[1]) См. Протоколы комиссіи о цензѣ. „Сарат. Земская Недѣля“, № 8, 1903 г., стр. 14 Приложенія.

ложило усиліе для популяризированія этой программы въ населеніи,—то не пришлось бы послѣ 40-лѣтней работы говорить о массѣ, какъ о волнѣ, которая можетъ только захлеснуть земское. Въ дѣйствительности было не такъ: «классовое недовѣріе и классовая непріязнь къ народу постоянно прорывались изъ подъ гуманной и туманой заботливости о меньшомъ братѣ... Либералы никогда не шли къ народу, никогда не придавали своему символу вѣры дѣйствительнаго характера» [1]).

Вполнѣ правъ г. Мацѣевичъ, полагая, что «если у земства есть не только претензія.... считаться представителемъ населенія, то оно должно имѣть въ виду въ своей работѣ контроль населенія надъ выполненіемъ этого представительства» [2]).

Ни о чемъ подобномъ, однако, земства (за двумя—тремя исключеніями) даже не мечтали.

Итакъ, очевидно, что по винѣ самихъ земцевъ, между прочимъ, *представители крестьянъ до сихъ поръ были чуждымъ элементомъ въ земствѣ*, также, какъ и представители городовъ. Руководство земскимъ дѣломъ принадлежало и принадлежитъ группѣ частныхъ землевладѣльцевъ. Но и изъ нихъ не всѣ работали на земской нивѣ: крупные землевладѣльцы чуждались земства, предпочитая занимать ряды высшей бюрократіи, а мелкіе землевладѣльцы проникали въ земство лишь съ трудомъ. Такимъ образомъ, во главѣ земской дѣятельности стояли въ большинствѣ случаевъ представители средняго землевладѣнія, вербовавшіеся, кромѣ того, изъ среды дворянъ [3]).

Крупные землевладѣльцы, какъ я сказалъ выше, *не стремились попасть въ земскіе гласные*. Что они могли

---

[1]) Н. Іорданскій. Земскій либерализмъ. „Образованіе“, 1904 г., кн. 12, стр. 35.

[2]) К. Мацѣевичъ. Еще разъ земство и деревня. „Саратовская Земская Недѣля“ 1904, № 6, стр. 89.

[3]) О такъ называемыхъ крестьянскихъ земствахъ я буду говорить далѣе особо.

получить отъ земства? Служба въ качествѣ высшей бюрократіи была для нихъ открыта и могла дать болѣе удовлетворенія ихъ властолюбію и честолюбію, чѣмъ дѣятельность въ преслѣдуемомъ и постоянно урѣзываемомъ земствѣ. Съ другой стороны, земское обложеніе до сихъ поръ было еще такъ нечувствительно для нихъ, что они довольно спокойно могли относиться къ повышенію земскихъ смѣтъ. Но нѣкоторымъ земскимъ мѣропріятіямъ, которыя затрагивали ихъ матеріальные интересы болѣе (напримѣръ, лечебно-продовольственные пункты для пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ), они всегда считали своимъ долгомъ противодѣйствовать.

Интересныя данныя относительно того, гдѣ крупные землевладѣльцы-дворяне находятъ приложеніе своимъ силамъ, приводятся въ статьѣ г. Н. Рубакина [1]), составленной на основаніи оффиціальнаго матеріала, «Списка гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ». Въ этомъ «спискѣ» имѣется сообщеніе о землевладѣніи 50 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и 194 тайныхъ. Во владѣніи первыхъ находится 284.008 десятинъ земли, во владѣніи вторыхъ не меньше 3.103.579 десятинъ. Итого у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 3.387.587 десятинъ, т. е. на каждаго владѣльца въ среднемъ приходится 13.882 десятины. Всего же по «списку» числится 648 тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. «Но положимъ,—говоритъ Рубакинъ,—что изъ общаго числа тайныхъ и дѣйствительно тайныхъ, кромѣ указанныхъ 50 и 194 человѣкъ, всѣ прочіе—настоящіе пролетаріи (фактъ мало вѣроятный,—справедливѣе отнести недостатокъ свѣдѣній о чиновничьемъ землевладѣніи къ скромности гг. землевладѣльцевъ или составителей «списка») и вовсе не владѣютъ никакой землей. Станемъ разсматривать этихъ 648 дѣй-

[1]) Н. Рубакинъ. Наша правящая бюрократія въ цифрахъ. „Сынъ Отечества“, 1905 г., № 54.

ствительныхъ тайныхъ и просто тайныхъ совѣтниковъ, какъ опредѣленную общественную группу, въ рукахъ которой сосредоточены 3.387.587 десятинъ русской земли. И въ такомъ случаѣ на каждаго изъ 648 сановниковъ приходится на-кругъ по 5.228 десятинъ. А если это такъ, то на основаніи выше приведенныхъ данныхъ мы должны признать слѣдующій весьма важный и интересный фактъ: *наша высшая бюрократія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и земельная аристократія*, обезпеченная, въ отличіе отъ прочаго землевладѣльческаго класса, не только землей, но и государственнымъ казначействомъ».

Чтобы иллюстрировать, насколько слабое участіе въ земскихъ дѣлахъ принимаютъ крупные землевладѣльцы изъ дворянъ, я сошлюсь на примѣръ Балашовскаго уѣзда (Саратовской губерніи), который отнюдь не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія [1]). Число крупныхъ дворянскихъ цензовъ и число выборщиковъ отъ нихъ на избирательныхъ собраніяхъ было таково:

года выборовъ	1865.	1869.	1872.	1875.	1878.	1881.	1884.	1887.
всего цензовъ дворянскихъ свыше 3.000 десятинъ .	30	21	19	20	16	17	15	15
участвовало въ выборахъ лично и по довѣренности	2	1	1	2	1	1	2	1

Изъ всѣхъ 11, участвовавшихъ въ выборахъ за 1865—1887 гг., пятеро были предводители дворянства, на обязанности которыхъ предсѣдательствовать на избирательныхъ и земскихъ собраніяхъ; затѣмъ три раза была выдана довѣренность на участіе въ выборахъ отъ одного и того же лица своему родственнику, и лишь два раза крупные землевладѣльцы дворяне явились лично спеціально для выборовъ.

---

[1]) См. нашу работу: Земскія выборы въ Балашовскомъ уѣздѣ по Положенію 1864 года. „Саратовская Земская Недѣля № 8 1903 г., стр. 90.

Приблизительно также пользовались своими избирательными правами крупные землевладѣльцы не-дворяне, хотя среди нихъ % участвовавшихъ въ выборахъ былъ все-таки выше, вѣроятно благодаря тому, что имъ былъ закрытъ доступъ на высшія іерархическія ступени и они въ большинствѣ случаевъ проживали въ своихъ имѣніяхъ.

Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Катковъ выступилъ съ проектомъ допущенія крупныхъ землевладѣльцевъ въ земскія собранія безъ выборовъ, онъ встрѣтилъ среди земствъ самый рѣшительный отпоръ. Насколько намъ извѣстно, сочувственно къ этой мысли отнеслись лишь земства: Ряжское (Рязанской губерніи), Холмское (Псковской губерніи) и Мосальское (Смоленской губерніи). Прикрываясь требованіемъ справедливости,—крупное землевладѣніе несетъ болѣе повинностей и потому якобы нуждается въ особомъ представительствѣ своихъ интересовъ,—Катковъ въ дѣйствительности преслѣдовалъ иную цѣль: онъ стремился лишь ослабить земскую оппозицію, исходившую изъ среды среднихъ землевладѣльцевъ.

Не болѣе, чѣмъ крупные землевладѣльцы, участвовали въ земскихъ собраніяхъ представители мелкаго землевладѣнія, но уже по инымъ причинамъ. Прежде всего самъ законъ лишалъ представительства извѣстную группу мелкихъ землевладѣльцевъ. По Положенію 1864 года избирательными правами совершенно не пользовались владѣльцы менѣе $\frac{1}{20}$ полнаго ценза, т. е. менѣе 12,5—20 десятинъ (смотря по уѣзду). Положеніе 1890 года повысило этотъ предѣлъ до $\frac{1}{10}$, лишивъ этимъ избирательныхъ правъ тѣхъ лицъ, которыя этими правами пользовались при старомъ Положеніи. Во-вторыхъ, владѣльцы неполнаго ценза могутъ выбирать лишь уполномоченныхъ для участія въ выборахъ гласныхъ. Такимъ образомъ, для нихъ установлены двухстепенные выборы, тогда какъ для крупныхъ собственниковъ одностепенные.

Мы увидимъ далѣе, что сами земства въ огромномъ большинствѣ случаевъ относились несочувственно къ расширенію избирательныхъ правъ мелкихъ собственниковъ, несмотря на то, что представительство отъ мелкаго землевладѣнія организованно крайне неудовлетворительно. Благодаря этому послѣднему обстоятельству въ земствѣ почти не было мѣста для борьбы интересовъ средняго и мелкаго землевладѣнія. Лишь въ мѣстностяхъ съ преобладающей мелкой земельной собственностью были случаи междугрупповой борьбы. Такъ, напримѣръ, въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи въ 1871 году были забаллотированы всѣ представители крупнаго землевладѣнія. Произошло это благодаря тому, что казаки воспользовались своимъ правомъ участвовать одновременно въ выборахъ отъ сельскихъ обществъ и въ выборахъ уполномоченныхъ на избирательномъ собраніи; они явились въ такомъ большомъ количествѣ и дѣйствовали такъ дружно, что почти всѣ крупные землевладѣльцы были забаллотированы (изъ 38 гласныхъ лишь двое были представителями средняго и крупнаго землевладѣнія). Въ особой запискѣ, представленной министру внутреннихъ дѣлъ, предсѣдатель Полтавской губернской управы Томара указывалъ между прочимъ на возможность подобнаго подавленія представительства крупныхъ землевладѣльцевъ и въ другихъ уѣздахъ губерніи, такъ какъ крупные землевладѣльцы пользуются (1871 г.) лишь 1430 голосами, владѣя 1.272.000 десятинъ земли, а мелкіе могутъ избрать 4.155 уполномоченныхъ, имѣя только 831.000 десятинъ [1]).

Намъ извѣстенъ и другой случай, [2]), но уже обратный:

---

[1]) Надо замѣтить, что казаки, владѣющіе землей на подворномъ началѣ, участвовали одновременно въ выборахъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Сенатскимъ разъясненіемъ 1872 года они были лишены право участвовать на этихъ послѣднихъ съѣздахъ въ томъ случаѣ, если не имѣли ненадѣльной земли.

[2]) См. нашу работу: Земскіе выборы по положенію 1864 года „Саратовская Земская Недѣля“, 1903 г., № 8.

мелкіе землевладѣльцы домогались усилить собственное представительство, но не достигли этого. Дѣло въ томъ, что земское Положеніе предоставляетъ управѣ право назначать одинъ или нѣсколько пунктовъ для съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ. Понятно, что пріѣзжать на выборы издалека не всѣмъ позволяютъ средства; а потому мелкіе собственники заинтересованы въ назначеніи нѣсколькихъ избирательныхъ пунктовъ. Примѣръ балашовскаго уѣзда (саратовской губерніи) наглядно показываетъ, какое большое значеніе имѣетъ это обстоятельство. Слѣдующая таблица даетъ цифры всѣхъ *мелкихъ* цензовъ и явившихся на выборы:

года	1865.	1869.	1872.	1875.	1878.	1881.	1884.	1887.
всего цензовъ	205.	376.	333.	314.	329.	267.	274.	310.
явилось избират.	46.	38.	20.	98.	64.	11.	37.	29.

Рѣзко бросается въ глаза сравнительно большое число прибывшихъ на выборы въ 1875 и 1878 г.г.; въ первый изъ нихъ было два избирательныхъ собранія на уѣздъ, а во второй хотя и одно, но въ центральномъ пунктѣ. Раньше и послѣ назначался одинъ нецентральный пунктъ. Несмотря на жалобы избирателей, повторявшіяся нѣсколько трехлѣтій подъ-рядъ, управа продолжала назначать одинъ избирательный пунктъ.

Кто знаетъ, не пользовались ли этимъ средствомъ и многія другія земства?

Итакъ, мы должны констатировать, что земская работа находилась до сихъ поръ преимущественно въ рукахъ группы среднихъ землевладѣльцевъ и, какъ покажемъ далѣе, главнымъ образомъ въ рукахъ дворянъ. Городскіе представители, сельскія общества, мелкіе и крупные землевладѣльцы не пользовались вліяніемъ въ земствѣ и относились къ нему въ большинствѣ случаевъ индифферентно.

Для кого вышеприведенныя соображенія покажутся недостаточно убѣдительными, мы можемъ только посовѣ-

товать обратиться къ изученію *посѣщаемости* избирательныхъ собраній различными группами избирателей. Не имѣя намѣренія долго останавливаться на этомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько характерныхъ цифръ, относящихся къ различнымъ періодамъ—до реформы 1890 года и послѣ нея.

Какъ обстояло дѣло при дѣйствіи Положенія 1864 года, видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Въ саратовской губерніи на выборахъ 1878 года участвовало:

крупныхъ [1]) землевладѣльцевъ—22,5% общаго числа избирателей,
мелкихъ „ — 11% „ „ „
горожанъ „ — 15,3% „ „ „

Въ самарской губерніи на выборахъ 1880 года соотвѣтственно участвовало:

крупныхъ землевладѣльцевъ — 12,2% „ „ „
мелкихъ „ — 3,5% „ „ „
горожанъ „ — 12,6% „ „ „

Изъ числа мелкихъ землевладѣльцевъ болѣе всего явилось на выборы въ балашовскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, [2]) —именно 24,4%. Менѣе всего явилось въ новоузенскомъ (0 изъ 288) и бузулукскомъ (5 человѣкъ 660) уѣздахъ самарской губерніи.

Крупныхъ землевладѣльцевъ съѣхалось на выборы болѣе всего въ кузнецкомъ уѣздѣ саратовской губерніи (32,2%), а менѣе всего въ новоузенскомъ уѣздѣ (2,5%, или 4 человѣка изъ 156).

Горожанъ болѣе всего явилось на выборы въ г. Новоузенскѣ (40,1%), а менѣе всего въ Самарѣ (7 человѣкъ изъ 507).

Въ двухъ названныхъ губерніяхъ съ 1865 по 1880 годъ было 26 случаевъ примѣненія статьи 34 (признаніе

---

[1]) т. е. имѣющихъ полный цензъ.

[2]) Этотъ годъ былъ исключительно благопріятнымъ, такъ какъ для съѣзда былъ назначенъ центральный пунктъ въ уѣздѣ. Объ этомъ мы говорили выше.

*

всѣхъ явившихся на выборы гласными безъ избранія, въ виду того, что число явившихся менѣе положеннаго числа гласныхъ). При этомъ въ вольскомъ уѣздѣ саратовской губерніи она примѣнялась каждое трехлѣтіе, въ Новоузенскомъ у.—5 разъ и т. д.

Отмѣчая приведенные нами факты (по Саратовской и Самарской губерніямъ), сенаторъ Шамшинъ писалъ: «Если разсматривать число избирателей, являющихся на съѣзды землевладѣльцевъ и городскіе, по отношенію къ общему числу лицъ, имѣющихъ непосредственное право голоса на съѣздѣ,—то приходится признать, что гласные, избранные на этихъ съѣздахъ, *не представляютъ собою большинства тѣхъ классовъ, уполномоченными которыхъ они являются по закону*». Стремясь объяснить указанное явленіе, сенаторъ Шамшинъ продолжаетъ: «равнодушіе къ земскому дѣлу, которое проявляется въ уклоненіи избирателей отъ пользованія предоставленнымъ имъ правомъ избранія гласныхъ и которое вообще такъ много вредитъ дѣлу, обусловливается различными причинами. Значительное число лицъ, способныхъ и готовыхъ участвовать въ земскомъ дѣлѣ, остается ему чуждымъ въ силу самаго закона, ограничивающаго избирательныя права высокимъ имущественнымъ цензомъ. Другіе не посѣщаютъ избирательныхъ съѣздовъ, зная по опыту, что малочисленность ихъ устраняетъ возможность правильныхъ выборовъ и облегчаетъ происки такъ называемыхъ земскихъ партій, т. е. группъ, преслѣдующихъ тѣ или другія личныяцѣли» [1]).

Естественно, что на почвѣ вышеуказаннаго явленія, отмѣченнаго сенаторомъ Шамшинымъ для двухъ губерній, но характернаго и для большинства другихъ, не могла развиться классовая борьба въ земствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ являлся широкій просторъ для различныхъ случайныхъ (родственныхъ, кружковыхъ и т. п.) комбинацій. Это обстоятельство мы изслѣдуемъ въ слѣдующей главѣ.

[1]) См. „Записка“ и т. д.. стр. 121.

Теперь посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло въ настоящее время.

Предварительно необходимо замѣтить, что по нынѣ дѣйствующему земскому Положенію 1890 года всѣ избиратели дѣлятся по сословіямъ: *первый съѣздъ* (для выбора уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ) и *первое собраніе*—состоятъ изъ дворянъ; *второй съѣздъ* и *второе собраніе*—изъ разночинцевъ, владѣющихъ въ предѣлахъ уѣзда недвижимой собственностью въ установленномъ размѣрѣ. При этомъ число гласныхъ отъ дворянъ значительно превышаетъ число гласныхъ отъ недворянъ. Это настолько общеизвѣстно, что вдаваться въ подробности мы считаемъ излишнимъ; укажемъ лишь, что это преобладаніе, закрѣпленное закономъ, настолько значительно, что подрываетъ у недворянъ-избирателей всякій интересъ къ земской дѣятельности.

Для характеристики настоящаго положенія мы возьмемъ данныя относительно самыхъ различныхъ губерній.

Насколько неравномѣрно—въ пользу дворянъ—существующее представительство, показываютъ слѣдующія цифры 1903 года:

ГУБЕРНІИ.	Одинъ гласный приходится на сколько десятинъ.		
	Отъ дворянъ.	Отъ разночинцевъ.	Отъ сельск. обществъ.
Московская	1.806	4.815	16.189
Самарская	7.956	30.028	98.465
Симбирская	5.929	13.690	21.789
Харьковская	2.862	31.646	26 488

Давая такое значительное преобладаніе въ земскихъ обраніяхъ дворянамъ, законъ вовсе не побудилъ этихъ

послѣднихъ стремиться попасть въ земство. Все чаще и чаще послѣднее время стали повторяться случаи несостоявшихся выборовъ отъ дворянъ, такъ что земское дѣло попадаетъ въ руки все болѣе ограниченнаго кружка лицъ.

Такъ, напримѣръ, въ Нижегородской губерніи послѣдніе выборы (1903 г.) по 1-му избирательному собранію состоялись не сразу въ 6 уѣздахъ; но и дополнительные выборы не во всѣхъ уѣздахъ дали полное число гласныхъ. Во многихъ уѣздахъ выборовъ отъ дворянъ фактически давно уже не существуетъ [1]).

Относительная степень участія различныхъ группъ въ выборахъ весьма хорошо иллюстрируется слѣдующими данными по Петербургской губерніи (1901 г.), но опять таки характерными и для другихъ губерній:

УѢЗДЫ.	1-е собраніе.		1-ый съѣздъ.		2-е собраніе.		2-й съѣздъ.	
	Всего избирателей.	Явилось на выборы.	Всего избирателей.	Явилось на выборы.	Всего избирателей.	Явилось на выборы.	Всего избирателей.	Явилось на выборы.
Гдовскій	64	14	45	2	41	4	347	7
Лужскій	135	21	107	0	86	8	245	0
Новоладожскій	74	16	69	2	97	3	114	6
Царекосельскій	45	11	158	9	43	7	305	16
Шлиссельбургскій . . .	41	12	9	0	39	11	56	19
Ямбургскій	56	16	32	1	37	10	273	0
Итого . . . ,	415	90	420	14	343	43	1340	48

[1]) Таковы, напримѣръ, уѣзды: Николаевскій, Бугурусланскій и Новоузенскій, Самарской губерніи; Моршанскій, Спасскій, Усманскій и Борисоглѣбскій, Тамбовской губерніи; Вольскій, Саратовской и многіе другіе.

Изъ 858 крупныхъ собственниковъ избирательными правами воспользовались 133; а изъ 1760 мелкихъ— всего только 62 человѣка. Изъ крупныхъ собственниковъ участвовало болѣе дворянъ (21,7% общаго числа избирателей данной группы), чѣмъ разночинцевъ (12,6%).

Приведенныхъ данныхъ, думается, вполнѣ достаточно для подтвержденія той мысли, что земское дѣло сосредоточено въ рукахъ дворянъ изъ группы среднихъ землевладѣльцевъ, тогда какъ мелкіе собственники и крупные собственники изъ разночинцевъ почти никакого участія въ земствѣ не принимаютъ.

Такимъ образомъ, я считаю доказаннымъ, что въ земствѣ не было основаній для рѣзкаго проявленія классовой борьбы. Тамъ, гдѣ власть сосредоточена постоянно въ рукахъ одной и той группы, не можетъ быть рѣчи о «борьбѣ»; тамъ возможно лишь, какъ правило, подавленіе и пренебреженіе интересовъ невластвующихъ группъ населенія. И дѣйствительно, классъ среднихъ землевладѣльцевъ, захвативъ въ свои руки земскую дѣятельность, наложилъ на всю эту дѣятельность печать своихъ классовыхъ воззрѣній. Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дѣятельности и взглядовъ земствъ въ различныхъ областяхъ, мы должны уяснить роль побочныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, «кумовства», сословности и т. под.

ГЛАВА IV.

Со времени освобожденія крестьянъ русское дворянство постоянно теряло и продолжаетъ терять до сихъ поръ свои имѣнія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство, какъ сословіе, все болѣе лишалось вліянія въ мѣстной жизни.

---

[1]) О ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія даютъ представленіе слѣдующія цифры, заимствованныя изъ отчета дворянскаго Банка за 1892 годъ.

Дворянское землевладѣніе.

А. Черноземная полоса.

Губерніи.	Тысячи десятинъ.	
	Въ 1878 г.	Къ 1892 г.
1. Центрально-земледѣльч.:		
Курская	1.165,5	1.053,4
Орловская	1.231,1	1.078,2
Тульская	1.026,9	981,2
Рязанская	1.053,4	842,7
Тамбовская	1.593,4	1.395,9
Воронежская	1.378,9	1.255,9
Итого	7.449,2	6.607,3
2. Средневолжскія:		
Казанская	590,5	450,0
Симбирская	1.173,0	1.004,3
Пензенская	1.077,1	931,9
Саратовская	2.259,7	1.844,1
Нижегородская	1.168,8	854,9
Уфимская	1.851,7	1.716,7
Итого	8.120,8	6.801,9

Когда старый строй уступаетъ мѣсто болѣе жизненному, среди одного и того же класса являются люди различныхъ

3. Нижневолжскія:		
Самарская	2.033,1	1.498,8
Оренбургская	1.000,4	716,5
Астраханская	334,8	74,0
Итого	3.368,3	2.289,3
4. Новороссійскія:		
Херсонская	2.549,2	1.901,8
Таврическая	1.585,7	1.124,3
Екатеринославская	2.464,8	1.629,8
Итого	6.599,7	4.655,9
5. Юго-западныя:		
Кіевская	1.833,9	1.705,9
Подольская	1.565,5	1.469,2
Волынская	2.424,2	2.421,7
Итого	5.823,6	5.596,8
6. Малороссійскія:		
Полтавская	1.726,8	1,261,8
Харьковская	1.345,0	927,8
Черниговская	1.351,9	1.143,4
Итого	4.423,7	3.333,0
Всего по черноземн. полосѣ.	35.785,3	29.284,2

Б. Нечерноземная полоса.

Губерніи.	Тысячи десятинъ. Въ 1878 г.	Къ 1892 г.
1. Промышленныя:		
Владимірская	809,7	541,7
Московская	737,9	490,2
Тверская	1.255,7	880,7
Калужская	756,9	525,5
Костромская	2.003,1	1.432,7
Ярославская	786,8	588,2
Итого	6.350,1	4.399,0
2. Бѣлорусскія:		
Минская	3.983,7	4.326,3
Могилевская	1.976,4	1.544,6
Витебская	1.606,4	1.767,6
Смоленская	1.915,5	1.326,4
Итого	9.482,0	8.964,9

направленій: болѣе дальновидные, стремящіеся приноровиться къ нарождающимся условіямъ, и интертные, которые слѣпо хватаются за старину и желаютъ сохранить ее во что бы то ни стало. И тѣ и другіе руководятся классовыми интересами, своеобразно ими понимаемыми Земство включало всегда наиболѣе прогрессивные элементы дворянства, главная же масса этого послѣдняго стоитъ внѣ земства и къ земской дѣятельности не стремится. Кто знакомъ съ нашими дворянскими собраніями, тотъ знаетъ, насколько ихъ тенденціи въ большинствѣ случаевъ чужды земскому либерализму.

Мы не можемъ поэтому согласиться съ В. М. Гессеномъ въ томъ, что «наше помѣстное дворянство, *въ цѣломъ*, отнюдь не проникнуто узко-консервативнымъ духомъ, что оно въ полной мѣрѣ сознаетъ безусловную настоятельную необходимость коренныхъ и неотложныхъ реформъ» [1]).

3. Литовскія:		
Виленская	1.440,9	1.398,0
Ковенская	1.490,8	1.451,1
Гродненская	1.043,3	981,2
Итого	3.974,7	3.830,3
4. Приозерныя:		
Петербургская	1.418,4	992,3
Новгородская	2.455,3	1.768,0
Псковская	1.217,6	873,6
Итого	5.091,3	3.633,9
5. Пріуральскія:		
Пермская	6.692,4	6.849,3
Вятская	491,2	115,2
Итого	7.183,6	6.964,5
6. Сѣверныя:		
Вологодская	774,3	409,0
Всего по нечерноземной полосѣ	38.856,0	28,201,6

[1]) В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. СПБ. 1904 г., стр. 118.

Для подтвержденія своей мысли г. Гессенъ ссылается на заботы земствъ о народномъ образованіи, народномъ здравіи и проч., а также на либерализмъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ дворянъ. На самомъ дѣлѣ, въ этихъ комитетахъ принимали участіе по-преимуществу земцы-дворяне, рядовое же дворянство слабо выразило въ нихъ свои взгляды. Насколько различно настроеніе земско-дворянской и дворянской среды, видно изъ тѣхъ взглядовъ, которые высказывались названными группами по поводу тѣхъ или другихъ государственныхъ вопросовъ. Недавній примѣръ у всѣхъ на памяти. Какъ высказались земцы и съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства по поводу государственнаго переустройства? Кто помнитъ это, тотъ не станетъ утверждать, что помѣстное дворянство и земцы-дворяне охвачены одинаковымъ настроеніемъ и взглядами.

Дворянство, *въ цѣломъ*, продолжаетъ отстаивать свое сословно-привиллегированное положеніе, не считаясь совершенно съ тѣмъ обстоятельствомъ, что экономическія условія измѣняются непрестанно не въ его пользу; земцы же либералы стремятся приспособиться къ нарождающемуся строю жизни. Можно ли пѣть имъ за это диффирамбы? Не обязаны ли они, какъ представители землевладѣльческаго *класса*, понявъ положеніе дѣла, избрать вѣрный путь? Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Б. Н. Чичеринъ, котораго совсѣмъ нельзя заподозрить въ несправедливости къ дворянству [1]): «не въ отдѣленіи себя отъ другихъ, не въ стремленіи искусственными мѣрами поддержать свои преимущества, не въ безплодныхъ воспоминаніяхъ объ утратившихъ свое значеніе служилыхъ обязанностяхъ, а въ ясномъ пониманіи своего положенія и въ умѣніи приспособляться къ новымъ условіямъ жизни, созданнымъ общегражданской свободой и современнымъ экономиче-

[1]) Б. Н. Чичеринъ. Вопросы политики. М. 1903 г., стр. 17.

скимъ строемъ, состоитъ его (дворянства) настоящая задача. Оно должно образовать ядро для класса независимыхъ землевладѣльцевъ, управляющихъ мѣстными дѣлами и черезъ это вліяющихъ и на общій ходъ государственной жизни». Такъ говоритъ представитель землевладѣльческаго класса, понимающій положеніе дѣлъ, созданное экономическимъ развитіемъ страны.

Ту же мысль, нѣсколько иначе, формулировалъ членъ тамбовской губернской управы Л. Д. Брюхатовъ въ своемъ докладѣ губернскому комитету о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: «Сословная организація земства, пишетъ онъ: въ настоящее время, когда сословность не играетъ уже почти никакого значенія въ жизненныхъ отношеніяхъ, когда сословныя грани уступили почти окончательно мѣсто гранямъ классовымъ и самое понятіе сословныхъ интересовъ отзывается уже какимъ-то анахронизмомъ, въ настоящее время эта организація не отвѣчаетъ требованіямъ дѣйствительности и вноситъ лишь разладъ во взаимоотношенія мѣстныхъ людей» [1]).

Вполнѣ раціональное нониманіе современнаго классоваго положенія русскаго дворянства было выражено также костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ его рѣчи къ дворянамъ. «И теперь», говорилъ г. Щулепниковъ въ началѣ 1905 года: «однимъ изъ главныхъ основаній къ доблестному существованію русскаго дворянства должно быть стремленіе дворянства полнѣе использовать свои силы на всесословной работѣ и сохранить за собой руководительство въ земскомъ дѣлѣ. Но сохранить это руководительство на долгое время дворянство можетъ, по моему глубокому убѣжденію, не прерогативами, какъ освященными за дворянствомъ вѣками, такъ и дарованными въ послѣдніе годы, а большимъ стремленіемъ къ просвѣщенію» [2])...

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Стр. 117.
[2]) См. „Русскія Вѣдомости“, 1905 г. № 50.

Въ самомъ земствѣ мы видимъ всегда столкновеніе сословно-дворянскихъ стремленій меньшинства и правильно, болѣе или менѣе, понятыхъ классовыхъ интересовъ большинства. Отстаиваніе сословности наноситъ неисправимый ущербъ дворянству, какъ классу землевладѣльцевъ, а потому вполнѣ естественно, что задачей прогрессивной земско-землевладѣльческой партіи стало стремленіе «слиться съ другими сословіями на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ» и, благодаря этому, сохранить за собой вліяніе въ мѣстныхъ дѣлахъ, а также косвенно и въ государственныхъ.

Становясь на эту точку зрѣнія, легко объяснить одно кажущееся противорѣчіе.

Дѣло въ томъ, что Положеніе 1890 года доставило дворянству значительное преобладаніе въ земствѣ, такъ что при желаніи дворянство могло бы въ исключительно своихъ сословныхъ интересахъ подавить другіе слои. Однако, какъ извѣстно, оно не пошло этимъ путемъ, и характеръ земской дѣятельности съ 1890 года отнюдь не измѣнился къ худшему. Объясняется это, намъ думается, главнымъ образомъ тѣмъ, что послѣднее десятилѣтіе съ полнѣйшей очевидностью показало, что дни дворянства, какъ сословія, сочтены, что растетъ и ширится народное демократическое движеніе въ защиту «общегражданской свободы», какъ выразился Б. Н. Чичеринъ. Въ интересахъ землевладѣльцевъ было приспособиться къ этому жизненному теченію и заявить, что «дольше такъ жить въ глухой провинціи, какъ мы живемъ,—въ опасеніи за себя и за свое имущество,—нельзя».

Но, «утративъ сословную окраску, русскій либерализмъ не сдѣлался болѣе демократическимъ, не потерялъ своего антинароднаго содержанія «и по-прежнему» народная масса стояла отъ него вдали». [1]).

[1]) Н. И. Іорданскій. Земскій либерализмъ. „Образованіе“, 1904 г. XII, стр. 45—46.

Такимъ образомъ, чтобы понять дѣятельность земства, необходимо имѣть постоянно въ виду, что въ немъ сталкивались два названныя выше теченія. Далѣе мы будемъ имѣть случай указать нѣкоторые примѣры проявленія земскими собраніями специфическихъ сословныхъ стремленій, но заранѣе должны оговорить, что сословныя тенденціи не пользовались сколько-нибудь значительной популярностью въ земствѣ, которое подъ давленіемъ быстро надвигающейся волны все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе стремится явить себя борцомъ за народныя права и народное благо. «Кто не со мной, тотъ противъ меня»!—такъ говоритъ жизнь и заставляетъ земцевъ все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ налета сословныхъ предразсудковъ.

Благодаря тому, что земская дѣятельность является до нѣкоторой степени монополіей,—въ особенности послѣ 1890 года,—небольшой группы дворянъ, получившихъ преобладающее вліяніе, въ изслѣдованіе необходимо ввести еще одинъ элементъ, затрудняющій отысканіе классовыхъ тенденцій въ земствѣ. Мы говоримъ о той роли, которую играютъ во многихъ земскихъ собраніяхъ семейныя связи, стремленіе порадѣть родному человѣчку. Но ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что наличность родственныхъ вліяній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаетъ невозможной группировку въ земствѣ партій. «Въ нашемъ земскомъ мірѣ, пишетъ г. Бѣлевскій: при полномъ отсутствіи (?) политической жизни и изуродованности общественнаго представительства, земскія партіи являются результатомъ личныхъ привязанностей, родственныхъ связей и ссоръ нѣсколькихъ десятковъ вліятельныхъ въ уѣздѣ или въ губерніи лицъ» [1]).

Не говоря уже про губернскія земскія собранія, да-

---

[1]) Бѣлевскій. Земская бюрократія. «Образованіе» 1905 г. II, стр. 11.

леко не во многихъ уѣздныхъ отсутствуетъ «политическая жизнь» и группировка, соотвѣтственно этому, на партіи. Правда, въ большинствѣ случаевъ нѣтъ партійной организаціи, но всегда почти есть раздѣленіе гласныхъ на сторонниковъ старины и прогресса. Это особенно приходится сказать относительно послѣдняго времени, когда политическая жизнь въ земствѣ стала болѣе интенсивной. Не видѣть въ земскихъ теченіяхъ ничего, кромѣ проявленія «ссоръ» вліятельныхъ лицъ,—значитъ отказаться отъ пониманія земской дѣятельности въ ея цѣломъ. «Ссоры» выдвигаются на первый планъ тогда, когда наступаетъ періодъ затишья, когда болѣе живые элементы уклоняются отъ участія въ земской работѣ. Но стоитъ подняться волнѣ народнаго движенія, какъ въ земство начинаютъ стремиться идейные представители землевладѣльческаго класса, пульсъ земской жизни начинаетъ биться сильнѣе и она привлекаетъ всеобщее вниманіе, но никакъ уже не «дрязгами» и «ссорами» Читатель видитъ, такимъ образомъ, что и мы считаемся съ наличностью въ земствѣ «дрязгъ», но отнюдь не думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, придавать этимъ «дрязгамъ» важное значеніе.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы остановимся нѣсколько на причинахъ, благопріятствующихъ развитію въ земствѣ «дрязгъ».

Прежде всего въ этомъ повинно само Земское Положеніе, сильно ограничивающее представительство мѣстнаго населенія и отдающее фактически все дѣло въ руки небольшой группы лицъ. Кромѣ того, земству предоставлено замѣщать должности предсѣдателей и членовъ управы, прежде отъ земства зависѣло назначеніе на должности мирового судьи и непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. И то и другое, вмѣстѣ взятое, открывало просторъ для различныхъ происковъ и домогательствъ, дѣлая иногда земство орудіемъ для достиженія личныхъ цѣлей, ничего общаго съ земствомъ не имѣю-

щихъ. Сенаторъ Шамшинъ писалъ по этому поводу слѣдующее: «въ собранія уѣздныя и губернскія часто проникаютъ не тѣ изъ числа мѣстныхъ жителей землевладѣльцевъ, которые принимаютъ къ сердцу благостояніе массы населенія и готовы трудиться для общей пользы, а тѣ, которые видятъ въ званіи гласнаго дорогу къ должностямъ болѣе или менѣе вліятельнымъ и хорошо оплачиваемымъ. Такіе гласные заинтересованы почти исключительно выборами, и либо вовсе уклоняются отъ участія въ собраніяхъ, въ которыхъ не производится выборовъ, либо посѣщаютъ его для систематическаго содѣйствія или противодѣйствія управѣ, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ они находятся съ ея членами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ наплывъ гласныхъ въ тѣ засѣданія, въ которыхъ должны происходить выборы, и немногочисленность ихъ въ другихъ засѣданіяхъ; этимъ же объясняется и менѣе быстрое измѣненіе состава гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и даже отъ городовъ, сравнительно съ гласными отъ сельскихъ обществъ. Между гласными первой категоріи многіе смотрятъ на земскія собранія, какъ на учрежденіе, отъ котораго зависитъ замѣщеніе должностей по управѣ или мировому институту, и потому дорожатъ участіемъ въ немъ, стараются сохранить за собой званіе гласнаго. На долю гласныхъ отъ крестьянъ избраніе на земскую должность выпадаетъ рѣдко; званіе гласнаго сопряжено для нихъ скорѣе съ неудобствомъ и потерями, чѣмъ съ личными выгодами» [1])

Интересны приэтомъ цифры, приводимыя сенаторомъ Шамшинымъ для Саратовской и Самарской губерній. Оказывается, что въ 1878-1881 г. въ числѣ предсѣдателей уѣздныхъ управъ саратовской губерніи было: 8 дворянъ и чиновниковъ, 1 купецъ и 1 крестьянинъ (въ камышин-

[1]) См. Записка по вопросамъ особаго [наставленія и т. д., стр. 123.

скомъ земствѣ). Изъ 23 членовъ уѣздныхъ управъ было: 14 дворянъ и чиновниковъ, 4 купца и 5 крестьянъ.

Въ самарской губерніи за трехлѣтіе 1880—1883 гг., изъ семи предсѣдателей уѣздныхъ управъ было: 6 дворянъ и 1 крестьянинъ (въ новоузенскомъ земствѣ) [1]). Изъ 18 членовъ уѣздныхъ управъ было: 7 дворянъ, 1 купецъ и 10 крестьянъ.

Губернскія управы обоихъ земствъ за то же время состояли изъ гласныхъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые, за исключеніемъ одного члена управы,—всѣ были дворяне.

Интересно, далѣе, отмѣтить, что изъ 36 предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ въ обѣихъ губерніяхъ, принадлежавшихъ къ разряду личныхъ землевладѣльцевъ, только двое владѣли землею въ размѣрѣ свыше 3.000 десятинъ; менѣе 500 десятинъ имѣли изъ нихъ 19 человѣкъ. Изъ 9 предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ только двое владѣли болѣе, чѣмъ 1.000 десятинъ, а всѣ остальные менѣе, чѣмъ по 500 десятинъ. Это еще разъ подтверждаетъ сказанное нами выше о преобладаніи въ земскихъ собраніяхъ среднихъ землевладѣльцевъ.

По мнѣнію К. Ф. Головина, высказанному имъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, «земскіе выборы все болѣе переходятъ въ руки выработавшагося особаго класса мѣстныхъ дѣятелей, которые на земскую смѣту смотрятъ преимущественно, какъ на источникъ хорошихъ окладовъ для себя». Указывая, далѣе, на сильный ростъ земскихъ смѣтъ, г. Головинъ ставитъ это обстоятельство въ связь съ преобладаніемъ среди гласныхъ такой группы, для которой «размѣръ обложенія довольно безразличенъ, но за то крайне важно полученіе жалованія» [1]). Для того, чтобы оградить интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, г. Головинъ

[1]) Нужно имѣть въ виду, что камышинское и новоузенское земство принадлежатъ къ числу „крестьянскихъ“.

проектировалъ предоставить имъ по два голоса на выборахъ,—тогда «неравенство въ правахъ, существующее теперь въ ущербъ крупному землевладѣнію, было бы устранено хотя бы въ нѣкоторой степени» [1]).

Жалобы на господствующую въ земствѣ группу гласныхъ въ томъ, что она злоупотребляетъ земскими деньгами при назначеніи себѣ жалованья, раздавались съ самаго начала введенія земскихъ учрежденій, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится признать справедливость этихъ заявленій. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ 1870 году г.—инъ на основаніи оффиціальнаго матеріала (для 30 земскихъ губерній): «самыми щедрыми въ отношеніи жалованья земскимъ людямъ и въ то же время самыми бережливыми въ расходахъ, идущихъ на потребности крестьянскаго сословія, оказываются губерніи калужская, курская, орловская, тульская, смоленская, т.-е. тѣ земледѣльческія губерніи съ преобладающимъ вліяніемъ помѣщичьяго элемента, гдѣ преимущественно раздавались возгласы о безвозмездной службѣ... Напротивъ, самыми щедрыми на производительные расходы являются губерніи, гдѣ въ земскихъ собраніяхъ преобладаетъ вездѣ или въ значительной степени элементъ крестьянскій». [2]) Пять лѣтъ спустя (1875 г.) по поводу того же обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ» писалъ слѣдующее: «относительно окладовъ жалованья во всѣхъ почти земствахъ идетъ борьба между гласными отъ крестьянъ и гласными отъ землевладѣльцевъ. Первые хлопочутъ о томъ, какъ бы уменьшить оклады, послѣдніе, наоборотъ, стараются ихъ увеличить... Въ николаевскомъ земствѣ (самарской губерніи) представители крестьянъ на земскомъ собраніи уже не разъ поднимали вопросъ о со-

---

[1]) К. Ф. Головинъ. Наше мѣстное управленіе, и т. д., стр. 88 и 98.

[2]) См. — инъ. Земскіе итоги. „Вѣстникъ Европы“, 1870 г. Августъ, стр. 756. тамъ же приведено много цифръ, подтверждающихъ это положеніе.

кращеніи судейскихъ окладовъ съ 2. 100 рублей до 1.800 рублей, но ходатайства никогда не имѣли успѣха» [1]). «Есть цѣлые уѣзды, пишетъ далѣе тотъ же обозрѣватель, управляемые родами. Изъ членовъ рода и примкнувшихъ къ нему изгоевъ состоятъ всѣ мировые посредники, всѣ мировые судьи уѣзда, всѣ члены управы и т. д.»

Если при дѣйствіи Положенія 1864 года можно было во многихъ случаяхъ констатировать господство въ земствѣ «кумовства», какъ выразился г. Головинъ,—то еще съ большимъ основаніемъ это можно сказать относительно земскихъ собраній, дѣйствующихъ на основаніи Положенія 1890 года. Всѣмъ извѣстно, насколько это Положеніе ограничило кругъ земскихъ избирателей. Выше мы приводили много случаевъ несостоявшихся выборовъ, за неприбытіемъ достаточнаго количества избирателей. Явленіе это, относительно перваго (дворянскаго) избирательнаго собранія, обычно. Весьма естественно поэтому, что на почвѣ такихъ порядковъ «кумовство» можетъ доходить до крайнихъ предѣловъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщалось въ газетахъ относительно выборовъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи (1903 годъ). Гласныхъ отъ перваго избирательнаго собранія полагается выбрать 16; въ число ихъ были выбраны 13 болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ и только 3 «постороннихъ», причемъ «одинъ изъ послѣднихъ отказался отъ званія гласнаго, не желая вносить диссонансъ въ родственный концертъ». «Такимъ образомъ,—пишетъ корреспондентъ,—Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года идетъ даже далѣе поддержки сословнаго начала и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ведетъ къ господству начала родового, къ созданію какихъ-то земско-дворянскихъ клановъ» [2]).

Однако, у насъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать,

---

[1]) Внутреннее обозрѣніе „Отечественныхъ Записокъ“, 1875 г. № 5, стр. 179 и 180.

[2]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1903 г. № 258.

что послѣ 1890 года земская дѣятельность носила на себѣ болѣе печать «кумовства», чѣмъ до этого времени; иными словами: мы не въ правѣ приписывать «дрязгамъ» доминирующее значеніе при изслѣдованіи земской дѣятельности. Дрязги эти были всегда, есть онѣ и теперь въ земствѣ. Отсутствіе широкой гласности, отсутствіе контроля надъ гласными со стороны избирателей и много другихъ причинъ благопріятствуютъ развитію этого явленія. И если земства превращаются иногда въ «семейные союзы», то мы все же должны разсматривать ихъ en masse, какъ «общественные союзы», а слѣдовательно, ссылкой на «семейно-сословный» характеръ современныхъ земствъ [1]) совсѣмъ не опровергается правомѣрность изслѣдованія дѣятельности земскихъ собраній съ классовой точки зрѣнія.

Укажемъ еще на одинъ частный факторъ, который можетъ затруднить изслѣдованіе дѣятельности того или другого отдѣльнаго земства, но во всякомъ случаѣ не подрываетъ правильности основной точки зрѣнія, выставленной нами.

«Во многихъ уѣздахъ земли помѣщиковъ распредѣлены неравномѣрно, а поэтому «можетъ легко случиться, что въ гласные попадутъ землевладѣльцы, имѣнія которыхъ находятся въ одной какой либо части уѣзда, и это обстоятельство можетъ значичельно повліять на характеръ постановленій собранія Уѣзды наши иногда такъ обширны, что внутри ихъ условія хозяйства и потребности населенія могутъ быть неодинаковы, и если гласные будутъ распредѣляться по волостямъ неодинаково, земское собраніе можетъ приносить интересы одной части уѣзда въ пользу другой. Такая несправедливость

---

[1]) Н. И. Изъ обзора печати. „Вѣстникъ Новгородскаго Земства“, 1904 г. № 20, стр. 86.

будетъ еще ощутительнѣе въ распредѣленіи земскаго налога» [1]).

Что это не есть лишь гипотетическій случай, мы видимъ въ отчетѣ по ревизіи сенатора Шомшина. «Обширныя части уѣздовъ,—пишетъ онъ,—остаются нерѣдко вовсе безъ представителей въ земскомъ собраніи; въ такомъ положеніи, напримѣръ, находились (въ трехлѣтіе 1880—1883 гг.) девять волостей изъ 36 Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи» [2]). Съ своей стороны мы можемъ указать на хорошо намъ извѣстный примѣръ Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи, гдѣ вопросъ о «сѣверѣ» и «югѣ» постоянно составляетъ злобу дня на земскомъ собраніи. Дѣло въ томъ, что гласными отъ «сѣвера» являются преимущественно дворяне; «югъ» же представленъ въ земскомъ собраніи гораздо слабѣе благодаря отсутствію тамъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Въ результатѣ получается, что «сѣверъ» лучше обезпеченъ больницами, дорогами и т. под.

Вотъ этотъ-то «угловой потріотизмъ»,—какъ выразился одинъ гласный на Балашовскомъ земскомъ собраніи,—и нужно имѣть въ виду въ качествѣ одной изъ тѣхъ частныхъ причинъ, которыя могутъ придавать дѣятельности отдѣльныхъ земствъ то или другое направленіе.

Кромѣ указанныхъ нами частныхъ, осложняющихъ изслѣдованіе земской дѣятельности, факторовъ, будущему изслѣдователю придется считаться, можетъ быть, и съ нѣкоторыми другими, подчасъ совершенно случайными. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно уѣздныхъ земствъ. «Уѣздныя земскія собранія,—пишетъ Д. Н. Шиповъ,—въ большинствѣ случаевъ слишкомъ малочисленны, значительная часть ихъ не имѣетъ еще привычки къ самостоятельному отстаиванію своихъ мнѣній и нерѣдко

---

[1]) К. Ф. Головинъ. Наше мѣстное управленіе, и т. д., стр. 85.
[2]) Записка по вопросамъ особаго наставленія, и т. д., стр. 136.

постановленія уѣздныхъ собраній слагаются подъ вліяніемъ взглядовъ и тенденцій отдѣльныхъ лицъ, пользующихся въ данное время вліяніемъ въ уѣздѣ. Такое положеніе, конечно, можетъ имѣть мѣсто и въ губернскомъ собраніи, но вообще въ меньшей мѣрѣ, и вообще въ губернскомъ собраніи такіе случаи встрѣчаются гораздо рѣже» [1]).

При поверхностномъ взглядѣ на земскія собранія различныхъ губерній, они кажутся до того несходными между собой, что, какъ будто, представляется даже невозможнымъ искать общихъ движущихъ силъ, а требуется приписывать все игрѣ слѣпого случая. Одно земство прогрессивно, другое — противится всякимъ широкимъ мѣропріятіямъ, въ одномъ—земскія собранія крайне оживлены и привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, другое, напротивъ, всѣми забытое, влачитъ жалкое существованіе. Для объясненія этихъ отклоненій необходимо, конечно, искать какихъ либо особыхъ «случайныхъ» причинъ. Но мы, я повторяю, въ настоящее время не имѣемъ нужды (да и не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для этого) входить во всѣ чисто мѣстныя и случайныя причины того или другого направленія земской дѣятельности. Несмотря на то, что эти мѣстныя и случайныя причины иногда значительно отражаются на физіономіи земскаго собранія, — онѣ по существу не измѣняютъ сказаннаго нами относительно роли классовыхъ интересовъ въ земствѣ.

---

[1]) Д, Н. Шиповъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ, и т. д. стр. 23.

ГЛАВА V.

Земскіе взгляды на вопросъ о представительствѣ различныхъ группъ населенія въ земскихъ учрежденіяхъ носятъ на себѣ печать переходнаго времени: чувствуется, что старый сословный строй жизни оставилъ по себѣ значительное наслѣдство въ понятіяхъ земцевъ и что новому, чисто классовому, обществу суждено лишь постепенно переродить земскія понятія. Правда, защитниковъ сословности въ чистомъ видѣ встрѣчается теперь очень немного; огромное большинство сознаетъ, что «землевладѣлецъ — будь онъ купецъ, крестьянинъ или дворянинъ, имѣютъ одни и тѣ же интересы и гораздо болѣе общіе, чѣмъ дворянинъ-землевладѣлецъ и дворянинъ-горожанинъ» [1]). Но такая общность интересовъ признается лишь за землевладѣльцами-помѣщиками; что же касается сельскихъ обществъ, то земскія собранія, за единичными исключеніями, стремились всегда выдѣлить ихъ въ особыя избирательныя собранія. Въ этомъ отлично сказался характеръ современнаго земства, въ которомъ сословные предразсудки все еще упорно продолжаютъ отстаивать въ иныхъ мѣстахъ свои позиціи.

Недостаточная послѣдовательность въ проведеніи классовой точки зрѣнія проявилась также по вопросу о томъ

---

[1]) См. рѣчь гр. Олсуфьева въ саратовской комиссіи о цензѣ. Приложеніе къ № 8 „Саратовской Земской Недѣли“, 1903 г., стр. 14.

цензѣ, который долженъ давать доступъ въ земство: долженъ ли это быть цензъ *имущественный*, т. е. измѣряемый количествомъ десятинъ землевладѣнія и оцѣнкой для другого недвижимаго имущества,—или же онъ долженъ быть замѣненъ цензомъ *налоговымъ*, такъ что степень участія въ земствѣ различныхъ группъ населенія соизмѣрялась бы съ размѣрами ихъ платежей въ пользу земства. Огромное большинство и здѣсь не рѣшалось сдѣлать послѣдняго шага, отстаивая принципъ имущественнаго ценза. Въ этомъ сказалась столько же рутинность мысли, сколько, быть можетъ, и инстинктивная боязнь дворянъ-землевладѣльцевъ уступить мѣсто въ земствѣ «капиталу» [1]).

Окидывая общимъ взглядомъ высказывавшіяся земствомъ пожеланія относительно реформы избирательнаго права, мы должны признать, что въ этой области земскія собранія не проявили въ большинствѣ случаевъ достаточной широты взглядовъ. Коренные вопросы выдвигались лишь временами (такъ, напримѣръ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ 1902—1903 гг.). Обычно же земскія собранія ограничивались почти исключительно ходатайствами о тѣхъ или другихъ второстепенныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ земскихъ положеніяхъ. Характерно весьма также и то, что Положеніе 1890 года, такъ рѣзко измѣнившее основы земскаго представительства, вызвало возраженія въ земствѣ лишь спустя семь лѣтъ послѣ своего введенія. Насколько намъ извѣстно, первымъ съ рѣшительною критикой выборовъ по этому Положенію выступило (1897 годъ) новгородское губернское земское собраніе.

---

[1]). См. весьма характерную рѣчь новгородскаго гласнаго Кузьминскаго, который между прочимъ выражалъ опасеніе, что съ уничтоженіемъ сословности выборовъ „нежелательное господство перейдетъ къ капиталу“. Отчетъ XXXV-го очереднаго новгородскаго губернскаго земскаго собр., стр. 143.

Положеніе 1864 года не подвергалось основательной критикѣ вплоть до начала восьмидесятыхъ годовъ, да и тогда лишь единичныя земства взглянули на вопросъ сколько нибудь широко. Указанные нами выше періоды подъема и оживленія въ земскихъ собраніяхъ по вопросу о реформѣ избирательнаго права отнюдь не случайны; припомнимъ, что именно начало восьмидесятыхъ годовъ и конецъ девяностыхъ совпадаютъ съ періодомъ сильнаго подъема общественнаго настроенія.

Минуя теперь частности, мы попытаемся остановиться на основныхъ вопросахъ земскаго представительства и выяснить отношеніе къ нимъ со стороны земствъ [1]).

Прежде всего относительно сословнаго начала.

При дѣйствіи стараго земскаго Положенія лишь одно симбирское губернское земство, насколько намъ извѣстно, высказалось (1884 г.) рѣшительно въ пользу сословнаго начала земскаго представительства. Иниціаторомъ этого постановленія былъ извѣстный А. Д. Пазухинъ, сотрудникъ министра внутреннихъ дѣлъ Толстого и вдохновитель реакціонныхъ реформъ 1889 года 12 іюля и 1890 года 12 іюня. Интересны мотивы этого, въ своемъ родѣ единственнаго, постановленія. По мнѣнію симбирскихъ земцевъ, законъ 1864 года, «устраняя наши историческія сословія, бытовыя группы, отъ всякаго (?) участія въ ходѣ земскаго дѣла, парализуетъ вліяніе нравственно-политическаго и нравственно-религіознаго начала въ общественной жизни» [2]). Это былъ вопль погибающаго сословнаго строя; симбирскіе феодалы прилагали послѣднія усилія къ тому, чтобы повернуть назадъ колесо исторіи. Законъ 1890 года, казалось, сдѣлалъ шагъ къ осуществленію ихъ мечтаній:

---

[1]) Подробнѣе см. нашу статью: „Взгляды земствъ на вопросъ о земскомъ представительствѣ". „Саратовская Земская Недѣля" 1903 г. №№ 8 и 9.

[2]) См. Сводъ постановленій симбирскаго губернскаго земскаго собранія. Выпускъ II, стр. 5—7.

земское избирательное право было реорганизовано всецѣло на принципѣ сословности.

Какъ же отнеслись земства къ этой реформѣ? Сначала, какъ мы видѣли, они не выразили ничѣмъ своего отношенія къ ней. Лишь со второй половины девяностыхъ годовъ начинаетъ обсуждаться этотъ вопросъ въ земскихъ собраніяхъ. На этотъ разъ сословное начало нашло большее число приверженцевъ. Такъ, напримѣръ, за сохраненіе сословности выборовъ высказались: въ 1898 году пять уѣздныхъ земскихъ собраній Новгородской губерніи (Валдайское, Демянское, Новгородское, Старорусское и Череповецкое); въ 1902 году три калужскихъ земства (мосальское, перемышльское и губернское) и въ 1904 году полтавское губернское земское собраніе.

Интересныя пренія по этому поводу происходили, между прочимъ, на полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Предводитель дворянства Навроцкій, при сочувственномъ отношеніи большинства гласныхъ, развивалъ ту мысль, что недворянскія группы населенія не доросли еще ни нравственно, ни умственно до того, чтобы принимать участіе въ земскомъ самоуправленіи, и что «общественное руководство должно вообще оставаться въ рукахъ образованнаго класса», который-де заботится объ интересахъ меньшой братіи не меньше, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Онъ высказалъ далѣе опасеніе, что «*принципъ безсословности устранитъ дворянскій элементъ*», и на его мѣсто сядутъ люди, для которыхъ нѣтъ ничего выше собственныхъ выгодъ» [1]). Эти заявленія представителя «просвѣщеннаго» сословія настолько краснорѣчивы, настолько ясно разоблачаютъ истинныя стремленія отживающаго свой вѣкъ сословія, что избавляютъ насъ отъ труда добавлять что либо къ нимъ.

[1]) См. „Вѣстникъ Новгородскаго Земства“, 1904 г. № 15, стр. 10—11.

Попытаемся теперь уяснить себѣ доводы противниковъ сословности въ земствѣ. По мнѣнію новгородскаго губернскаго земскаго собранія (1897 г.), «сословное начало перестаетъ быть руководящимъ, сословное дѣленіе общества теряетъ практическое значеніе», такъ какъ «съ уничтоженіемъ крѣпостного права радикально измѣнились взаимныя отношенія низшихъ сословій». Съ одной стороны, «законодательство съ этого времени вступило на путь упраздненія особыхъ правъ, преимуществъ и привилегій, такъ что крестьянская реформа необходимо вызвала реформу мѣстнаго управленія», а съ другой стороны «прогрессъ общественнаго управленія въ смыслѣ уничтоженія сословной розни и обособленности происходитъ на почвѣ частныхъ отношеній, благодаря успѣхамъ образованія, свободной промышленности и свободной группировкѣ экономическихъ отношеній» [1].

Въ комиссіи, избранной земскимъ собраніемъ, мнѣнія подѣлились: большинство высказалось за безсословные выборы, меньшинство же отстаивало сословную точку зрѣнія.

Еще болѣе подробно доводы противъ сословности были формулированы комиссіей московскаго губернскаго земства (1903 г.), а поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести ихъ здѣсь полностью, несмотря на то, что это займетъ порядочно мѣста [2].

«Если сословное начало,—пишетъ комиссія,—было признано непримѣнимымъ къ мѣстному самоуправленію въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за отмѣной крѣпостного права, когда русское общество дѣлилось на рѣзко обособленныя сословныя группы, то тѣмъ менѣе подходитъ оно къ духу земскихъ учрежденій теперь, послѣ того, какъ юридическія и бытовыя различія между сословіями

---

[1]) Докладъ новгородской губернской управы „Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, стр. 19, 20 и слѣдующія.

[2]) См. „Саратовскую Земскую Недѣлю“ 1903 г., № 6—7, стр. 66—68.

въ значительной степени сгладились. Обособленные сословные интересы, если они у насъ и существуютъ, сказываются въ областяхъ жизни, не имѣющихъ ничего общаго съ сферой дѣятельности земскихъ учрежденій. *Различіе интересовъ, дѣйствительно играющее роль въ земской жизни, обусловливается не сословнымъ происхожденіемъ жителей, а главнымъ образомъ количествомъ и родомъ принадлежащаго имъ имущества.* Сословное раздѣленіе, внося въ земскую организацію совершенно чуждое ей начало, въ то же время препятствуетъ установить группировку избирателей, наиболѣе соотвѣтствующую естественной группировкѣ мѣстныхъ интересовъ... Нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время тамъ, гдѣ мѣстное дворянство сохранило свое прежнее значеніе, какъ наиболѣе образованный и самостоятельный элементъ мѣстнаго общества, оно не нуждается ни въ какихъ привилегіяхъ для того, чтобы играть руководящую роль въ земскомъ самоуправленіи. Тамъ же, гдѣ, вслѣдствіе упадка дворянскаго землевладѣнія, развитія торгово-промышленной жизни или иныхъ причинъ, совершилась полная перегруппировка мѣстнаго населенія, искусственное увеличеніе представительства отъ дворянъ и связанное съ нимъ фактическое упраздненіе выборовъ въ средѣ этой сословной группы не подниметъ значенія и авторитета ея въ мѣстности, а только безполезно затруднитъ приливъ свѣжихъ силъ къ земству».

Какъ видитъ читатель, московскимъ земцамъ не совсѣмъ чужда классовая точка зрѣнія на земство.

Даже такой консервативный писатель и горячій защитникъ дворянства, какъ г. Шиповъ-Шульцъ, долженъ былъ высказаться противъ сословнаго начала въ современномъ земствѣ, въ виду того, что «довѣріе мѣстнаго населенія составляетъ силу дворянъ, дающую имъ возможность съ наибольшимъ успѣхомъ трудиться на пользу общую въ земскомъ дѣлѣ. Всякая же мѣра, клонящаяся

къ ихъ обособленію отъ остальной части мѣстнаго населенія, уменьшаетъ къ нимъ довѣріе и роняетъ ихъ значеніе» [1]):

Еще опредѣленнѣе выразился саратовскій гласный Н. Н. Львовъ, сказавъ, что среди населенія «вызывается раздраженіе противъ исключительныхъ привеллегій» (дворянъ въ земствѣ) [2]).

За послѣднее время—въ особенности въ 1902 и 1903 гг.—многія земскія собранія высказались за уничтоженіе сословности выборовъ въ томъ отношеніи, чтобы первое и второе избирательныя собранія были слиты воедино, чтобы всѣ частные землевладѣльцы (безъ различія сословія) были объединены въ одно избирательное собраніе, горожане—въ другое, а выборные отъ сельскихъ обществъ—въ особое. [3]) Вообще мысль о возвращеніи—въ такомъ смыслѣ—къ выборамъ по Положенію 1864 года до сихъ поръ крайне популярна; въ ней кроется желаніе объединить «однородныя» въ экономическомъ отношеніи группы. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ вполнѣ справедливо извѣстный знатокъ земскаго дѣла В. С. Голубевъ: «всѣ земства, которыя рѣшаютъ вопросъ о возвращеніи системы избирательнаго права 1864 года, въ основаніе этого права полагаютъ *имущественные* интересы, а не какіе бы то ни было другіе, напримѣръ, культурно общественные и т. под. Земство по этимъ проектамъ представляется какъ бы предназначеннымъ для осуществле-

---

[1]) Шиповъ-Шульцъ. Законъ и земство. Спб. 1900 г., стр. 52—53.

[2]) См. протоколы комиссіи о цензѣ и т. д. стр., 117.

[3]) Въ этомъ смыслѣ ходатайствовали, напримѣръ, слѣдующія земства: Тихвинское. Устюженское и Бѣлозерское въ 1897 году; Медынское, Боровское, Суджанское, Балахнинское, Тверское губернское. Нижегородскія уѣздное и губернское—въ 1902 году; Балашовское, Бирское, Бѣлозерское, Елецкое, Землянское, Кромское, Рязанское уѣздное, Тамбовское уѣздное, Тихвинское, Слободское, Хвалынское, Данковское, Касимовское, Лохвицкое и нѣкоторыя другія—въ 1903 году.

нія только интересовъ имущественныхъ, экономическихъ, а не для общественно-культурнаго развитія всего населенія Такимъ образомъ, *мѣстные интересы сводятся только къ имущественнымъ*» [1]).

Тѣ земства, которыя ратовали за возвращеніе къ системѣ избирательнаго права по Положенію 1864 года, полагали въ большинствѣ случаевъ, что они отстаиваютъ принципъ *безсословности*, тогда какъ въ дѣйствительности они защищали лишь принципъ *всесословности*. Но были земства, которыя не обманывались на этотъ счетъ. Такъ, напримѣръ, Московская губернская управа и земское собраніе 1898 года. Признавая въ принципѣ наиболѣе желательнымъ въ примѣненіи къ земскимъ учрежденіямъ безсословность выборнаго начала, управа въ своемъ докладѣ высказалась однако за «дѣленіе уѣзднаго населенія въ отношеніи избранія представителей на три главныя части: 1) классъ личныхъ землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ къ составу обществъ; 2) общества городскія, и 3) общества сельскія». По мнѣнію управы, «въ этомъ дѣленіи удерживается, съ одной стороны, земскій характеръ представительства, ибо дѣленіе имѣетъ основаніемъ различіе имуществъ и соединенныхъ съ нимъ интересовъ», а съ другой стороны—«сохраняется отчасти историческій характеръ сословныхъ дѣленій, ибо въ каждомъ изъ классовъ преобладаетъ одно изъ главныхъ исторически сформировавшихся сословій.»

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ дѣйствительности тѣ земства, которыя высказывались за возвращеніе къ Положенію 1864 года,—сидѣли между двумя стульями: съ одной стороны они стремились «отчасти» сохра-

---

[1]) Вас. С. Голубевъ. Къ вопросу объ осѣдло-образовательномъ цензѣ и окружной системѣ выборовъ въ земскомъ представительствѣ. „Саратовская Земская Недѣля“, 1903 г. № 10—11, стр. 159.

нить сословность, а съ другой—не упускали изъ виду и группировку по «имущественнымъ интересамъ».

Такой же нерѣшительностью страдало огромное большинство земствъ и при дѣйствіи Положенія 1864 года. Правда, и тогда было ясно, что представительство отъ сельскихъ обществъ сравнительно слабѣе, но устранить это предполагалось частичными мѣрами. Такъ, по мнѣнію комиссіи Самарскаго земства (1881 г.), «представительство по категоріямъ не согласовано съ размѣромъ земскаго налога, платимаго каждымъ разрядомъ собственниковъ»; результатомъ этого «является пренебреженіе интересами класса, несущаго на себѣ тяжесть земельнаго налога», т. е. крестьянъ. Кимиссія полагала, что выдѣленію въ самостоятельную группу подлежатъ только представители общиннаго землевладѣнія, подворные же землевладѣльцы, «ничѣмъ не отличаясь въ своемъ отношеніи къ землѣ отъ обыкновеннаго частнаго землевладѣнія, не должны имѣть отдѣльнаго представительства». Симбирская земская комиссія (1881 г.) высказывалась за то, чтобы «число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было увеличено и сравнено съ числомъ представителей личнаго землевладѣнія». Далѣе, Псковское губернское земское собраніе (1881 г.), признавая въ принципѣ необходимымъ для осуществленія правильнаго всесословнаго представительства» раздѣлить уѣздъ на потребное количество территоріальныхъ избирательныхъ участковъ и устранить въ избирательномъ участкѣ различіе избирателей по сословіямъ и *количеству землевладѣнія*»,—опасалось однако того, какъ бы при такомъ порядкѣ выборовъ» масса не устранила изъ земскаго собранія интеллигентный элементъ населенія и не нарушилось правильное соотношеніе имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ». Поэтому собраніе приняло «основаніемъ для участія въ избирательномъ съѣздѣ участка для уѣздныхъ избирателей цензъ недвижимаго имущества, *одинаковый*, какъ для общинъ, такъ

и для личныхъ землевладѣльцевъ, причемъ количество цензовыхъ единицъ для тѣхъ и другихъ опредѣляетъ количество голосовъ на избирательномъ съѣздѣ».

Но и въ такомъ смыслѣ высказались тогда (въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ) лишь немногія земскія собранія; большинство же отнеслось несочувственно къ проэкту положить въ основу представительства отъ частныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ одинаковый размѣръ ценза.

Вообще, надо сказать, что установленіе представительства въ строгомъ соотвѣтствіи съ «экономическими интересами» [1]) каждой группы (частныхъ землевладѣльцевъ, горожанъ и сельскихъ обществъ) встрѣчало въ земствахъ большею частью несочувственное отношеніе. Дѣло въ томъ, что тогда бы численное преобладаніе перешло на сторону «капитала» и «непросвѣщенныхъ массъ». Впервые, насколько намъ извѣстно, вопросъ о *налоговомъ* цензѣ былъ поднятъ Новгородской губернской управой въ 1881 году. Управа указывала между прочимъ на то, что «со времени обложенія имуществъ по доходности, за количествомъ земли осталось лишь относительная степень въ опредѣленіи участія въ хозяйственныхъ интересахъ, а преобладающее значеніе заняло качество земли», и что при существующемъ порядкѣ допускается большая неуравнительность представительства въ ущербъ среднему и мелкому землевладѣнію, такъ какъ» чѣмъ землевладѣніе крупнѣе, тѣмъ процентъ эксплуатируемыхъ угодій меньше въ сравненіи съ общимъ количествомъ земли, находящимся во владѣніи одного лица». Земское собраніе однако отвергло предложеніе управы ходатайствовать о замѣнѣ «имущественнаго» ценза «налоговымъ».

Иной пріемъ встрѣтило такое же предложеніе во Владимірскомъ губернскомъ земствѣ (1881 г.). Собраніе

---

[1]) т.-е. пропорціонально налогу въ пользу земства.

вполнѣ сочувственно отнеслось къ мысли установить въ земствѣ трехклассную избирательную систему по образцу прусской. Такое сочувственное отношеніе къ установленію «налоговаго» ценза объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что во Владимірской губерніи при Положеніи 1864 года значительнымъ вліяніемъ пользовались гласные промышленники, въ интересахъ которыхъ и теперь перейти къ «налоговому» цензу.

Затѣмъ вопросъ о «налоговомъ» цензѣ возбуждался еще въ 2—3 земскихъ собраніяхъ; но большинство его даже не поднимало. За послѣднее время мысль о введеніи «налоговаго» или «оцѣночнаго» (не по числу десятинъ, а по оцѣнкѣ ихъ для земскаго сбора) ценза обсуждался въ земствахъ: Балашовскомъ и Хвалынскомъ Саратовской губерніи, въ Рязанскомъ уѣздномъ, Московскомъ уѣздномъ—въ 1903 году; Малоярославецкомъ Калужской губерніи, въ Нижегородскомъ и Тверскомъ губернскихъ—въ 1902 году. При чемъ Малоярославецкое и Тверское отвергли соотвѣтственное предложеніе управъ.

Отмѣтивъ взгляды земствъ по вопросу о сословности земскаго представительства и относительно «налогового» ценза,—мы перейдемъ теперь къ вопросу о крестьянскомъ представительствѣ.

Ходатайства объ увеличеніи числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ были всегда довольно многочисленны. Если несоотвѣтствіе въ представительствѣ различныхъ группъ населенія наблюдалось и до 1890 года, то послѣ этого оно стало рѣзко бросаться въ глаза. И вотъ, на почвѣ такого законодательнаго ограниченія, возникаютъ ходатайства *объ увеличеніи числа крестьянскихъ гласныхъ до числа волостей.* Не много нужно труда, чтобы понять raison d'etre такихъ ходатайствъ. Земствамъ требовалось быть освѣдомленными относительно всѣхъ мѣстностей уѣзда и вотъ, въ качествѣ подобныхъ экспертовъ, важно было имѣть въ земскомъ собраніи гласныхъ кресть-

янъ изъ всѣхъ волостей. Въ самомъ дѣлѣ, причемъ же тутъ волость? Это слишкомъ случайная единица. Не вѣрнѣе ли было ходатайствовать объ уравненіи представительства отъ сельскихъ обществъ и отъ другихъ группъ, сообразно ихъ платежамъ въ земствѣ, количеству земли и т. под.,—а между тѣмъ такихъ ходатайствъ было чрезвычайно немного. Лишь единичныя земства указывали на то, что представительство отъ сельскихъ обществъ и отъ частныхъ землевладѣльцевъ должно быть построено на одинаковомъ принципѣ, т.-е. сообразоваться съ числомъ одинаковыхъ цензовыхъ единицъ у тѣхъ и другихъ. Большинство же видѣло въ увеличеніи числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, сообразно ихъ «хозяйственному» значенію,—опасность якобы для культурной работы земства; въ дѣйствительности же это бсльшинство, руководимое «просвѣщеннымъ» сословіемъ, боялось утратить свое вліяніе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Въ правильности этого мнѣнія насъ лучше всего можетъ убѣдить комиссія Московскаго губернскаго земства о цензѣ (1903 г.).

«Что касается числа гласныхъ, избираемыхъ каждой отдѣльной общественной группой[1]),—пишетъ комиссія,—то оно должно быть опредѣлено въ извѣстномъ соотношеніи съ стоимостью имуществъ лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, но *этотъ критерій не долженъ быть единственнымъ*. Такъ, во избѣжаніе односторонняго преобладанія въ собраніи представителей того или другого общественнаго класса, желательно, чтобы ни одна группа избирателей въ собраніи не имѣла болѣе представителей, чѣмъ всѣ другія группы, взятыя вмѣстѣ. Далѣе, при распредѣленіи представительства должно быть принято во вниманіе *особое значеніе земельной собственности*, какъ основного объекта земскаго обложенія [2]), въ отличіе

[1]) Т. е. частными землевладѣльцами, горожанами и сельскими обществами.

[2]) Для Московской губерніи земля вовсе не представляетъ „основного объекта земскаго обложенія“.

отъ другихъ родовъ имуществъ... Въ виду этого слѣдовало бы владѣльцамъ этого рода имущества дать извѣстное преимущество, установивъ, что число гласныхъ отъ владѣльцевъ прочихъ недвижимыхъ имуществъ и отъ городовъ въ совокупности не можетъ превышать числа представителей отъ частныхъ владѣльцевъ»[1]).

Чѣмъ продиктовано такое старательное изысканіе средствъ сохранить преобладаніе въ земствѣ за помѣщиками?

Чтобы опасенія комиссіи московскаго земства были понятнѣе, мы отмѣтимъ, что въ то время, какъ составлялся этотъ докладъ, въ Московской губерніи одинъ гласный дворянинъ былъ представителемъ имущества, оцѣненнаго для взиманія земскихъ сборовъ въ 39.861 р.; представитель же второго избирательнаго собранія — 2.714.535 рублей, т. е. почти въ 70 разъ большаго имущества.

Неудивительно поэтому, что нѣкоторыя земства высказались за послѣднее время противъ увеличенія числа гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія[2]) и отъ сельскихъ обществъ[3]). Особенно страстныя пренія возбудилъ этотъ вопросъ въ скопинскомъ земскомъ зобраніи Рязанской губерніи. Послѣ того какъ дворянское большинство отклонило предложеніе гласныхъ-крестьянъ объ увеличеніи представительства отъ сельскихъ обществъ, гласные-крестьяне внесли по этому поводу особое мнѣніе слѣдующаго содержанія:

«Въ засѣданіи собранія 9 окт. (1903 г.) слушался докладъ комиссіи съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ о пониженіи имущественнаго ценза, установленнаго

---

[1]) См. „Саратовская Земская Недѣля“ 1903 г., № 6—7, стр. 75.

[2]) Напримѣръ, васильсурское уѣздн. з., черниговская и владимірская губернскія управы—въ 1902 г.; калужское губернское земство въ 1903 году.

[3]) Скопинское, петербургское губернское и др. въ 1903 г.

*

статьей 16 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Внося предложеніе о пониженіи ценза, комиссія высказала пожеланіе измѣнить составъ гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія, увеличивъ ихъ съ 3 до 8. Одновременно съ этимъ гласнымъ отъ крестьянъ, Лоховымъ, было внесено предложеніе объ увеличеніи состава гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ 9 до 16, по числу волостей въ уѣздѣ, такъ, чтобы въ земскомъ собраніи могъ присутствовать и высказывать нужды представитель каждой волости,—но предсѣдатель собранія предложенія этого къ обсужденію не допустилъ. Такое отношеніе къ намъ насъ крайне огорчило, такъ какъ предложеніе гласнаго Лохова, не имѣя въ себѣ ничего противозаконнаго, носило характеръ улучшенія быта деревни, оскудѣніе которой—фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что подобные вопросы во многихъ земскихъ собраніяхъ обсуждались безпрепятственно и проходили безъ возраженій. Кромѣ того, судя по землевладѣнію и платежу земскаго сбора, пора давно взглянуть на это болѣе безпристрастно. Крестьянской надѣльной земли въ уѣздѣ—170.000 десятинъ, другія же сословія имѣютъ втрое меньше; слѣдовательно, ходатайство гласнаго Лохова не только скромное, но и справедливое. Для насъ очень прискорбно, что наше передовое сословіе — вмѣсто того, чтобы вести насъ по пути къ прогрессу — поворачивается къ намъ спиной и смотритъ на насъ, какъ будто мы не дѣти одной родины, не сыны отечества, а явившіеся откуда-то дикари. Дики мы,—научите, вразумите насъ, но не отталкивайте насъ, не заставляйте болѣть душой» [1]).

Какъ же отвѣтило на это заявленіе «передовое сословіе»? Въ лицѣ гласнаго Леонова оно сочло нужнымъ обидѣться. Какъ же въ самомъ дѣлѣ не обидѣться, когда

---

[1]) См. „Саратовская Земская Недѣля“. 1903 г., № 10—11, стр. 29 и слѣдующія.

«дворянство,—по мнѣнію г. Леонова:—работаетъ все время въ земствѣ именно не для себя, а на пользу другихъ сословій», отъ которыхъ вдругъ приходится слышать упреки.

Этотъ примѣръ особенно поучителенъ въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, какой ареной для классовой борьбы могли бы явиться земскія собранія, если бы представительство крестьянскаго населенія не было бы въ нихъ такъ сильно изуродовано.

На первый взглядъ, поэтому, кажется совершенно непонятнымъ, почему именно сами земства ходатайствовали о большей свободѣ выборовъ для сельскихъ обществъ, хотя это должно было бы неминуемо усилить въ земскихъ собраніяхъ классовую борьбу. Намъ думается, что удовлетворительное объясненіе этого кажущагося противорѣчія далъ предсѣдатель костромской уѣздной управы Соколовъ, въ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (1902 г.). Онъ указывалъ между прочимъ на то, что «подчиненіе земской дѣятельности правительственному контролю, урѣзываніе самостоятельности земства въ цѣломъ рядѣ случаевъ соотвѣтствуютъ тому способу избранія гласныхъ и тому составу земскихъ собраній, которые установлены новымъ Положеніемъ 1890 года. Положеніе 1890 года стоитъ на почвѣ представительства классовыхъ интересовъ [1]), оно вмѣсто единаго всесословнаго избирательнаго собранія изъ всѣхъ лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ *имущественнымъ* цензомъ, установило раздѣленіе избирателей по сословіямъ и дало извѣстное преимущество первому избирательному собранію, состоящему изъ дворянъ, передъ вторымъ, а также и передъ крестьянскимъ сословіемъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого способа избранія гласныхъ является предоставленіе администраціи такого

---

[1]) Точнѣе, сословныхъ интересовъ.

рода правъ, въ смыслѣ контроля надъ дѣйствіями земскихъ собраній, какого она не имѣла по Положенію 1864 года. Въ самомъ дѣлѣ, разъ избраніе гласныхъ производится отдѣльно по сословіямъ, такъ что избранные являются представителями извѣстныхъ классовыхъ интересовъ, и установлена извѣстная пропорціональность представительства сословій, *разъ при этомъ установлено извѣстное преимущество въ пользу гласныхъ перваго избирательнаго собранія*, то отсюда логически и съ полной необходимостью вытекаетъ и право надзора за дѣйствіями земскихъ собраній со стороны административной власти, и при томъ, надзора не только за законностью дѣйствій земскаго собранія, но и съ точки зрѣнія соотвѣтствія того или иного постановленія пользамъ и нуждамъ мѣстнаго населенія. Такое право есть необходимый противовѣсъ возможному преобладанію классовыхъ интересовъ. Вмѣшательство администраціи само собой подразумѣвается тамъ, гдѣ можетъ встрѣтиться необходимость не дозволить одной группѣ населенія преобладать надъ остальными и въ своихъ интересахъ направлять дѣятельность цѣлаго учрежденія. *Такого рода подчиненіе земства административной власти останется въ силѣ, пока будетъ сохраненъ теперешній порядокъ избранія гласныхъ по сословіямъ*» [1]).

Толкованіе г. Соколова отнюдь не произвольно. Самъ комитетъ министровъ, отвѣчая (1902 г.) на ходатайство одного земскаго собранія объ увеличеніи числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, сталъ на ту же точку зрѣнія. По его мнѣнію, охрана интересовъ крестьянъ, недостаточно представленныхъ въ земскомъ собраніи, составляетъ заботу администраціи, а потому и не требуется увеличивать число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ.

---

[1]) См. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди... и т. д., стр. 120—121.

Въ третьей главѣ мы указывали на то, что мелкое и крупное землевладѣніе — по различнымъ причинамъ — не пользовались вліяніемъ въ земствѣ. Сами земства, въ которыхъ преобладали большею частью представители средняго землевладѣнія, относились несочувственно къ расширенію избирательныхъ правъ названныхъ двухъ группъ. О земскихъ взглядахъ на допущеніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ земство безъ выборовъ — мы уже говорили выше. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу отношенія къ представительству мелкаго землевладѣнія. Представительство это, какъ извѣстно, крайне неудовлетворительно. Не говоря уже о томъ, что самые мелкіе собственники совершенно не пользуются избирательными правами, законъ устанавливаетъ для остальныхъ изъ нихъ двухстепенные выборы, тогда какъ крупные землевладѣльцы пользуются правомъ непосредственнаго избранія гласныхъ. За единичными исключеніями [1]), земскія собранія совершенно не касались вопроса о реорганизаціи представительства отъ мелкихъ собственниковъ. Правда, мы часто слышали, особенно въ послѣднее время, ходатайства о пониженіи размѣра ценза, но, во-первыхъ, пониженіе это проектировалось обычно не настолько значительнымъ, чтобы обезпечить представительство и самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ; во-вторыхъ, въ ходатайствахъ совершенно не затрагивался вопросъ о двухстепенныхъ выборахъ и, въ-третьихъ, наконецъ, дѣлалось это подъ вліяніемъ настоятельной необходимости. Пониженіемъ ценза предполагалось отсрочить гибель современнаго группового земства; это лишь временный заслонъ противъ надвигающейся волны всеобщаго избирательнаго права въ мѣстномъ самоуправленіи.

Такимъ же заслономъ является и такъ называемый

---

[1]) Напримѣръ, тульское и ярославское земства въ 1881 г.

«осѣдло-образовательный» цензъ, выдвинутый нѣкоторыми земскими собраніями еще въ 1881 году и возродившійся въ 1902—1903 гг. [1]).

Въ настоящее время вліятельные земскіе дѣятели, подъ давленіемъ народнаго движенія, высказались наконецъ за реорганизацію выборовъ въ земствѣ на началѣ всеобщаго избирательнаго права; вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ всевозможные проекты о пониженіи ценза, объ осѣдло-образовательномъ цензѣ и т. под., какъ неудачныя попытки починить «разбитую посудину» сословнаго земства.

Теперь будетъ умѣстно напомнить, что 25 лѣтъ тому назадъ (1880 г.) нашлись два земства, которыя высказались за широкое избирательное право для населенія. Это — кирилловское уѣздное земское собраніе и новгородское губернское. Комиссія кирилловскаго земства полагала между прочимъ, что «необходимо привлечь все грамотное населеніе къ участію въ дѣлахъ земскаго правленія, и поэтому надо измѣнить основныя статьи Положенія въ томъ смыслѣ, чтобы правомъ избирать пользовался всякій грамотный житель уѣзда и губерніи, неопороченный по суду, не моложе 25 лѣтъ и проживающій въ мѣстности не менѣе двухъ лѣтъ». Земское собраніе поддержало мнѣніе комиссіи, удлинивъ лишь срокъ осѣдлости съ 2 до 5 лѣтъ.

Новгородское губернское земство присоединилось къ ходатайству Кирилловскаго земства, добавивъ съ своей

---

[1]) Кириловское и новгородское губ. земство въ 1880—1881 гг.; рязанское, курское, тамбовское, кишиневское, балашовское, сызранское, хвалынское и нѣкоторыя другія въ 1903 году. Вологодское губернское—въ 1902 г.

См. протоколы саратовской комиссіи о цензѣ, стр. 84. По поводу предложенія ввести осѣдло-образовательный цензъ консервативные гласные сейчасъ же указали на половинчатость этой мѣры и напомнили о suffrage universelle.

стороны пожеланіе относительно расширенія круга лицъ, пользующихся пассивнымъ избирательнымъ правомъ. По мнѣнію названнаго земства, необходимо, чтобы было предоставлено право «выбирать изъ жителей уѣзда лицъ, пріобрѣтшихъ довѣріе и уваженіе согражданъ, въ гласные».

Какъ ни далеки эти проекты отъ всеобщаго избирательнаго права, они стоятъ все же неизмѣримо выше въ сравненіи съ различными осѣдло-образовательными цензами и т. п. палліативами.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно вопроса о *мелкой земской единицѣ*. Впервые этотъ вопросъ былъ поднятъ въ земствѣ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ; тогда много говорилось объ учрежденіи «всесословной волости». Затѣмъ названный вопросъ совершенно не возбуждался въ земскихъ собраніяхъ до конца девяностыхъ годовъ; онъ былъ вызванъ къ жизни постановленіемъ извѣстнаго агрономическаго съѣзда въ Москвѣ (1899 г.). На этомъ съѣздѣ горячимъ защитникомъ мелкой земской единицы явился предсѣдатель новгородской губернской управы Н. Н. Сомовъ. По его мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока существуютъ теперешнія земскія учрежденія, учрежденія центральныя могутъ ихъ кроить и перекраивать какъ угодно; но когда будетъ учреждена низшая земская единица—ничего подобнаго дѣлать будетъ нельзя: земство станетъ тогда народнымъ достояніемъ, и перекраивать его нельзя будетъ, какъ нельзя возстановить крѣпостное право.

Сторонники мелкой земской единицы стремились почерпнуть отъ нея силу и авторитетъ, которые позволили

бы имъ успѣшнѣе бороться за «самостоятельность» земства. Разобщенные съ народомъ, въ значительной степени, по собственной винѣ, земскіе либералы видѣли въ мелкой земской единицѣ средство пристроить населеніе къ заботамъ о ближайшихъ нуждахъ, оставивъ общее руководство за собой. Однако среди земскихъ либераловъ были и такіе, которые видѣли въ мелкой земской единицѣ противника современному земско оппозиціонному движенію.

Выразителемъ этого взгляда является тверской гласный В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. По его мнѣнію, «когда органъ управленія находится *дальше отъ населенія*, лица управляющія получаютъ возможность смотрѣть издалека. Не будучи непосредственно заинтересованными, эти лица имѣютъ возможность *болѣе отвлеченно смотрѣть на каждый вопросъ*, и потребности непосредственныя, сегодняшняго дня, не будутъ заслонять въ ихъ глазахъ потребностей будущаго, болѣе или менѣе отдаленнаго. Вотъ почему организація самоуправляющагося органа, близкаго къ населенію, соотвѣтствующая предлагаемой низшей земской единицѣ, возможна только при извѣстномъ, сравнительно высокомъ уровнѣ культуры самого населенія» [1]).

Въ этихъ немногихъ словахъ формулировано все profession de foi земскаго либерализма: опираясь на массы организовать оппозицію «общественнаго» мнѣнія. Вполнѣ справедливо замѣтилъ г. Іорданскій, что земцы не шли въ народъ со своимъ символомъ вѣры, для большинства изъ нихъ на народъ можно опереться, но «представительствовать» можетъ только «просвѣщенное» меньшинство; массы же могутъ яко бы погубить своей «некультурностью» земское дѣло, и чѣмъ дальше отъ населенія *лица*

---

[1]) В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня, стр. 130.

управляющія, тѣмъ болѣе земство гарантировано отъ нашествія современной татарской орды [1]).

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, лишь въ 2—3 земствахъ поднимался вопросъ о контролѣ надъ гласными со стороны населенія. За контроль въ формѣ выдачи гласнымъ инструкцій высказалось въ 1880 году новгородское уѣздное земство. По его мнѣнію, запрещеніе закона давать гласнымъ инструкціи „совершенно непонятно", такъ какъ „учреждая земство, правительство, конечно, желало дать населенію возможность улучшить свою жизненную обстановку черезъ своихъ же выборныхъ людей; но запретивъ этимъ людямъ давать инструкціи, чего этимъ людямъ слѣдуетъ добиваться отъ собранія, оно очевидно измѣнило смыслъ преобразованія. Гласный, попавшій въ число избранныхъ благодаря тому, что судьба надѣлила его землей, а избиратели предположили, что онъ будетъ годенъ, можетъ дѣйствовать совершенно наперекоръ желанію своихъ избирателей и по истеченіи 3 лѣтъ не рискуетъ даже тѣмъ, что его вновь не выберутъ, такъ какъ, будучи землевладѣльцемъ, онъ имѣетъ право выбора на всемъ пространствѣ уѣзда (по Положенію 1864 года.—Б. В.)".

Въ 1882 году гласный Бошнякъ внесъ въ Елисаветградское земское собраніе записку по вопросу „объ устраненіи нѣкоторыхъ условій, вредящихъ земскому хозяйству". Въ этой запискѣ онъ предлагалъ, между прочимъ, предоставить избирателямъ право давать гласнымъ инструкціи и обсуждать на избирательныхъ съѣздахъ тѣ вопросы, которые могутъ быть обсуждаемы на земскихъ собраніяхъ. Херсонское губернское собраніе передало эту записку на обсужденіе уѣздныхъ собраній, гдѣ она и была похоронена. Въ 1902 году Владимірское губернское земское собраніе высказалось за необходимость предоставить избирательнымъ съѣздамъ право обсуждать свои нужды, давать избраннымъ гласнымъ инструкціи и подавать въ уѣздныя земскія собранія свои заявленія. (См. объ этомъ нашу статью „Взгляды земствъ на вопросъ о земскомъ представительствѣ". „Саратовская Земская Недѣля" 1903 г., № 9, стр. 103—104).

ГЛАВА VI.

Вопросъ о неуравнительности земскаго обложенія служилъ злобой дня въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Въ печати тогда указывалось немало примѣровъ подобной неуравнительности, направленной къ ущербу крестьянскаго населенія. Даже сенатъ долженъ былъ признать наличность такого переобложенія во многихъ случаяхъ [1]). Выше мы приводили уже нѣсколько свидѣтельствъ относительно того, какъ многія земскія собранія старались въ первые годы своей дѣятельности усиленно обложить промышленныя заведенія; а послѣ изданія закона 21 ноября 1867 года поспѣшили обложить эти заведенія въ высшемъ, допускаемомъ закономъ, размѣрѣ.

Но если промышленниковъ оградилъ законъ, ограничивъ права земства по обложенію промышленныхъ заведеній,—то въ отношеніи крестьянъ такой сдержки не было и земскимъ собраніямъ предоставлялось широкое поле для переобложенія крестьянскихъ земель и усадебъ по сравненію съ помѣщичьими. Насколько земства пользовались этой возможностью, покажутъ намъ слѣдующіе примѣры относительно самыхъ различныхъ губерній:—ка-

[1]) См. опредѣленіе Сената въ № 44 сборника узаконеній за 1886 годъ, стр. 871—872. Тамъ говорится между прочимъ, что „нерѣдки случаи переложенія относительной тяготы земскихъ сборовъ съ однѣхъ категорій плательщиковъ или съ однихъ родовъ имуществъ на другія, по случайному преобладанію въ земскомъ собраніи тѣхъ или иныхъ группъ населенія“.

лужской, костромской, полтавской, самарской и владимірской.

На основаніи обильнаго матеріала, собраннаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ правительственной комиссіей для пересмотра податей,—г.—инъ приходитъ къ такому заключенію: «Распредѣляя налоги, земскія учрежденія не вездѣ являются чуждыми сословныхъ расчетовъ и, пользуясь преобладающимъ вліяніемъ элемента личныхъ землевладѣльцевъ, направляютъ дѣло въ ущербъ крестьянскому сословію» [1]).

Въ подтвержденіе этой мысли имъ приводятся весьма убѣдительныя данныя, относящіяся къ *Калужской* губерніи. Такъ, напримѣръ, въ Перемышльскомъ уѣздѣ всѣ земли были раздѣлены на три разряда съ различной оцѣнкой, независимо отъ сословія владѣльца. Но въ результатѣ оказывалось, что помѣщичьи земли были оцѣнены въ 25 рубл. за десятину, а крестьянскія—66 рублей. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ земли помѣщиковъ были оцѣнены въ среднемъ въ 9 рублей за десятину, а земли крестьянъ—въ 10 рублей. Кромѣ того, въ этомъ уѣздѣ «установленъ дополнительный налогъ, который такъ искусно распредѣленъ между разрядами земель, что въ общемъ результатѣ помѣщики платятъ за 283.000 десятинъ около 12.000 рубл., а крестьяне за 276.000 десятинъ 15.000 рублей» [2]). Въ Лихвинскомъ уѣздѣ земли раздѣлены на четыре разряда, причемъ земли подъ крестьянскими строеніями (усадебныя) оцѣнены втрое выше пахотныхъ и вшестеро выше лѣсныхъ; поэтому въ среднемъ помѣщики платятъ 8 копеекъ съ десятины, а крестьяне—11 копеекъ.

При всей неуравнительности земскихъ сборовъ въ Калужской губерніи, тамъ еще не была переведена въ де-

---

[1]) —инъ. Земскіе итоги. „Вѣстникъ Европы“. 1870 г., VIII. стр. 769.

[2]) Ibid, стр. 762.

нежную натуральная дорожная повинность, падавшая главнымъ образомъ на крестьянское населеніе.

А вотъ какъ обстояло дѣло въ то же время въ *Костромской* губерніи [1]).

Юрьевецкое земство оцѣнило крестьянскія земли въ среднемъ въ 24 рубля за десятину, а владѣльческую въ 12 и 17 рублей. При этомъ про оцѣнку нѣкоторыхъ помѣщичьихъ земель въ 17 рублей губернаторъ въ своемъ протестѣ выразился (1868 г.) такъ, что это штрафъ, налагаемый на нѣкоторыхъ владѣльцевъ. «Интереснѣе всего то,— говоритъ авторъ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ»,— что землевладѣльцы оказались неудовлетворенными такой оцѣнкой; они находили, что земли ихъ были обложены слишкомъ высоко. Эта оцѣнка была принята по настоянію крестьянъ. Кологривское земство взимало съ владѣльческой земли по $1^5/_6$ коп. съ десятины, а съ крестьянской $3^1/_{13}$ коп. Помѣщичьи земли въ этомъ уѣздѣ были раздѣлены на три разряда съ оцѣнкой въ 10, 5 и $2^1/_2$ рубля, а крестьянская на два разряда съ оцѣнкой въ 10 и 5 рублей; причемъ было постановлено считать въ каждомъ разрядѣ одинаковое число десятинъ, такъ что въ среднемъ десятина владѣльческой земли оцѣнивалась въ 5 руб. 83 коп., а десятина крестьянской—въ 7 руб. 50 коп. Буйское земство раздѣлило всѣ земли на два разряда и отнесло крестьянскія земли всѣхъ угодій и качествъ къ первому разряду и обложило ихъ вдвое противъ земель владѣльческихъ, отдаваемыхъ въ аренду, которыя отнесло ко второму разряду, не обращая вниманія на ихъ производительность. Арендныя же земли въ свою очередь обложило опять-таки вдвое выше противъ тѣхъ земель, которыми пользовались сами помѣщики. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ доходъ съ лучшихъ зе-

---

[1]) Одинъ изъ землевладѣльцевъ. „Принципы земскаго обложенія", 1878 г. „Отечественныхъ Записокъ", № 11.

мель по оцѣнкѣ 1872 года былъ опредѣленъ въ 1 р. 90 к. съ десятины для владѣльцевъ и въ 2 рубля для крестьянъ; земли второго разряда оцѣнены еще несправедливѣе: доходъ съ владѣльческой десятины опредѣленъ въ 1 р. 20 к., а съ крестьянской—1 р. 75 коп. Кромѣ того $\frac{2}{5}$ владѣльческой земли во второмъ разрядѣ были признаны вовсе бездоходными. Въ третьемъ разрядѣ оцѣнка доходности помѣщичьей десятины равнялась 1 рублю, а десятины крестьянской—1 р. 60 к., причемъ въ этомъ разрядѣ уже $\frac{2}{3}$ владѣльческой земли считались бездоходными. «А между тѣмъ, — пишетъ цитируемый нами авторъ, — нерехтское земство одно изъ самыхъ либеральныхъ (въ губерніи); нѣкоторые готовы признать его даже радикальнымъ. Въ то время, какъ большинство костромскихъ земствъ давало на народное образованіе около 2.000 рублей, нерехтское земство дало 8.300 рублей».

«Еще либеральнѣе ветлужское земство, и раскладки его справедливѣе», но и здѣсь владѣльцы платили съ десятины менѣе 1 коп., а крестьяне—почти 4 коп. Въ Костромскомъ уѣздѣ владѣльцы платили по 2 коп. съ десятины, а крестьяне—по 5 коп.

Въ виду протеста губернатора костромскому уѣздному земству пришлось, наконецъ, въ 1878 году приступить къ переоцѣнкѣ земель. Согласно утвержденному земскимъ собраніемъ проекту, свѣдѣнія о доходности земель собирались непосредственно отъ самихъ владѣльцевъ и только «въ крайнихъ случаяхъ» отъ «окольныхъ людей». А между тѣмъ крестьянскія земли оцѣнивались на основаніи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ договоровъ, владѣнныхъ записей, кадастровыхъ книгъ; кромѣ того, надо имѣть въ виду, что «надѣльныя земли крестьянъ недавно и точно измѣрены».

Не лучше обстояло дѣло и въ другомъ концѣ земской Россіи—въ *Самарской* губерніи, хотя здѣсь прак-

тиковался другой пріемъ [1]). Въ 1867 году самарское губернское земское собраніе приняло въ основаніе раскладокъ дѣленіе земель на «населенныя» и «ненаселенныя», причемъ за «населенную» постановило считать то количество земли, которое можетъ быть обработано собственными рабочими силами уѣзднаго населенія (со включеніемъ земель усадебныхъ и выгоновъ). Порядокъ расчета былъ слѣдующій: сначала опредѣлялось количество земли, которое можетъ быть обработано силами одного работника (въ Самарскомъ уѣздѣ — $7^1/_2$ десятинъ; въ Бузулукскомъ—8 дес.; въ Бугульминскомъ—$7^1/_2$ дес. и т. д.). Затѣмъ, умноженіемъ на число душъ мужского пола опредѣлялось общее количество «населенной» земли въ уѣздѣ; потомъ, къ «населенной» причитывались цѣликомъ земли городскія и сельскихъ обществъ. Недостающее количество до общаго количества вычисленной «населенной» земли въ уѣздѣ пополнялось изъ земель владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, отсчитывая отъ каждой дачи опредѣленный $^0/_0$. Земли «населенныя» были обложены выше «ненаселенныхъ». Кромѣ того различались земли воздѣланныя и лѣсныя, причемъ послѣднія несли меньшее обложеніе.

Первое самарское уѣздное земское собраніе причислило къ «населеннымъ» землямъ всѣ земли сельскихъ обществъ и города Самары, а изъ владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель—всего лишь $5^0/_0$. Второе земское собраніе, устыдившись вѣроятно допущенной неравномѣрности въ обложеніи (удѣльные крестьяне, напримѣръ, имѣли на душу болѣе $7^1/_2$ десятинъ и вслѣдствіе этого часть ихъ земель должна была быть отнесена къ категоріи «ненаселенной», а между тѣмъ вся она облагалась, какъ «населенная»),—постановило отчислить

---

[1]) См. Н. Колюпановъ. Самарское земство. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., VIII, стр. 824—828.

12% крестьянской земли къ разряду «ненаселенной», а изъ владѣльческой земли засчитать въ «населенную» не 5%, а 30%.

Всѣ эти операціи крайне произвольны и сомнительны.

«Общій выводъ для Самарской губерніи, по мнѣнію г. Колюпанова, будетъ таковъ: 1) тягость земскаго сбора неравномѣрно распредѣляется между уѣздами, и при этомъ уѣзды многоземельные и малонаселенные вездѣ отягощены болѣе; 2) крестьянскія земли по десятинному расчету обложены въ $1^1/_2$ и 2 раза выше владѣльческихъ, пропорція, которая далеко не соотвѣтствуетъ существующей въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскія земли платятъ въ 4 и 7 разъ болѣе помѣщичьихъ, что обусловливается (?) малоцѣнностью въ послѣднихъ губерніяхъ лѣсныхъ пространствъ, оставшихся за надѣломъ; 3) казенные лѣса и вообще лѣсныя пространства обложены въ Самарской губерніи самымъ незначительнымъ налогомъ».

Изобрѣтательность земскихъ собраній въ отысканіи способовъ переложенія земскихъ налоговъ на крестьянъ была прямо-таки поразительна. Въ лѣсныхъ губерніяхъ, какъ Костромская, Новгородская и др., выдвигалось на первое мѣсто дѣленіе земель на пахотныя и лѣсныя, причемъ послѣднія (находившіяся главнымъ образомъ во владѣніи помѣщиковъ) облагались крайне ничтожно. Затѣмъ, пахотныя земли дѣлились на разряды, и какимъ-то образомъ оказывалось, что помѣщичьи земли самыя худшія, а крестьянскія—самыя благодатныя, хотя всѣмъ извѣстно, что при надѣленіи крестьянъ землею лучшія земли были взяты помѣщиками, а худшія достались именно крестьянамъ. Въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ пріемъ съ лѣсами не могъ доставить особыхъ выгодъ помѣщикамъ, (въ Самарской губерніи, какъ мы видѣли, и онъ практиковался), тамъ ухитрялись прибѣгать къ совершенно произ-

вольному средству, чтобы обложить крестьянскія земли выше, именно къ раздѣленію земель на «населенныя» и «ненаселенныя». Но существовалъ еще одинъ пріемъ, весьма распространенный въ свое время; это—причисленіе къ высшему разряду по обложенію *усадебныхъ* земель. Такъ какъ % усадебной земли у помѣщиковъ ничтоженъ, а у крестьянъ весьма значителенъ, то и этотъ пріемъ доставлялъ землевладѣльцамъ возможность перелагать тяжесть земскаго обложенія на крестьянъ. Отмѣна такого несправедливаго налога на «усадебныя» земли совершалась въ земствахъ съ большими затрудненіями и крайне медленно. Такъ, напримѣръ, лишь въ 1904 году этотъ сборъ былъ отмѣненъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ этой Меккѣ, какъ называютъ полтавскіе земцы лохвицкое земство. Сборъ съ усадебныхъ земель существовалъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ съ 1868 года съ небольшимъ перерывомъ въ семидесятыхъ годахъ. Прежде, чѣмъ вопросъ былъ рѣшенъ, онъ блуждалъ три года по комиссіямъ. Въ самомъ земскомъ собраніи 17 голосовъ было подано за уничтоженіе сбора съ усадебъ и 16 противъ. «Отъ этой реформы,—пишетъ авторъ замѣтки въ «Экономической Газетѣ», выигрывали всѣ тѣ, кто владѣетъ менѣе 15 десятинъ земли, для крупныхъ же землевладѣльцевъ новый порядокъ, когда весь сборъ будетъ взиматься съ земель и другихъ доходныхъ статей, конечно, невыгоденъ» [1]).

По поводу приведенныхъ выше примѣровъ намъ могутъ сдѣлать нѣсколько возраженій. Могутъ указать, прежде всего, на исключительность этихъ примѣровъ; во-вторыхъ, на то, что они относятся къ началу дѣятельности земскихъ учрежденій и не характерны для настоящаго времени, и, въ-третьихъ, наконецъ, что различіе въ обложеніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель обусловливается большею производительностью послѣднихъ. Разберемъ эти возраженія.

---

[1]) См. „Экономическая Газета“ 1904 г., № 27.

О томъ, какое незначительное участіе въ несеніи земскихъ повинностей принимали въ *шестидесятыхъ* годахъ помѣщики,—видно между прочимъ изъ слѣдующаго свидѣтельства г.-инъ (на основаніи оффиціальнаго матеріала): «что касается помѣщичьихъ земель, пишетъ онъ, то много-много, если на ихъ долю придется изъ 15-ти милліоновъ земскаго бюджета (въ 1868 году) $2^1/_2$ милліона ежегоднаго взноса во всѣхъ 30 губерніяхъ» [1]). Если же принять во вниманіе, что въ это время большинство натуральныхъ повинностей не было еще переведено на денежныя и, такимъ образомъ, падало своею тяжестью почти исключительно на крестьянъ, — затѣмъ, если принять во вниманіе большіе расходы земствъ на мировой институтъ, на управы и т. д., т. е. расходы въ пользу преимущественно помѣщиковъ, — то и окажется, что земцамъ-помѣщикамъ перваго призыва не приходилось особенно обижать себя въ обложеніи».

Относительно *семидесятыхъ* годовъ мы можемъ воспользоваться цифрами, приводимыми В. Ю. Скалономъ [2]). На основаніи оффиціальныхъ данныхъ оказывается, что въ трехлѣтіе 1875—1877 гг. поземельный земскій налогъ въ общемъ выводѣ по всѣмъ губерніямъ распредѣлялся такъ (въ копейкахъ съ десятины):

	1875 г.	1876 г.	1877 г.
Земли помѣщиковъ	6,2	6,3	6,5
» крестьянъ .	14,5	13,9	14,8

Если въ настоящее время неравномѣрность земскаго обложенія и не такъ значительна, то все же она существуетъ, не въ пользу, конечно, крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ 1903 году по оффиціальному подсчету [3]) земскіе налоги

---

[1])—инъ: Земскіе итоги. „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. VIII, стр. 763.
[2]) В. Ю. Скалонъ. „Земскіе вопросы“, стр. 11.
[3]) См. приложеніе № 7 къ „Опыту приблизительнаго исчисленія размѣровъ народнаго дохода по различнымъ его источникамъ“.

*

падали на десятину помѣщичьей и крестьянской земли въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Губерніи.	крест.	помѣщич.	Въ % % больше или меньше.
Сѣверныя	24 коп.	14 коп.	+ 71,4
Восточныя	21 „	11 „	+ 90,9
Средне-промышл. .	31 „	20 „	+ 55,0
Средне-черноземн.	37 „	34 „	+ 8,8
Малороссійскія .	45 „	46 „	— 2,2
Сѣверо-западныя .	12 „	9 „	+ 33,3
Южныя	28 „	27 „	+ 3,7
Прибалтійскія . .	7 „	9 „	— 22,2
Юго-западныя . .	17 „	16 „	+ 6,3
Въ среднемъ .	26 коп.	20 коп.	+ 30%

Таковы среднія цифры, которыя, конечно, не могутъ дать представленія о томъ, до какихъ огромныхъ размѣровъ доходитъ неуравнительность земскаго обложенія въ настоящее время въ единичныхъ случаяхъ. Примѣромъ такой неуравнительности можетъ служить земская раскладка въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.

Недавно гласный юрьевскаго земства С. В. Бунинъ выступилъ съ «открытымъ письмомъ къ владимірскому губ. предводителю дворянства кн. А. Б. Голицину»[1]), въ которомъ онъ указываетъ на крайне неравномѣрное обложеніе земскимъ сборомъ имуществъ въ этомъ уѣздѣ. С. В. Бунинъ вполнѣ основательно, доказываетъ, что плательщиками земскаго налога въ Юрьевскомъ уѣздѣ фактически являются почти исключительно крестьяне и мелкіе землевладѣльцы. Существующія нормы обложенія земельныхъ угодій въ Юрьевскомъ уѣздѣ остаются безъ измѣненія съ самаго введенія земскихъ учрежденій. И въ то время нормы обложенія не были правильны, но неравномѣрность не ощущалась значительно, такъ какъ сама смѣта была не

[1]) См. „Русская Мысль“, 1905 г. май.

велика. Но съ тѣхъ поръ земскій бюджетъ, а, слѣдовательно, и обложеніе, увеличились въ 10 разъ, такъ что неправильность оцѣнки является большимъ зломъ. Оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздѣ таковы: лѣса оцѣнены отъ 50 коп. до 3 руб. за десятину; пашня—5 р., 10 р., 20 р. и 30 руб. десятина. Такія различія не соотвѣтствовали дѣйствительности и 40 лѣтъ назадъ, тѣмъ болѣе они не соотвѣтствуютъ теперь, когда пашня въ Юрьевскомъ уѣздѣ стала давать доходовъ меньше, а продажная стоимость лѣса 400—1.000 руб. И это въ то время, какъ по земской оцѣнкѣ лѣсъ оцѣненъ въ 50 коп. за десятину! А такъ какъ лѣсъ принадлежитъ преимущественно помѣщикамъ (изъ 63.000 десятинъ лѣса крестьянамъ принадлежитъ около 11.000 десятинъ), то ясно, что все бремя земскаго налога ложится на крестьянъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне с. Парши платятъ съ десятины по 47 коп.; крестьяне деревни Кобелихи—по 46 коп., и крупный помѣщикъ кн. Голицынъ всего лишь по $7^1/_2$ коп. съ десятины удобной земли; предводитель дворянства С. И. Красенскій — по $2^2/_5$ коп., предсѣдатель земской управы А. И. Красенскій— $1^1/_5$ коп. и т. д. Впрочемъ, и у нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ, но *мелкихъ,* земля обложена такъ же высоко, какъ и у крестьянъ.

Заявленія г. Бунина, какъ гласнаго, отклонялись въ земскомъ собраніи по разнымъ формальнымъ причинамъ. Гг. землевладѣльцы, повидимому, вовсе не склонны добровольно отказаться отъ своего привиллегированнаго положенія, но можетъ быть имъ придется въ непродолжительномъ времени уступить, такъ какъ крестьяне нѣкоторыхъ селеній недавно отказались платить уѣздный сборъ и въ юрьевскую управу стали поступать отъ крестьянъ требованія немедленнаго созыва экстреннаго земскаго собранія, съ участіемъ народныхъ представителей отъ каждой волости, для переработки оцѣнки земель [1]).

[1]) См. „Русскія Вѣдомости", 1905 г. № 156.

Кто знаетъ, не возникнетъ ли подобное движеніе среди крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ и во многихъ другихъ уѣздахъ?

Мы считали бы свою задачу по выясненію этого вопроса оконченной, если бы не имѣли передъ собой одного, съ виду весьма убѣдительнаго, возраженія. «Многія земства,— говоритъ г. Головинъ,—сознавая всю несправедливость огульнаго подесятиннаго обложенія и въ то же время невозможность точной оцѣнки доходности, разбили земли своихъ уѣздовъ на категоріи, чтобы хоть сколько-нибудь приблизить земскій налогъ къ подоходному. Взаимное отношеніе доходности отдѣльныхъ угодій оказалось при этомъ не вездѣ одинаковымъ: въ иныхъ уѣздахъ выше оцѣнены пашни, въ другихъ—луга; нѣкоторыя земства высоко обложили лѣса (?), другія отнесли ихъ къ низшимъ категоріямъ земель. Во всякомъ случаѣ земли хозяйственныя, стало быть, приносящія доходъ, должны были подвергнуться болѣе высокому обложеніе, чѣмъ остальныя. Такимъ образомъ, крестьянскіе надѣлы, въ которыхъ хозяйственныя земли, т.-е. главнымъ образомъ пашни и покосы, занимаютъ большую часть площади, чѣмъ въ земляхъ частныхъ владѣльцевъ, должны были попасть преимущественно въ высшія категоріи...

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что $^0/_0$ пашни у крестьянъ повсемѣстно выше, чѣмъ у помѣщиковъ, а, наоборотъ, выгоны и заросли, т. е. угодья наименѣе производительныя, въ нечерноземной полосѣ встрѣчаются главнымъ образомъ на частныхъ земляхъ... Отсюда ясно, что раздѣленіе уѣзда на категоріи несомнѣнно влечетъ за собой сравнительно большее обложеніе надѣловъ, по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ нечерноземныхъ» [1]).

Изъ этой большой цитаты мы прежде всего узнаемъ, что г. Головинъ имѣетъ, повидимому, весьма смутное пред-

[1]) К. Ф. Головинъ. Наше мѣстное управленіе и т. д., стр. 81.

ставленіе о подоходномъ налогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ даже, что земли крестьянъ производительнѣе помѣщичьихъ,—допущеніе совершенно невѣроятное,—развѣ это одно можетъ дать понять о *чистой* доходности имѣнія? Неужели г. Головину не было извѣстно, что на надѣльной землѣ лежатъ чрезмѣрныя повинности въ видѣ всевозможныхъ податей, оброковъ и т. под.? [1]) Какую же доходность отъ надѣльныхъ земель могли облагать земства и какое тутъ было стремленіе къ уравнительности обложенія, когда даже мысль учесть доходность—отсутствовала. Во-вторыхъ, г. Головинъ совершенно обходитъ вопросъ о пропорціональности обложенія. Вѣдь не могла же производительность крестьянской земли въ *три* раза превышать въ 70-хъ годахъ производительность помѣщичьей, точно также, какъ теперь она не можетъ превышать на 30%. Далѣе, «если у частныхъ владѣльцевъ есть дѣйствительно много малодоходныхъ лѣсовъ и выгоновъ, то зато же и именно поэтому ихъ пашни и луга доходнѣе крестьянскихъ. При освобожденіи они оставили за собой лучшія земли, а, кромѣ того, имѣя относительно гораздо меньшую запашку, они могутъ ее лучше удобрять» [2]).

Наконецъ, г. Головинъ совершенно игнорируетъ усиленное обложеніе усадебъ; а между тѣмъ этотъ налогъ есть скромный налогъ на трудовой доходъ, и производительность земли тутъ совершенно непричемъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно дѣленія земель на «населенныя» и «ненаселенныя».

Итакъ, мы считаемъ вполнѣ выясненнымъ, что *неуравнительность въ крестьянскихъ и помѣщичьихъ платежахъ довольно значительна и по настоящее время, и что вызвана она стремленіемъ землевладѣльцевъ пере-*

[1]) По даннымъ центральнаго статистическаго Комитета, напримѣръ, доходность надѣльныхъ земель въ 1900 г. была минусъ 0,9% на затраченный капиталъ; а доходность помѣщичьей—плюсъ 6,3%.

[2]) Одинъ изъ землевладѣльцевъ. Принципы земскаго обложенія. „Отечественныя Записки“, 1878 г. № 1.

ложить тяжесть земскихъ налоговъ на крестьянъ. Въ виду того, что крестьяне занимаютъ въ земствѣ приниженное положеніе и не пользуются должной самостоятельностью, землевладѣльцамъ нетрудно было достигнуть своей цѣли.

Если фактъ подавленія платежныхъ интересовъ *крестьянъ* привлекалъ въ печати сравнительно большое вниманіе, то нельзя того же сказать относительно обложенія *мелкихъ землевладѣльцевъ*; а между тѣмъ есть основанія думать, что мелкіе землевладѣльцы зачастую облагались выше крупныхъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ компетентный авторъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ: «Пути, которыми достигается обратная прогрессивность въ окладѣ частныхъ землевладѣльцевъ, отличаются той же простотой и тѣмъ же невиннымъ видомъ, какъ и всѣ прочія мѣры разбираемаго нами въ своемъ родѣ геніальнаго плана. На первомъ мѣстѣ стоитъ слѣдующее правило, выгонъ полагается въ одной цѣнѣ съ пашней... Чѣмъ бѣднѣе... землевладѣлецъ, тѣмъ большій размѣръ у него имѣетъ выгонъ, такъ что у бѣднѣйшихъ онъ превышаетъ втрое и болѣе обработанныя поля. Чѣмъ бѣднѣе землевладѣлецъ, тѣмъ меньше у него скота и тѣмъ меньшею частью выгона онъ пользуется и, наконецъ, тѣмъ хуже скотъ» [1]). Изслѣдованіе этого вопроса мы въ настоящее время оставляемъ въ сторонѣ, сейчасъ же остановимся нѣсколько на отношеніи земствъ къ производству оцѣночно-статистическихъ работъ.

К. Ф. Головинъ настолько склоненъ превозносить «самопожертвованіе» земскихъ собраній, что совершенно игнорируетъ тѣ препятствія, на которыя наталкивалось производство оцѣночно-статистическихъ работъ, благодаря противодѣйствію земцевъ-помѣщиковъ. «А что сказать,—

[1]) Тамъ же. стр. 18.

пишетъ онъ,—про статистическія изданія, стоющія земству немалыхъ суммъ? Читавшіе ихъ, вѣроятно успѣли замѣтить, что они проникнуты тенденціозностью совсѣмъ не помѣщичьяго свойства, и что нельзя не умилиться передъ губернскими гласными, которые на собственныя деньги распространяютъ въ публикѣ преувеличенныя данныя о крестьянскомъ разореніи»[1]).

Предоставимъ умиляться г. Головину, а сами попытаемся разобраться, дѣйствительно ли все обстояло здѣсь такъ благополучно, какъ рисуетъ г. Головинъ.

Тернистый путь земской статистики извѣстенъ, кажется, всѣмъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ по этому поводу г. В. В.: «Казалось бы, что детальное изученіе производительной дѣятельности населенія и мѣстныхъ нуждъ не должно вызывать протеста въ самомъ земствѣ, одну изъ задачъ котораго составляетъ воспособленіе этой дѣятельности и удовлетвореніе этихъ нуждъ. Между тѣмъ, съ того самаго момента, какъ земство вступило на правильный путь экономическаго изслѣдованія, *вопросы земской статистики были способны* вызывать самыя странныя пренія на земскихъ собраніяхъ и *раздѣлять послѣднія на враждующія между собой партіи*. Недружелюбное отношеніе части гласныхъ къ земской статистикѣ обусловливается многими обстоятельствами. Имѣя своей задачей выясненіе экономическихъ нуждъ населенія, земская статистика, естественно, обратила главное вниманіе на положеніе крестьянъ, какъ класса, господствующаго и по численности, и по роли его въ мѣстномъ хозяйствѣ... Что у крестьянъ мало земли и что они платятъ государству слишкомъ много—мѣстное изслѣдованіе только подтвердило эти давно извѣстныя положенія. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ открыло, по какимъ цѣнамъ крестьяне арендуютъ недостающія имъ чужія угодья; на какія ужасныя условія они подчасъ

[1]) К. Ф. Головинъ. Наше мѣстное управленіе и т. д., стр. 80.

вынуждены при этомъ соглашаться; какую плату они получаютъ за свой трудъ, когда за отсутствіемъ собственной и арендованной земли они вынуждены наниматься въ сосѣднія экономіи, и какія формы эксплоатаціи вырастаютъ на почвѣ безвыходнаго положенія земледѣльцевъ безъ земли, трудящихся безъ работы, потребителей безъ обезпеченныхъ средствъ существованія. Если принять при этомъ во вниманіе, что мѣстное изслѣдованіе даетъ по этимъ вопросамъ конкретные факты, относящіеся къ совершенно опредѣленнымъ мѣстностямъ и лицамъ, то можно представить себѣ негодованіе тѣхъ землевладѣльцевъ, имена которыхъ наичаще фигурируютъ въ неблаговидныхъ сдѣлкахъ съ крестьянами. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что наиболѣе острыя столкновенія земскихъ собраній съ ихъ статистическими бюро, кончавшіяся перерывомъ мѣстныхъ изслѣдованій и даже уничтоженіемъ печатныхъ статистическихъ трудовъ [1]), имѣло мѣсто въ губерніяхъ съ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента (въ Черниговской, Рязанской, Курской). Другой причиной *постояннаго* возникновенія въ земской средѣ сомнѣній относительно умѣстности экономическихъ изслѣдованій—была очень широкая постановка въ земствѣ этихъ послѣднихъ» [2]).

Если и приведенной выдержки изъ компетентнаго источника недостаточно, чтобы убѣдиться въ *наличности* классового предубѣжденія по отношенію къ статистическимъ работамъ, то я позволю себѣ привести еще свидѣтельство одного земскаго статистика, который подходитъ къ сути разсматриваемаго вопроса еще ближе. «Составъ земскихъ собраній, въ которыхъ по Положенію 1864 года преобладали представители опредѣленной со-

[1]) Напримѣръ, сборникъ курскаго земства, премированный московскимъ университетомъ, былъ по постановленію земскаго собранія уничтоженъ за, яко бы, тенденціозность.

[2]) В. В. Внутреннее обозрѣніе изъ „Вѣстника Европы“ 1901 г., кн. 8 стр. 782—783.

ціально-экономической группы: крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ,— пишетъ г. Громанъ,— неблагопріятствовалъ той работѣ, которая имѣла задачей выяснить истинную сравнительную доходность имуществъ, принадлежащихъ различнымъ группамъ, и соотвѣтственно ей распредѣлить налоговыя тягости. Представители названной группы *знали*, что основанная на объективныхъ данныхъ статистики оцѣнка неизбѣжно приведетъ къ значительно болѣе тяжелому обложенію ихъ владѣній, чѣмъ то, которое они устанавливали путемъ раскладки сборовъ на глазъ: на основаніи знанія «мѣстныхъ условій». Нечего и говорить, какъ много мѣста давала такая оцѣнка произволу и какъ мало статистикѣ. . *Кто не знаетъ, какого громаднаго труда стоило лучшимъ представителямъ земства проводить черезъ земскія собранія ассигновки на статистику.* Ближайшее объясненіе этому надо искать въ опасеніи результатовъ оцѣночной статистики со стороны представителей крупнаго землевладѣнія» [1]).

Напомнимъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи земскихъ статистическихъ бюро, которые намъ покажутъ, что не все было такъ благополучно, какъ рисуетъ г. Головинъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ было 6 постоянныхъ статистическихъ бюро при губернскихъ управахъ. Первымъ открылось бюро херсонскаго земства (1875 г.) Послѣ $1^1/_2$ лѣтъ работы бюро было закрыто по постановленію губернскаго земскаго собранія, которое признало яко бы нецѣлесообразность этихъ работъ. На земскомъ собраніи многіе гласные говорили, что оцѣнка земли, произведенная бюро, слишкомъ преувеличена; бюро ставилось затѣмъ на видъ, что оно должно было доставить только матеріалъ для оцѣнки, а самую оцѣнку могла произвести только оцѣночная комиссія изъ гласныхъ.

---

[1]) В. Громанъ. Объ оцѣночныхъ работахъ. „Саратовская Земская Недѣля“, 1904 г. № 10.

Вторымъ было открыто *черниговское* статистическое бюро (1876 г.), точно такъ же вскорѣ упраздненное (1878 г.) Бюро однако успѣло произвести цѣнную работу по оцѣнкѣ земли и вотъ каковы оказались ея результаты: «I. По прежней раскладкѣ облагалось 3.958.000 десятинъ. По проектируемой общее пространство составляетъ 4.691.000 десятинъ, а пространство однѣхъ удобныхъ земель—4.460.000 десятинъ, т. е. къ платежу губернскаго сбора привлекается около половины милліона десятинъ, которыя прежде скрывались отъ обложенія. II. Доходность десятины въ общемъ по губерніи выходитъ около 4 рублей, т. е. превышаетъ прежнюю на 90%... Разница между хорошими и плохими землями по новой раскладкѣ выходитъ гораздо рѣзче, чѣмъ по прежней, такъ что общій характеръ измѣненія, собственно по отношенію къ землямъ, будетъ состоять въ переводѣ части налога съ худшихъ земель на лучшія» [1]).

Кто, слѣдовательно, выигрывалъ отъ новой оцѣнки? Тѣ, кому принадлежатъ *худшія* земли, т. е. крестьяне и мелкіе землевладѣльцы. Лишь въ 1884 году губернское собраніе постановило перейти къ обложенію по новой раскладкѣ.

Въ семидесятыхъ годахъ къ собиранію оцѣночныхъ свѣдѣній черезъ особыхъ агентовъ приступило и *Саратовское* губернское земство. Но уже въ 1876 году многіе гласные высказались за исключеніе расхода на содержаніе агентовъ. На земскомъ собраніи указывалось между прочимъ, что агенты не руководятся указаніями и разъясненіями владѣльцевъ и собираютъ свѣдѣнія отъ волостныхъ старшинъ и постороннихъ лицъ, а поэтому свѣдѣнія ихъ невѣрны, и гораздо «удобнѣе» собирать матеріалъ черезъ уѣздныя земскія управы. Указывалось далѣе,

---

[1]) „Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ Черниговской губерніи“. Часть IV: „Земскіе итоги“, стр. 1—4.

что въ дѣйствіяхъ агентовъ замѣтно умышленное увеличеніе цѣнъ на земли. Собраніе согласилось съ этими доводами и постановило исключить изъ смѣты 6.000 рублей, рѣшивъ вмѣстѣ съ тѣмъ производить оцѣнку городскихъ недвижимыхъ имуществъ черезъ особую комиссію, назначенную губернской управой [1]).

Вообще нужно замѣтить, что земства предпочитали сначала производить оцѣнки черезъ комиссіи гласныхъ и другихъ лицъ, *назначенныхъ* управами. Третій же элементъ былъ заподозрѣнъ (въ 70-хъ и 80-хъ годахъ) въ тенденціозности.

Въ 1880 и 1881 гг. статистическія бюро были открыты въ 7 земствахъ; въ 1882 и 1883 гг.—въ 4 земствахъ; въ 1884 году—3; въ 1885 году—2; въ 1887 году однимъ нижегородскимъ земствомъ. Послѣ этого статистическія бюро не открывались вплоть до середины девяностыхъ годовъ, когда, въ силу закона 8 іюня 1893 года объ обязательномъ производствѣ земствами оцѣночно-статистическихъ работъ, наступило въ этой области оживленіе. «Ослабленіе энергіи земствъ въ дѣлѣ изученія экономическихъ нуждъ въ теченіе только что истекшаго десятилѣтія (1887—1897 гг.), по мнѣнію г. В. В., находитъ себѣ объясненіе отчасти въ перемѣнѣ состава земскихъ собраній послѣ преобразованія земскихъ учрежденій въ 1890 году, отчасти въ стѣсненіяхъ, наложенныхъ на свободу земскихъ изслѣдованій; нѣкоторую роль играло вѣроятно и отчужденіе отъ крестьянства, характеризующее настроеніе нашей интеллигенціи послѣднихъ лѣтъ» [2]).

Итакъ, мы видимъ, что оцѣночно-статистическія изслѣдованія привились въ земствѣ крайне туго, что во многихъ губерніяхъ таковыхъ работъ не производилось до самаго послѣдняго времени, такъ что въ земскихъ

---

[1]) См. „Систематическій сборникъ постановленій Саратовскаго губернскаго земства“ за 1866—1882 гг., стр. 394.

[2]) В. В. „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., кн. 8, стр. 782.

раскладкахъ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, господствуетъ субъективное усмотрѣніе земскихъ собраній.

Когда говорятъ о возникновеніи въ земствѣ оцѣночныхъ работъ, бываютъ склонны упускать изъ виду два существенныхъ обстоятельства, побуждавшія земскія собранія приступать къ этимъ работамъ: именно рознь между уѣздами и обвиненіе однихъ другими въ переобложеніи на *губернскія* потребности и затѣмъ протесты губернаторами земскихъ раскладокъ въ виду ихъ неуравнительности для различныхъ группъ населенія.

Въ настоящее время губернскими земствами производятся обязательныя работы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Работы эти далеко еще не закончены, но и изъ того, что удалось уже выяснить,—ясно, что существующія оцѣнки и раскладки составлены совсѣмъ не въ ущербъ помѣщикамъ. Такъ, напримѣръ, данныя объ учетѣ земель по владимірской губерніи [1]) показываютъ, что «статистиками найдено въ губерніи до 118.5000 десятинъ земли, ускользавшей до сихъ поръ отъ обложенія». При этомъ «въ нѣкоторыхъ уѣздахъ количество укрывавшейся отъ обложенія земли достигаетъ 19—21 тыс. десятинъ на уѣздъ (напримѣръ, уѣзды: александровскій, гороховскій, судогодскій), что составляетъ 8—9% существовавшаго обложенія». Оказывается, что «ускользали отъ обложенія огромныя части имѣній и даже цѣлыя имѣнія»; напримѣръ, имѣніе кн. Щербатова въ 11.200 десятинъ удобной земли обложено, какъ 7.500 десятинъ. Имѣніе кн. Оболенскаго въ 1.500 десятинъ совершенно не было обложено земскими сборами. Кромѣ того, «правильное, болѣе соотвѣтствующее дѣйствительности, распредѣленіе на угодія, сдѣланное статистиками, передвигаетъ скалу оцѣнки вправо». Такъ, напримѣръ, по окладнымъ кни-

---

[1]) См. А. Смирновъ. Что даетъ земская статистика? „Земскій двухнедѣльникъ“ № 1, 1905 г. газеты „Наша Жизнь“.

гамъ уѣздныхъ управъ самаго малоцѣннаго угодья (выгона, кустарника, зарослей) числилось 497.000 десятинъ, а по изслѣдованію статистиковъ оказалось 334.500 десятинъ. Наиболѣе цѣнныхъ угодій оказалось 66.000 десятинъ (усадебъ) и т. д. «*Отъ существующаго порядка обложенія, — пишетъ г. Смирновъ: — болѣе выигрываютъ частные владѣльцы*», такъ какъ у крестьянъ въ надѣлѣ не обложено 29.000 десятинъ, а у частныхъ владѣльцевъ—89.500 десятинъ (при равной почти площади земли у тѣхъ и другихъ). Затѣмъ у крестьянъ низшихъ угодій оказалось болѣе, чѣмъ числилось по окладнымъ книгамъ, именно 184.5000 десятинъ вмѣсто 168.000; а у частныхъ владѣльцевъ, наоборотъ, оказалось худшихъ угодій не 329 000 десятинъ, а всего только 150.000.

Еще болѣе поразительныя цифры дала переоцѣнка въ Олонецкой губерніи [1]). Оказывается, что около 20% всей *удобной* земли въ губерніи ускользаетъ въ настоящее время отъ земскаго обложенія. По группамъ владѣльцевъ эта необлагаемая нынѣ земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Число десятинъ удобной земли

Владѣльцы.	По свѣдѣнію бюро.	Числится нынѣ.	По даннымъ болѣе.	Бюро менѣе.
1. Казна	5.999.770	4.322.379	1.668.391	—
2. Удѣлъ	18.602	10.100	8.502	—
3. Города	56.675	50.967	5.708	—
4. Частн. влад. . .	533.265	468.910	64.355	—
5. Сельск. общ . .	2.812.682	2.840.405	—	27.723
Всего	9.411.994	7.692.761	1.719.233	27.723

Такимъ образомъ, отъ обложенія ускользаетъ преимущественно земля частныхъ владѣльцевъ и казны; земля же сельскихъ обществъ привлекается въ настоящее время къ обложенію въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ ея имѣется въ дѣйствительности.

---

[1]) См. докладъ управы „О ходѣ оцѣночныхъ работъ въ 1904 г. и предположенныхъ работахъ на 1905 годъ“.

Владимірское и олонецкое земства, о которыхъ мы привели выше свѣдѣнія, едва ли представляютъ въ данномъ отношеніи исключеніе. Вообще, количество ускользающей отъ обложенія земли вѣроятно весьма значительно; это видно между прочимъ изъ того, что по послѣднему изслѣдованію центральнаго статистическаго комитета «найдено» въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи 7.639.811 десятинъ частновладѣльческой земли съ доходомъ въ 29.352000 рублей [1]).

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію другого интереснаго вопроса, имѣющаго въ настоящее время почти исключительно историческій интересъ. Я говорю о переложеніи земствами натуральныхъ повинностей, главнымъ образомъ дорожной, въ денежныя.

Въ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій этотъ вопросъ служилъ предметомъ горячихъ споровъ на земскихъ собраніяхъ и переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя часто встрѣчало несочувствіе среди земствъ, и «къ сожалѣнію нельзя не признать, что не почему другому, а именно потому, что онѣ падаютъ своею тяжестью исключительно на народъ» [2]). Дѣло въ томъ, что «пока повинность (дорожная) отправляется натурою, на землевладѣльцевъ и удѣлъ по закону возлагается только отпускъ лѣсного матеріала на дорожныя сооруженія, доставка же его къ мѣсту работъ и исправленіе полотна дорогъ на крестьянъ. Но и отпускъ матеріала въ дѣйствительности остается повинностью мнимою. Землевладѣлецъ воленъ назначить этотъ матеріалъ не изъ дачъ, ближайшихъ къ мѣсту дороги, а изъ тѣхъ, откуда ему выгоднѣе, такъ что доставка лѣса къ мѣсту дорожныхъ сооруженій

---

[1]) См. „Экономическая Газета“ 1905 г. № 12, стр. 8.

[2]) См. Внутреннее обозрѣніе „Отечественныхъ Записокъ“ 1875 г., № 5, стр. 173—174.

можетъ обойтись дороже, чѣмъ самый лѣсъ, и поэтому отъ него по необходимости надо будетъ отказаться. Между тѣмъ крестьянское населеніе, обязанное исправлять дорогу, сгоняется къ ней со всего уѣзда, причемъ не дѣлается никакого различія между селеніями, которыя близъ самой дороги и которыя отстоятъ отъ нея на 70 верстъ» [1]).

Насколько велика была тяжесть натуральной дорожной повинности для крестьянскаго населенія, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ:

Обращеніе натуральной дорожной повинности въ денежную по бюджету самарскаго земства (6 уѣздовъ изъ семи) обошлось на 1866 годъ—224.292 рубля; въ пензенской губерніи (по 5 только уѣздамъ)—54.962 рубля; по семи уѣздамъ костромской губерніи—42.866 рублей; по арзамасскому уѣзду Нижегородской губерніи—18.160 рублей и т. д. [2]).

Неудивительно поэтому, что многія земскія собранія упорно противились уничтоженію натуральныхъ повинностей. Такъ, напримѣръ, ардатовское земство (Симбирской губерніи) повторяло ходатайство о переложеніи натуральной дорожной повинности въ денежную *восемь* лѣтъ подрядъ, но губернское земское собраніе или ничего не отвѣчало на эти ходатайства, или по формальнымъ поводамъ затягивало дѣло. Лишь послѣ 8 лѣтъ дѣятельности земства, когда вполнѣ стала очевидна вся неудовлетворительность дѣйствовавшаго порядка [3]), было рѣшено принять сооруженія на почтовыхъ трактахъ на губернскій земскій счетъ, на прочихъ трактахъ—на уѣздный счетъ, а исправленіе полотна дорогъ было по-прежнему оставлено на обязан-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Н. Колюпановъ. Общій взглядъ и т. д. „Вѣстникъ Европы". 1867 г. II, стр. 396.

[3]) „Всѣ мосты на земскихъ путяхъ,—пишетъ обозрѣватель въ „Отеч. Записк.",—пришли въ дурное состояніе: случаи проваловъ вмѣстѣ съ экипажами начали повторяться все чаще и чаще". См. „Отечественныя записки", 1875 г. № 5, стр. 175—176.

ности сельскихъ обществъ. Одновременно такое же постановленіе было сдѣлано и тульскимъ губернскимъ земствомъ. Нѣсколько ранѣе подобное постановленіе было сдѣлано саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ: въ 1867 году дорожныя сооруженія были отнесены на губернскій земскій счетъ, исправленіе же полотна оставлено на натуральной повинности. Однако уже въ слѣдующемъ году пришлось и содержаніе полотна принять на земскій счетъ, такъ какъ дороги стали быстро ухудшаться, а это грозило потребовать отъ земства въ близкомъ будущемъ значительныхъ затратъ [1]). Благодаря принятію на земскій счетъ сооруженій на почтовыхъ трактахъ пришлось внести въ смѣту 1867 года—27.000 рублей; а въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе принятія на земскій счетъ и исправленія полотна дорогъ, расходъ пришлось увеличить до 49.000 руб., т. е. на 22.000 рублей. Это показываетъ, какимъ бременемъ лежало на крестьянскомъ населеніи *исправленіе* дорогъ, долго остававшееся на обязанности крестьянъ.

Въ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи постановленіе о переложеніи натуральной дорожной повинности было сдѣлано лишь большинствомъ 24 голосовъ противъ 21. Изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Самарской губерніи: ставропольское отклонило (1865 г.) вопросъ о переложеніи натуральной повинности въ денежную; бугурусланское (1865 г.)—на запросъ губернскаго земства уклонилось сдѣлать какое бы то ни было постановленіе.

Вообще, было не мало случаевъ, когда уѣздныя земства уклонялись дать опредѣленный отвѣтъ на запросъ губернскаго земскаго собранія о желательности переложенія.

Интересно отмѣтить постановленіе новоузенскаго земства Самарской губерніи, которое, какъ извѣстно, принад-

---

[1]) См. „Систематическій сборникъ постановленій саратовскаго губернскаго земства“ 1866—1882 гг., стр. 457 и слѣдующія.

лежитъ къ числу «крестьянскихъ». Для покрытія издержекъ по передвиженію натуральной повинности въ денежную новоузенское земское собраніе постановило обложить по самой высокой оцѣнкѣ *частновладѣльческій* скотъ. Губернское собраніе единогласно отмѣнило это постановленіе [1]).

На псковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (1866 г.) землевладѣльческая партія также ожесточенно защищала свое право на освобожденіе отъ всякаго участія въ несеніи натуральной дорожной повинности [2]).

Были и такія земства, которыя, замѣнивъ натуральную повинность денежной, выражали потомъ по этому поводу сожалѣніе. Вотъ что, напримѣръ, писала новгородская губернская управа (1867 г.) въ своемъ докладѣ земскому собранію: «Многія уѣздныя собранія сожалѣютъ о переводѣ безусловно дорожной повинности на денежную и охотно перешли бы къ смѣшанной [3]), но этому препятствуетъ статья 24 временныхъ правилъ; нѣкоторыя земскія собранія сдѣлали ошибку и безъ пользы для дѣла (?) отяготили себя по неопытности, но изъ достойнаго похвалы побужденія — облегчить крестьянъ и привлечь къ исправленію этой повинности всѣ сословія» [4]).

Въ отношеніи вопроса о натуральной повинности мы встрѣчаемъ въ земствѣ опять тѣ два теченія, которыя были указаны нами выше. Съ одной стороны, ограниченные защитники сословныхъ привилегій желаютъ во что бы то ни стало уклониться отъ несенія налога, связаннаго съ переложеніемъ; а съ другой стороны, защитники этой мѣры предпочитаютъ возложить на себя сравнительно небольшой новый налогъ, только бы «не подрывать въ самомъ зародышѣ то довѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, которымъ

[1]) Н. Колюпановъ. Общій взглядъ и т. д. „Вѣстникъ Европы“, 1868 г. VII, стр. 396.

[2]) Его же. „Вѣстникъ Европы“, 1867 г., II.

[3]) Т. е. принятіе сооруженій на дорогахъ на земскій счетъ и оставленіе исправленія полотна на натуральной повинности.

[4]) Тамъ же.

они лишь начали пользоваться» (изъ преній на самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1868 году).

Въ этомъ послѣднемъ соображеніи сказалось обычное стремленіе земскихъ либераловъ, которые не прочь возложить на себя нѣкоторый налогъ, лишь бы упрочить свою позицію въ глазахъ населенія.

Въ настоящей главѣ мы говорили о дорожной повинности, оставляя другія натуральныя повинности въ сторонѣ. Изслѣдователю земской дѣятельности придется обратить вниманіе и на эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ повинностей (напримѣръ, подводная) до сихъ поръ не переложены многими земствами на денежныя.

Укажемъ еще одинъ примѣръ — новѣйшаго времени — того, какъ преобладающая въ земствѣ группа землевладѣльцевъ умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ въ цѣляхъ переложенія земскаго налога на крестьянъ.

До 1890 года земскія собранія не располагали правомъ скидывать со счетовъ недоимки и эти послѣднія должны были вноситься въ смѣту цѣликомъ; такимъ образомъ, удовлетвореніе части потребностей будущаго года относилось на счетъ недоимокъ предшествующаго. Это побуждало земства стремиться усиленно взыскивать недоимки, и, кромѣ того, «уменьшеніе раскладокъ на сумму недоимокъ было преміей исправнымъ плательщикамъ, побуждая въ то же время и недоимщиковъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ—внести уменьшенный окладъ и погасить недоимку,—чѣмъ въ дѣйствительности пользовались всѣ, такъ сказать, случайные, непреднамѣренные недоимщики» [1]). Съ изданіемъ въ 1890 году «правилъ о составленіи, утвержденіи и исполненіи земскихъ смѣтъ и

[1]) Гр. Шрейдеръ. Эволюція владѣльческой недоимки. „Русское Богатство“, 1898 г., IX, стр. 109—117 и стр. 122. Дальнѣйшія цитаты заимствованы изъ этой крайне интересной статьи.

раскладокъ» дѣло приняло иной оборотъ. Согласно этимъ «правиламъ», земскимъ собраніямъ предоставляется скидывать со счетовъ тѣ недоимки, которыя будутъ признаны ими «неблагонадежными» къ поступленію. Причемъ никакого обязательнаго критерія «благонадежности» не дается, такъ что все зависитъ отъ «свободнаго усмотрѣнія и личнаго взгляда тѣхъ земскихъ и неземскихъ людей, которымъ предоставлено вѣдать судьбы земскихъ смѣтъ и раскладокъ».

Изданіемъ новаго закона имѣлось въ виду упорядочить земскіе финансы, въ дѣйствительности же «правила» 1890 г. «оказались только удобнымъ легальнымъ средствомъ къ еще большему обремененію плательщиковъ, но притомъ обремененію не равномѣрному, а падающему главной своей тяжестью на одну только группу ихъ и, въ концѣ концовъ, сводящемуся собственно къ переложенію земскаго налога».

Насколько широко земскія собранія воспользовались предоставленной имъ возможностью переложить платежи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ цифръ, приводимыхъ г. Шрейдеромъ для 1895 года.

Изъ 367 уѣздныхъ и 34 губернскихъ земскихъ смѣтъ только въ 167 уѣздныхъ и 12 губернскихъ практиковался зачетъ недоимокъ, да и то «сдѣланы они (зачеты) не въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ можно бы и должно бы». Такъ, напримѣръ, бессарабское губернское земство зачло лишь 135.000 рублей изъ общей суммы недоимки свыше 500.000 рублей; въ самарской губернской смѣтѣ было зачтено всего только 136.000 рублей, тогда какъ недоимки числилось болѣе 300.000 рублей. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи зачтено около 30.000 рублей изъ общей суммы недоимокъ въ 160.000 рублей; въ Маріупольскомъ уѣздѣ той же губерніи зачтено лишь 25.000 рублей изъ общей суммы въ 140.000 рублей и т. д.

Въ остальныхъ 200 уѣздныхъ и 22 губернскихъ смѣтахъ въ 1895 году не было зачтено ни единой копейки, между тѣмъ какъ «зачеты тутъ смѣло можно было бы сдѣлать сотнями тысячъ, потому что насчитываются здѣсь недоимки милліонами».

Какую роль въ земскихъ смѣтахъ 1895 года играли «зачеты» недоимокъ, показываетъ слѣдующая таблица:

ГУБЕРНІИ.	Число уѣздовъ		Принято къ зачету недоимокъ.	Ассигновано на уплату недоимокъ.	Изъ личныхъ долговъ, идущихъ въ раскладку.
	Всего.	Мало и совсѣмъ не зачли недоимку.			
1. Сѣверныя . . .	44	21	11.580 р.	117.251 р.	105.671 р.
2. Восточныя . . .	48	33	622.220 „	987.570 „	365.350 „
3. Средне-пром. .	99	56	249.584 „	555.414 „	305.830 „
4. Сред.-черноз.	106	61	983.807 „	1.624.953 „	642.146 „
5. Малороссійскія	41	23	311.366 „	420.063 „	108.697 „
6. Южныя	29	20	799.997 „	1.037.310 „	237.323 „
Итого	367	214	2.978.544 „	4.743.562 „	1.765.017 „
Присоединяя губернскія	34	29	1.001.901 „	2.028.025 „	1.026.124 „
Всего	401	243	3.980.445 „	6.771.586 „	2.791.141 „

Пояснимъ нѣсколько эти цифры. Прежде всего бросается въ глаза разница между уѣздными и губернскими земствами: среди послѣднихъ не зачитывали недоимку или зачитывали мало 85%, тогда какъ среди уѣздныхъ только 58%. Во-вторыхъ, большая сумма (около 3-хъ милліоновъ) была въ 1895 году внесена въ раскладку съ цѣлью уплатить долги, обусловленные недоимками.

Такъ обстояло дѣло въ 1895 году; не лучше было, напримѣръ, и въ 1900 году [1]).

[1]) См. смѣты на 1900 г. въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“, 1903 г. кн. 12 и 1904 г. кн. 6—7.

Въ этомъ году всѣми земствами было зачтено недоимокъ на сумму 5.037.013 рублей, тогда какъ по расходной смѣтѣ на уплату долговъ значилось 6.314.216 рублей. Такимъ образомъ большая сумма (1.277.203 руб.) вторично поступала въ раскладку.

Затѣмъ оказывается, что 13 губернскихъ земствъ (38% общаго числа) и 95 уѣздныхъ (26%) совершенно не зачли недоимки. Опять мы имѣемъ передъ собой тотъ же фактъ: губернскія земства относятся къ зачету недоимокъ небрежнѣе, чѣмъ уѣздныя. Изъ названныхъ 13 губернскихъ земствъ большинство должно было назначить довольно значительныя суммы на уплату долговъ. Такъ:

1.	Рязанское губернское земство . .	122.627 руб.
2.	Черниговское » » . .	120.418 »
3.	Тверское » » . .	59.611 »
4.	Калужское » » . .	53.172 »
5.	Владимірское » » . .	41.500 »
6.	Нижегородское » » . .	40.890 »
7.	Смоленское » » . .	37.290 »
8.	Петербургское » » . .	25.923 »
9.	Псковское » » . .	14.428 »
10.	Олонецкое » » . .	11.450 »
11.	Таврическое » » . .	10.000 »
12.	Пензенское » » . .	6.300 »
13.	Казанское » » . .	2.199 »

Отсюда мы видимъ, что къ числу не зачитывающихъ недоимку, но вносящихъ въ смѣту болѣе или менѣе значительную сумму долговъ, принадлежатъ губернскія земства, главнымъ образомъ, *помѣщичьихъ* губерній. Къ тому же выводу мы должны придти изъ разсмотрѣнія соотвѣтственныхъ цифръ по губерніямъ (включая и губернскія и уѣздныя земскія смѣты). Дѣйствительно, самое большое несоотвѣтствіе между суммой принятой къ зачету недоимки

и размѣромъ внесеннаго въ раскладку долга было въ 1900 году въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Губерніи.	Ассигновано на уплату долга.	Принято къ зачету недоимокъ.	Излишекъ долга, идущій въ раскладку.
1. Псковская	46.000 р.	—	46.000 р.
2. Калужская	74.746 »	1.267 р.	73.479 »
3. Московск.	165.629 »	22.994 »	142.635 »
4. Костромск.	42.203 »	18.922 »	23.281 »
5. Бессараб.	551.352 »	269.004 »	282.348 »
6. Тверская	181.020 »	44.936 »	136.084 »
7. Полтавск.	239.364 »	137.780 »	101.584 »
8. Екатерин.	240.903 »	64.713 »	176.190 »
9. Рязанская	449.101 »	277.387 »	171.714 »
10. Херсонск.	503.815 »	365.583 »	138.232 »
11. Харьковск.	449.917 »	329.180 »	120.791 »

Въ Московской губерніи совершенно не зачли недоимокъ 11 уѣздныхъ земствъ; въ Калужской губерніи—10 уѣздныхъ земствъ; въ Псковской, Костромской и Екатеринославской—по 7 уѣздныхъ земствъ; въ Таврической и Черниговской—по 5 въ каждой; въ Полтавской, Тульской, Ярославской, Казанской и Пермской—по 3; въ Тверской и Владимірской—по 4; въ Тамбовской, Саратовской, Петербургской, Вологодской и Олонецкой—по 2. Въ остальныхъ земствахъ—по одному уѣзду, и лишь въ 9 губерніяхъ недоимки зачтены, въ большей или меньшей степени, всѣми уѣздными земствами. Въ результатѣ получается самая пестрая картина, которая вполнѣ подтверждаетъ ту мысль, что законъ о «неблагонадежныхъ» недоимкахъ толкуется различными земскими собраніями самымъ вольнымъ образомъ.

Совершенно ясно, что при настоящемъ порядкѣ составленія смѣтъ причиняется ущербъ исправнымъ плательщикамъ и дается премія неисправнымъ. «Земство,—пишетъ г. Шрейдеръ,—при посредствѣ повышеннаго оклада получаетъ съ исправныхъ плательщиковъ тѣ средства, которыя

оно недополучаетъ съ недоимщиковъ», а такъ какъ «внесеніе въ смѣту одного и того же невыполненнаго расхода можно практиковать 5—6 лѣтъ подрядъ, то очевидно, что съ одного вола можно содрать не только 2, но и 5—6 шкуръ. И, къ несчастью, это не только отвлеченный примѣръ, не только маловѣроятное предположеніе, не только гипотетическая возможность, а самая реальная, живая и непосредственная дѣйствительность».

Теперь, спрашивается, кто же по преимуществу эти исправные и неисправные плательщики? Мы могли бы указать много свидѣтельствъ, что главными земскими недоимщиками являются частные землевладѣльцы, но считаемъ это излишнимъ, такъ какъ вопросъ давно уже выясненъ: владѣльческая недоимка «при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ времени и мѣста всегда и вездѣ превышаетъ крестьянскую и при этомъ отличается чрезвычайно характерной особенностью, проистекающей изъ самой ея сущности и выражающейся въ неуклонномъ стремленіи возрастать вмѣстѣ съ возрастаніемъ площади владѣнія». И вотъ, благодаря именно этому обстоятельству, «Правила» 1890 года о сложеніи неблагонадежныхъ къ поступленію недоимокъ должны были пойти на пользу, главнымъ образомъ, помѣщикамъ, и въ результатѣ получилось «*превращеніе владѣльческой недоимки въ крестьянскій окладъ*».

Мы не станемъ утверждать, что такое переложеніе дѣлалось обыкновенно сознательно; наоборотъ, скорѣе оно не сознавалось даже большинствомъ земскихъ собраній. Для насъ въ настоящее время это обстоятельство не важно; мы имѣли въ виду лишь констатировать тотъ фактъ, что преобладаніе въ земствѣ землевладѣльческаго класса волей-неволей кладетъ печать господства этого класса и отражаетъ въ дѣятельности учрежденія его интересы.

Выше мы намѣренно обращали вниманіе читателя на то обстоятельство, что губернскія земства относятся не-

брежнѣе къ зачитыванію недоимокъ, чѣмъ уѣздныя. На первый взглядъ здѣсь кроется противорѣчіе тому, что мы вообще знаемъ о дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Губернскія собранія, какъ извѣстно, всегда болѣе склонны смотрѣть на тотъ или другой вопросъ съ принципіальной стороны и менѣе подвержены узко-классовымъ расчетамъ, а въ данномъ случаѣ они какъ будто болѣе стремятся дѣйствовать въ интересахъ помѣщиковъ, чѣмъ уѣздныя земскія собранія.

Это кажущееся противорѣчіе объясняется, на нашъ взглядъ, весьма просто. Въ такомъ отношеніи губернскаго земства къ зачитыванію недоимокъ сказалось не сознательное преслѣдованіе землевладѣльческихъ интересовъ, а лишь отсутствіе желанія вникнуть въ такія «мелочи». Повышеніе губернскаго сбора для губернскихъ гласныхъ гораздо менѣе чувствительно, чѣмъ повышеніе уѣзднаго земскаго сбора для уѣздныхъ гласныхъ. Это послѣднее обстоятельство и дѣлало всегда уѣздныя земскія собранія болѣе чувствительными ко всякому повышенію обложенія.

Въ настоящей главѣ мы указали лишь нѣкоторые пріемы, съ помощью которыхъ земцы-помѣщики стремились—сознательно или безсознательно—переложить тяжесть земскихъ повинностей преимущественно на крестьянъ, а также (въ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій) и на промышленныя заведенія. Область, затронутая нами здѣсь, еще до того не разработана, что мы не могли даже имѣть въ виду сколько нибудь исчерпать предметъ; мы лишь хотѣли обратить вниманіе читателя на то, что земскія смѣты и раскладки должны подвергнуться самому тщательному изученію, которое, какъ мы въ этомъ убѣждены, подтвердитъ наше основное положеніе, что на взгляды и дѣятельность земскихъ собраній постоянно отражались интересы господствующаго класса.

ГЛАВА VII.

Тѣмъ, кто упорно отказывается видѣть въ дѣятельности земства проявленіе классовыхъ интересовъ господствующей группы, мы рекомендуемъ заняться прежде всего изученіемъ отношенія земскихъ собраній къ рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ. Они увидятъ тогда, сколько земствами было проявлено въ этой области узко-классового эгоизма и какъ мало земскія собранія думали о меньшомъ братѣ; они увидятъ, далѣе, что земствами почти ничего не сдѣлано до сихъ поръ для огражденія интересовъ трудящихся массъ, что даже въ предѣлахъ, предоставленныхъ закономъ 1890 года, земскія собранія не были склонны удовлетворять самыя скромныя нужды сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Чтобы познакомиться съ дѣятельностью и взглядами земцевъ по данному вопросу, мы должны будемъ прежде всего и больше всего удѣлить вниманіе заботамъ объ обезпеченіи нанимателей дешевой рабочей силы. На этомъ пунктѣ вотъ уже сорокъ лѣтъ концентрируется исключительное вниманіе земскихъ собраній, которыя пытаются подойти къ разрѣшенію вопроса съ различныхъ сторонъ. Затѣмъ намъ придется остановиться на проектахъ урегулированія сельскохозяйственнаго отхода и, наконецъ, на крайне немногочисленныхъ попыткахъ, направленныхъ къ улучшенію условій жизни и труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Итакъ, обратимся теперь къ разсмотрѣнію земскихъ проектовъ обезпечить нанимателей дешевой рабочей силой и гарантировать помѣщикамъ исполненіе рабочимъ договора [1]).

Первое время (1865—1873 гг.) и затѣмъ въ серединѣ девяностыхъ годовъ была особенно популярна мысль о введеніи *обязательныхъ рабочихъ книжекъ*. Назначеніе этихъ книжекъ должно было состоять въ томъ, чтобы закабалить рабочаго предпринимателю и затруднить первому нарушеніе договора. Впервые, насколько намъ извѣстно, съ проектомъ введенія рабочихъ книжекъ выступило воронежское губернское земское собраніе въ 1865 году. По мнѣнію *воронежскаго* земства, рабочія книжки, во-первыхъ, должны быть обязательны и для рабочихъ и для нанимателей; во-вторыхъ, отъ передачи книжекъ нанимателю не должны освобождаться и нанимающіеся въ предѣлахъ своей волости; въ-третьихъ, лицамъ женскаго пола и несовершеннолѣтнимъ рабочія книжки выдаются лишь съ согласія мужей, родителей и опекуновъ; въ-четвертыхъ, недоимка не должна служить препятствіемъ къ выдачѣ книжекъ на 30-ти верстное разстояніе, но она отмѣчается при этомъ въ книжкѣ.

Какъ видите, читатель, этимъ проектомъ предусматривается все, но только не огражденіе интересовъ нанимающагося. Крестьяне-недоимщики (т. е. фактически все сельское населеніе) лишились бы права на передвиженіе свыше 30 верстъ и принуждены были бы, такимъ образомъ, дешево продавать свой трудъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ.

---

[1]) Въ настоящей главѣ, гдѣ не имѣются особыя ссылки, цитаты относятся къ книгѣ г. Сазонова „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“ (1865—1895 гг.). Томъ II. Изданіе департамента земледѣлія; а также къ книгѣ: „Надежды сельскаго хозяйства и мѣры ихъ удовлетворенія по отзывамъ земскихъ собраній“. Изданіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 1899 г.

Слѣдующіе годы были обильны подобнаго рода ходатайствами [1]); при этомъ большинство изъ нихъ слишкомъ недвусмысленно выражало стремленіе землевладѣльцевъ оградить свои узко-классовые интересы. Напримѣръ, *екатеринославское* губернское земское собраніе единогласно высказалось за необходимость оградить нанимателей отъ посягательствъ со стороны рабочихъ.

Интересно отмѣтить, что многія земства, высказываясь за обязательность рабочихъ книжекъ для обѣихъ сторонъ (чтобы рабочій не могъ наниматься и быть нанимаемъ безъ книжки), въ то же время проектировали установить различную отвѣтственность за нарушеніе этого постановленія. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію *сѣвскаго* земства необходимо, «чтобы никто изъ хозяевъ не имѣлъ права (?) нанимать безъ книжекъ рабочихъ, а послѣднихъ при несоблюденіи этого условія штрафовать». *Дмитровское* земское собраніе полагало, что необходимо «рабочихъ подвергать взысканію за проживаніе безъ вида»; про хозяевъ же, нанимающихъ рабочихъ безъ вида, проектъ дмитровскихъ земцевъ скромно умалчиваетъ.

Лишь немногія земства высказались опредѣленно за установленіе штрафа съ помѣщиковъ, принявшихъ рабочаго безъ книжки; но и въ такихъ случаяхъ было предусмотрѣно, какъ бы не причинить хозяевамъ мало-мальски значительнаго ущерба. Такъ, напримѣръ, *херсонское* уѣздное земство полагало взыскивать въ такихъ случаяхъ штрафъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: за первый мѣсяцъ — рубль, за второй — два и т. д. Этотъ штрафъ долженъ былъ, согласно проекту, идти въ пользу народныхъ школъ. Такимъ образомъ, херсонскіе земцы-землевладѣльцы рас-

---

[1]) Земства: тимское (1865 г.); херсонское уѣздное, тульское губернское, дмитровское, екатеринославское губ., симбирское губ. (1866 г.); орловское губ., елецкое, бердянское, орловское у., волховское, сѣвское, костромское губ. (1867 г.); бахмутское, екатеринославское губ. (1869 г.) и нѣкоторыя другія.

читывали и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, какое серьезное значеніе могъ бы имѣть подобный незначительный штрафъ? Но, отнесясь снисходительно къ нанимателю, нарушавшему договоръ, херсонское земство иначе взглянуло на такой же проступокъ со стороны рабочаго, котораго проектировало снабдить ни болѣе ни менѣе, какъ волчьимъ билетомъ; по проекту названнаго земства, рабочая книжка должна была служить пожизненнымъ формуляромъ, куда заносились бы всѣ случаи нарушенія имъ договора.

Точно также и *харьковское* губернское земство (1872 г.) взглянуло различно на нарушеніе договора рабочимъ и хозяиномъ. Оно проектировало установить для нанимателей гражданскую отвѣтственность за принятіе рабочаго безъ книжки (наниматель обязывался возмѣстить убытки тому хозяину, отъ котораго ушелъ рабочій), а для рабочаго—уголовную («неявка рабочаго по полученіи задатка, а также самовольный уходъ рабочаго наказуются заключеніемъ въ тюрьмѣ, если проступокъ имѣетъ видъ обмана, и арестомъ въ другихъ случаяхъ»). Кромѣ того, нанимателю должно быть предоставлено право предъявлять къ неисполнителю договора гражданскій искъ.

Харьковскій проектъ, какъ и большинство другихъ, предусматриваетъ лишь интересы нанимателей и открываетъ этому послѣднему большой просторъ для злоупотребленій, благодаря, между прочимъ, тому, что «запись въ книжку жалованья и проч. составляетъ безспорное доказательство, если нанимающійся не оспоритъ въ теченіе 7 дней».

Еще дальше въ измышленіи репрессивныхъ мѣръ пошло *ананьевское* земское собраніе (1865 г.), ходатайствовавшее о томъ, чтобы бѣжавшій отъ нанимателя рабочій въ первый разъ подвергался штрафу, а послѣ третьяго побѣга отдавался бы въ исправительныя арестантскія роты. Кромѣ того, необходимо, по мнѣнію ананьевскаго земства,

подвергать взысканію сельскія власти за невысылку бѣжавшаго рабочаго къ нанимателю. Не получивъ отвѣта на свое ходатайство, ананьевскіе земцы продолжали измышлять мѣры, диктовавшіяся исключительно узко-классовыми интересами землевладѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, уже въ 1866 году земское собраніе выработало другой проектъ, явно носившій на себѣ печать крѣпостническаго духа. Согласно этому проекту предполагалось: во-первыхъ, завести при волостныхъ правленіяхъ алфавитныя книги для записи проступковъ рабочихъ и уклоненія ихъ отъ исполненія обязательствъ; во-вторыхъ, предоставить старостѣ, старшинѣ и волостнымъ судамъ право налагать взысканія на рабочихъ, проживающихъ временно въ предѣлахъ волости; въ-третьихъ, вносить въ рабочія книжки штрафные проступки и взысканія, прогульные дни и аттестацію за время служенія у хозяина; въ-четвертыхъ, сверхъ штрафа за самовольную отлучку непремѣнно возвращать рабочаго къ хозяину до окончанія срока; въ-пятыхъ, если сельское начальство допуститъ бѣжавшаго проживать безъ вида дома, то взысканіе за убытки обращается на имущество старосты и старшины, а въ случаѣ ихъ несостоятельности на общество; работникъ же долженъ быть доставленъ хозяину подъ конвоемъ; въ-шестыхъ, за троекратный побѣгъ рабочій лишается права наниматься въ теченіе года и отдается, по приговору общества, безплатно къ хорошему (?) хозяину на исправленіе; если же сельское общество уклонится привести это въ исполненіе, то оно само отвѣчаетъ за убытки, причиненные бѣжавшимъ рабочимъ.

Итакъ, мы видимъ, какія кары ждутъ рабочаго въ случаѣ нарушенія имъ договора. Здѣсь все, отъ начала до конца, обставлено крѣпко. Чѣмъ же рабочій гарантируется въ исполненіи договора хозяиномъ? Объ этомъ въ проектѣ не говорится ни слова, но зато предусмотрѣна гражданская отвѣтственность одного нанимателя передъ

другимъ въ случаѣ принятія на работы бѣжавшаго. Кромѣ того, наниматель, принявшій рабочаго безъ книжки или «не исполнившій обязанности по записи въ нее аттестаціи о поведеніи его, лишается права искать вознагражденія». Такимъ образомъ, проектировалось ввести нѣчто вродѣ круговой отвѣтственности предпринимателей относительно внесенія аттестаціи рабочаго въ книжку и установить затѣмъ бойкотъ плохо аттестованныхъ рабочихъ.

Въ слѣдующемъ году (1867 г.) ананьевское земство снова повторило свое ходатайство. Не получивъ и на этотъ разъ удовлетворенія крѣпостническихъ вожделѣній, земское собраніе однако не пришло въ уныніе. Въ 1871 году имъ назначается комиссія, которая продолжаетъ работать въ томъ же духѣ. Эта комиссія по-прежнему настаивала на правѣ требовать возвращенія рабочаго черезъ полицію; затѣмъ она предлагала ввести карательныя мѣры за стачки сельскихъ рабочихъ; за отказъ исполнять работу рабочій долженъ быть подвергаемъ аресту до 3-хъ мѣсяцевъ; «за ослушаніе при исполненіи работы» подвергать рабочаго уголовной отвѣтственности и наконецъ за заключеніе договора съ нѣсколькими нанимателями рабочій долженъ подлежать наказанію, какъ за мошенничество.

Постановленіемъ названной комиссіи ананьевскаго земства знаменуется поворотъ, со стороны земскихъ собраній, къ новымъ «мѣрамъ». Рабочія книжки уже перестаютъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ фигурировать въ земскихъ проектахъ; на сцену выступаютъ ходатайства объ усиленной репрессіи за нарушеніе договора. Въ числѣ новыхъ «мѣропріятій» по разрѣшенію сельскохозяйственнаго рабочаго вопроса стали особенно популярны слѣдующія: приводъ бѣжавшаго рабочаго къ нанимателю черезъ полицію; наказаніе рабочаго за нарушеніе договора, какъ за мошенничество и обманъ, и наконецъ отдача рабочихъ, нарушившихъ договоръ, на общественныя работы, въ работные дома, арестантскія роты и т. под. Вотъ весь арсе-

налъ земскихъ проектовъ семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Какъ видитъ читатель, они не отличаются ни особой гуманностью, ни излишней безкорыстностью. Остановимся на этихъ проектахъ нѣсколько подробнѣе.

Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ нѣкоторыя земскія собранія выступили съ ходатайствами о принудительномъ возвращеніи бѣжавшихъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, *новомосковское* земство ходатайствовало (1872 г.) о томъ, чтобы бѣжавшаго рабочаго немедленно, до разбора дѣла мировымъ судьей, возвращать къ нанимателю. Эта мѣра, какъ полагало земское собраніе, прекратитъ самовольныя отлучки рабочихъ. Такъ смотрѣли на это и нѣкоторыя другія земскія собранія, но большинство отнеслось къ принудительному возвращенію бѣжавшаго рабочаго отрицательно, не по какимъ либо гуманнымъ соображеніяхъ, а исключительно въ виду того, что возвращеніе бѣжавшаго и озлобленнаго, благодаря принудительному возвращенію, рабочаго грозитъ всегда нанимателю опасностью и непріятностями со стороны этого рабочаго.

Гораздо популярнѣе были проекты, предлагавшіе усилить отвѣтственность рабочаго за нарушеніе договора. Такъ, напримѣръ, *екатеринославское* губернское земское собраніе три года подрядъ (1870—1872 гг.) возбуждало ходатайства объ усиленіи репрессій и въ частности о томъ, чтобы взысканія съ «неисправныхъ» сельскихъ рабочихъ производились въ уголовномъ порядкѣ, такъ какъ гражданскій порядокъ обезпеченія взысканій не достигаетъ, по мнѣнію земскаго собранія, цѣли и не охраняетъ интересовъ хозяина. Въ томъ же духѣ высказались и нѣкоторыя другія земства [1]).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ на земскихъ собраніяхъ при этомъ не поднимались даже голоса въ за-

[1]) Напримѣръ, новомосковское, павлоградское (1872 г.); балашовское, рыльское (1881 г.); ливенское (1882 г.); тамбовское губернское (1883 г.) и др.

щиту интересовъ трудящихся; а тамъ, гдѣ и поднимались, они не встрѣчали обыкновенно сочувствія. Такъ было, напримѣръ, на екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1872 году. Спустя четыре года (1876 г.), когда снова былъ поднятъ на *екатеринославскомъ* земскомъ собраніи вопросъ объ усиленіи репрессій за самовольный уходъ рабочаго,—сочувствіе временно склонилось на сторону рабочаго, можетъ быть, благодаря талантливому отстаиванію интересовъ нанимающихся гласнымъ Миклашевскимъ. «Есть ли какое либо основаніе,—говорилъ онъ между прочимъ,—привлекать одну сторону къ уголовной отвѣтственности, оставляя другую безнаказанной? И могутъ ли они (рабочіе) строго смотрѣть на выполненіе обязательствъ, если хозяинъ, обѣщая кормить какъ слѣдуетъ, даетъ одинъ борщъ съ галушками, плавающими на разстояніи аршина одна отъ другой! Да и можетъ ли земство, какъ представитель общественныхъ интересовъ, относиться односторонне къ столь важному вопросу?» На этотъ разъ рѣчи гласнаго Миклашевскаго побудили земское собраніе отклонить предложеніе объ усиленіи наказанія за самовольный уходъ; но когда тотъ же гласный Миклашевскій, восемь лѣтъ спустя (1884 г.), выступилъ съ предложеніемъ принять земству на себя заботы объ огражденіи интересовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, земское собраніе не поддалось дѣйствію его рѣчей. «Уходъ рабочаго до срока,—говорилъ тогда г. Миклашевскій,—хотятъ возвести въ уголовный проступокъ и подвергать взысканію штрафами и арестомъ. Но можно ли взыскивать штрафъ съ людей, ничего не имѣющихъ, кромѣ зипуновъ, полушубковъ и проч.; подвергать же ихъ аресту, когда они кормятъ свои семьи, было бы жестоко. Надо знать также, не вызвано ли нарушеніе договора самимъ нанимателемъ, который, быть можетъ, плохо кормилъ ихъ; слѣдовало бы также разрѣшить, какъ поступать съ хозяевами, переманивающими

рабочихъ. Стоитъ кормить хорошо ихъ и они будутъ уходить рѣдко. Полезно также привязать ихъ къ мѣсту обѣщаніемъ небольшого вознагражденія сверхъ заработной платы, удваивая его на другой годъ при урожаѣ, если они опять придутъ и пробудутъ до конца срока, что уже практикуется нѣкоторыми нанимателями. Слѣдовало бы обязать хозяевъ давать нанимаемымъ пріютъ въ случаѣ болѣзни».

Пожеланія, высказанныя гласнымъ Миклашевскимъ, крайне скромны и требуютъ немного самопожертвованія со стороны землевладѣльцевъ, однако и они встрѣтили самое рѣшительное противодѣйствіе на земскомъ собраніи. Да и могло ли быть иначе? Хорошо оплачиваемый и находящійся въ хорошихъ условіяхъ рабочій не уйдетъ отъ хозяина и безъ рабочихъ книжекъ; для него не потребуется изощряться въ выдумываніи репрессивныхъ мѣръ за нарушеніе договора. Поэтому, когда земскія собранія жаловались на распущенность рабочихъ и ходатайствовали о введеніи обязательныхъ рабочихъ книжекъ, о принудительномъ возвращеніи къ хозяину бѣжавшаго и т. д., они стремились получить и удержать *дешевую* рабочую силу. Естественно поэтому, что предложенія гласнаго Миклашевскаго, исходившаго изъ соображеній объ «экономіи высокой заработной платы», не могли понравиться екатеринославскимъ аграріямъ.

Прочія земства также упорно не желали подойти къ разсматриваемому вопросу съ этой стороны, и съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, не переставали твердить о тюрьмахъ, штрафахъ и другихъ наказаніяхъ для провинившихся рабочихъ, скромно умалчивая объ отвѣтственности помѣщиковъ. Мы можемъ указать лишь единичные примѣры болѣе серьезнаго отношенія земскихъ собраній къ разсматриваему нами предмету. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя южныя земства [1]) ходатайствовали

[1]) Напримѣръ, оргѣевское, аккерманское, ясское, ростовское, бердянское, хотинское и др.

въ 1884 году объ изданіи закона, который, ограждая нанимателей, въ то же время защищалъ бы и сельскихъ рабочихъ отъ произвола нанимателей. Хотинская земская управа (Бессарабской губерніи) высказала при этомъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній, которыя не мѣшало бы имѣть въ виду ограниченнымъ защитникамъ узко-классовыхъ интересовъ землевладѣльцевъ. «Коренная причина нарушеній рабочими,—по мнѣнію *хотинской* управы,—заключается не въ томъ, что договоръ недостаточно обезпечиваетъ исполненіе его, а въ томъ, что они поставлены въ необходимость продавать своей трудъ впередъ на такихъ условіяхъ, выполненіе которыхъ невозможно. Уже по одному тому, что ненормальность отношеній между сторонами есть фактъ всеобщій, нельзя искать причинъ его въ личныхъ качествахъ, въ нравственной порочности крестянъ, а поэтому и выхода нельзя искать въ уголовной карѣ... Не можетъ быть сомнѣнія, что *нарушенія договоровъ бываютъ всего чаще тамъ, гдѣ рабочій наиболѣе закабаленъ* и гдѣ экономическое положеніе его всего хуже Сами защитники рабочихъ книжекъ смутно чувствуютъ, что въ этомъ дѣлѣ есть что-то такое, что побуждаетъ самихъ нанимателей обходить законъ о книжкахъ».

По полнотѣ разработки исключеніемъ является такса и постановленіе комиссіи *орловскаго* губернскаго земства (1883 г.), которая проливаетъ свѣтъ на подкладку обычныхъ жалобъ со стороны хозяевъ на нарушеніе рабочими договоровъ. Комиссія полагала, между прочимъ, что «условія на обработку земли должны совершаться только на предстоящій годъ; выдавать деньги болѣе чѣмъ за годъ слѣдуетъ безусловно запретить: въ государственныхъ интересахъ нельзя допускать, чтобы въ неурожайные годы населеніе закабаляло себя на долгіе годы. Это разорительно для обѣихъ сторонъ, такъ какъ одни вынуждены работать за безцѣнокъ, а другіе несутъ ущербъ отъ не-

исполненія условія; въ убыткѣ остаются болѣе добросовѣстные. Нарушеніе договоровъ пользуется полной безнаказанностью»... Названная комиссія орловскаго земства представляетъ почти единственный въ своемъ родѣ примѣръ: она высказалась за установленіе *одинаковой* гражданской и уголовной отвѣтственности для обѣихъ договаривающихся сторонъ. «Уголовное взысканіе за нарушеніе договора оградитъ, по мнѣнію комиссіи, и рабочихъ отъ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеній, невыдачи заработной платы и харчей, отъ прибавленія керосина въ муку и подобныхъ дѣйствій хозяевъ позднѣйшаго наслоенія».

Отмѣтимъ еще пожеланіе саратовскаго губернскаго земскаго собранія (1883 г.), чтобы земскимъ учрежденіямъ было предоставлено право устанавливать обязательныя низшія нормы цѣнъ на различныя полевыя работы.

Какъ было сказано выше, земскія ходатайства относительно урегулированія рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ не отличались особой гуманностью. Наряду съ требованіемъ объ усиленіи наказаній для рабочихъ за нарушеніе договора, земскія собранія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ не переставали ходатайствовать о томъ, чтобы рабочіе, не имѣющіе средствъ возмѣстить хозяевамъ «убытки»,—отдавались на общественныя работы или въ работные дома. Первымъ этотъ вопросъ возбудило, насколько намъ извѣстно, *усманское* земское собраніе (1870 г.), которое ходатайствовало о томъ, чтобы рабочій, приговоренный за нарушеніе договора къ аресту при полиціи или къ тюремному заключенію, посылался вмѣсто этого на *общественныя работы* для вознагражденія хозяина за «убытки». Въ 1877 году о томъ же ходатайствовало *саратовское* уѣздное земское собраніе. Мотивы этого ходатайства, какъ они изложены въ докладѣ управы, были слѣдующіе: «Поступая на из-

вѣстное время и на опредѣленную работу, крестьяне зарабатываютъ деньги впередъ, эксплоатируютъ хозяина и, не смотря ни на какія нотаріальныя условія, уходятъ отъ него. Жалобы приносятъ только вредъ потерею времени, расходами, а главное дурнымъ вліяніемъ на оставшихся рабочихъ (?), въ виду невозможности взыскать съ рабочаго хотя бы и по исполнительному листу, такъ какъ у него никакого имущества нѣтъ. Уголовное наказаніе не только не помогаетъ, но скорѣе притупляетъ нравственныя чувства, такъ какъ арестъ считается праздникомъ (!), отдыхомъ, заключеніе въ тюрьмѣ—даровой пищей съ квартирой. Одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ—немедленный разборъ дѣлъ и быстрое приведеніе рѣшенія въ исполненіе, съ лицъ состоятельныхъ—взысканіемъ денегъ, а съ несостоятельныхъ—присужденіемъ въ *рабочіе дома*». Интересно было бы знать, почему саратовскіе земцы ни словомъ не обмолвились объ условіяхъ предварительной наемки, побуждающихъ сельскихъ рабочихъ нарушать договоры или, какъ они выразились, «эксплоатировать хозяина». Не потому ли, что тогда выяснилось бы, кто кого въ дѣйствительности эксплоатируетъ, благодаря кабальной предварительной наемкѣ по страшно дешевымъ цѣнамъ?

По мнѣнію комиссіи *смоленскаго* губернскаго земства (1879 г.), необходимо, въ случаѣ уклоненія отъ исполненія рѣшенія суда, подвергать виновныхъ рабочихъ уголовному преслѣдованію, а для возмѣщенія «убытковъ» отдавать въ рабочіе дома, на общественныя работы, рабочія фермы, или, въ крайнемъ случаѣ, подвергать тюремному заключенію. Земское собраніе согласилось съ этимъ мнѣніемъ комиссіи за исключеніемъ пункта, касающагося уголовнаго преслѣдованія. Въ томъ же духѣ высказались также слѣдующія земства: сапожковское (1883 г.), саратовское губернское (1883 г.), курское губернское (1874 г.) и нѣкоторыя другія. Курское зем-

ство выступило при этомъ даже съ проектомъ устройства *земскаго* работнаго дома. «Сознаніе безнаказанности и безсилія закона,—говорилъ тогда гласный Анненковъ на курскомъ земскомъ собраніи,—дѣйствуетъ крайне пагубно на неразвитыя массы», а поэтому «единственное средство—обратиться къ правительству за разрѣшеніемъ устраивать рабочіе дома; они придадутъ закону силу (?) и тѣмъ посѣятъ къ нему уваженіе въ народѣ», а помѣщикамъ дадутъ доходы, такъ какъ «содержаніе отрабатывающихъ должно быть производимо на ихъ счетъ, удерживая извѣстную сумму изъ ихъ заработка (для возмѣщенія «убытковъ» хозяину), такъ что земству придется затрачивать весьма немного».

Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ снова усилились ходатайства земскихъ собраній объ «урегулированіи» рабочаго вопроса въ смыслѣ обезпеченія нанимателей въ исполненіи договоровъ. На этотъ разъ правительство вняло наконецъ мольбамъ аграріевъ и издало законъ 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы. Согласно этому закону, заключеніе формальнаго договора, засвидѣтельствованнаго волостнымъ правленіемъ, не обязательно для сторонъ; но разъ таковой договоръ заключенъ, нарушеніе его со стороны рабочаго влечетъ для послѣдняго уголовное наказаніе, а для хозяина—гражданскую отвѣтственность. Удовлетворилъ ли однако этотъ законъ желанія земствъ?

Со времени изданія закона 12 іюня вопросъ объ «урегулированіи» рабочаго вопроса рѣже поднимался на земскихъ собраніяхъ, такъ что, повидимому, можно думать, что онъ утратилъ свою остроту. Но такое предположеніе было бы ошибочно, такъ какъ въ дѣйствительности законъ 12 іюня не удовлетворилъ ни ярыхъ защитниковъ репрессивныхъ мѣръ, ни тѣхъ, которые начинали, хотя бы смутно, сознавать необходимость подойти къ рѣшенію вопроса съ другихъ сторонъ. Для этихъ послѣднихъ названный законъ

далъ только поводъ высказаться противъ «урегулированія» рабочаго вопроса однѣми насильственными мѣрами.

Прежде всего раздались жалобы на то, что закономъ не установлена *обязательность* заключенія формальнаго договора. По мнѣнію, напримѣръ, *елисаветградскаго* земскаго собранія (1890 г.), необходимо снова ходатайствовать о томъ, чтобы «Положеніе о наймѣ на сельскія работы» было дополнено слѣдующими статьями: 1) наемъ допускается лишь по предъявленіи договорныхъ листовъ; 2) не исполнившіе это привлекаются къ уголовной отвѣтственности независимо отъ гражданскаго иска потерпѣвшаго, если рабочій ранѣе былъ напятъ по договорному листу.

Единственное новое, съ чѣмъ выступило елисаветградское земство, — это предложеніе «предоставить земскимъ начальникамъ право при нарушеніи основныхъ правилъ найма или же при условіяхъ, для рабочаго невыполнимыхъ, объявлять договоръ недѣйствительнымъ».

Не менѣе рѣшительно въ защиту договорныхъ листовъ выступило евпаторійское земство, ходатайствовавшее о томъ, чтобы «договорные листы служили паспортомъ на срокъ заключеннаго условія и чтобы безусловно былъ воспрещенъ словесный наемъ».

Хозяина, принявшаго рабочаго безъ «письменнаго вида», евпаторійское земское собраніе предлагало подвергать штрафу въ административномъ порядкѣ. Такими мѣрами земство надѣялось бороться какъ противъ рабочихъ, такъ и противъ тѣхъ нанимателей, которые занимаются «переманиваніемъ» рабочихъ.

Въ томъ же духѣ, т. е. за обязательность заключенія письменныхъ договоровъ и за усиленіе наказаній противъ нарушителей этихъ договоровъ, высказались въ серединѣ девяностыхъ годовъ слѣдующія земскія собранія: перекопское, верхнеднѣпровское, тарусское, екатеринославское губернское, веневское, тульское, симбирское губернское

и нѣкоторыя другія. Въ проектахъ земствъ: верхнеднѣпровскаго, тульскаго, а также комиссіи *рославльскаго* земства снова возрождаются работные дома, общественныя работы и т. под., какъ средство опезпечить нанимателю гражданскій искъ къ рабочему.

Свои соображенія о необходимости отдавать должниковъ на заработки комиссія рославльскаго земства мотивировала слѣдующимъ образомъ: «Правильности отношеній нанимателей и рабочихъ вредитъ... неудобство взысканія частныхъ долговъ, причемъ примѣняется продажа движимаго имущества должника, хотя имущества этого почти никогда не оказывается; кредиторъ остается неудовлетвореннымъ, а непогашенный исполнительный листъ мѣшаетъ должнику завести лишнюю корову или лошадь; съ другой стороны и удовлетвореніе долга, разоряя должника, вредно вліяетъ на его хозяйство. Въ виду этого было желательно, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда для взысканія частнаго долга продажа движимаго имущества окажется неудобной или недостаточной, разрѣшено было бы отдавать должниковъ въ заработки, какъ эта мѣра практикуется при взысканіи съ недоимщиковъ общественныхъ податей и недоимокъ». Такимъ образомъ, подъ видомъ заботъ о рабочемъ названная комиссія стремилась обезпечить нанимательскіе иски, приравнять ихъ по взысканію къ недоимкамъ.

Особенно интересно мнѣніе *харьковскаго* губернскаго земства, которое полагало, что «неурегулированіе» рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ и «нравственная несостоятельность» крестьянъ суть главнѣйшія причины того, что производство русскаго хлѣба обходится сравнительно очень дорого. Противъ «нравственной несостоятельности» необходимо бороться учрежденіемъ школъ, затѣмъ ознакомленія рабочихъ (по возможности въ школѣ) съ техническими пріемами земледѣльческихъ работъ и съ работою сельскохозяйственныхъ орудій. «Затѣмъ необхо-

димо вообще урегулировать рабочій вопросъ изданіемъ законовъ о наймѣ рабочихъ, которые бы болѣе обезпечивали хозяевъ въ исполненіи рабочими принятыхъ ими на себя обязательствъ (da liegt der Hund begraben) и строгимъ наказаніемъ не только рабочихъ, самовольно покидающихъ хозяевъ, не выполнивъ условій найма, но еще строже тѣхъ хозяевъ, которые переманиваютъ къ себѣ чужихъ рабочихъ и этимъ окончательно развращаютъ ихъ». Харьковскіе аграріи проливаютъ далѣе слезу по поводу несправедливости закона, который не снабдилъ ихъ статьей 51 устава о наказ., карающей въ уголовномъ порядкѣ оставленіе работъ,—какъ объ этомъ позаботился законъ въ отношеніи фабрикантовъ и заводчиковъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, «такъ гибельно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ, что несомнѣнно $^{9}/_{10}$ землевладѣльцевъ сдали свои имѣнія въ аренду только но невозможности вести хозяйство при настоящей постановкѣ рабочаго вопроса».

Мы видимъ, что при всемъ своемъ либерализмѣ, харьковскіе земцы ни на іоту не ушли далѣе въ освѣщеніи рабочаго вопроса: все то же безсиліе понять рабочій вопросъ, все то же вздыханіе о кнутѣ, сдобренное мечтами о просвѣщенномъ и «нравственно состоятельномъ» земледѣльцѣ, который учился бы обрабатывать помѣщичью землю, будучи еще въ начальной школѣ.

Земства всегда были склонны менѣе всего винить хозяевъ въ «нравственной несостоятельности»; менѣе всего при этомъ стремились изучать положеніе дѣла. Какъ дятлы, они долбили сорокъ лѣтъ о необходимости репрессіи и насилія противъ нарушителей договоровъ, совершенно почти не вникая въ тѣ причины, которыя обусловливали и обусловливаютъ массовое нарушеніе договоровъ со стороны сельскихъ рабочихъ.

Наряду съ «нравственной несостоятельностью» рабо-

чихъ, нѣкоторыя земства кивали послѣднее время еще на одного Петра. По мнѣнію комиссіи *козловскаго* земства, напримѣръ, необезпеченность нанимателей въ исправномъ исполненіи договоровъ рабочими находится въ связи со всей податной системой, благодаря которой большинство крестьянъ держится постоянно въ состояніи нужды, такъ что съ нихъ нечего и взыскивать по иску. Читатели видятъ, какъ мало приходится помѣщикамъ жертвовать своими интересами, когда они хлопочутъ объ установленіи «правопорядка», объ упорядоченіи податного вопроса, о насажденіи грамотности и т. д.

Отмѣтимъ еще ходатайство *симбирскаго* земскаго собранія о томъ, чтобы земскимъ начальникамъ было предоставлено право взыскивать административно (по статьѣ 61 Положенія о земскихъ начальникахъ) за самовольный уходъ рабочаго, съ увеличеніемъ наказанія до двухнедѣльнаго ареста [1]).

Хотя и послѣ изданія закона 12 іюня 1886 года въ земскихъ собраніяхъ преобладали голоса за усиленіе репрессій,—однако все болѣе вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ раздаваться и другіе, которые отрицательно относились къ усиленію наказаній. Противники особыхъ репрессивныхъ мѣръ руководились при этомъ не гуманными соображеніями, а чисто практическими: усиленіе наказанія не способно, по ихъ мнѣнію, обезпечить интересы нанимателей. Законъ 1886 года, говорили они, малопригоденъ; его нужно измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы гарантировать исполненіе договора. Но, высказываясь въ данномъ случаѣ противъ примѣненія исключительныхъ репрессивныхъ мѣръ, земства не рѣшались или не могли предложить ничего болѣе раціональнаго и ограничились только простымъ за-

---

[1]) Объ усиленіи наказаній для рабочихъ ходатайствовали земства: калужское уѣздное и губернское, боровское, макарьевское, харьковское губернское и др.

явленіемъ о необходимости принять какія бы то ни было мѣры [1]).

Итакъ, мы видимъ, что во взглядахъ земствъ—за весь сорокалѣтній періодъ ихъ дѣятельности—на урегулированіе рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ отразились исключительно узко-классовые интересы помѣщиковъ. Гдѣ же, спрашивается, были въ это время гласные-крестьяне? Почему они не возвышали голоса въ защиту своихъ трудящихся братьевъ, отцовъ отъ тѣхъ скоропіоновъ, которыми грозили имъ земскіе проекты? На эти вопросы мы предоставляемъ отвѣчать всѣмъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что никакого подавленія интересовъ одного класса другимъ въ земствѣ не было.

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію другого вопроса, постоянно привлекавшаго вниманіе земскихъ собраній, именно къ вопросу объ урегулированіи *сельскохозяйственнаго отхода рабочихъ*.

Въ данномъ вопросѣ нужно имѣть въ виду нѣсколько сторонъ, которыми земства интересовались не одинаково. Въ земскихъ проектахъ урегулированія сельскохозяйственнаго отхода на первомъ мѣстѣ стоятъ заботы объ обезпеченіи нанимателей достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ; относительно менѣе — и то лишь самое послѣднее время — земскія собранія интересовались вопросомъ объ улучшеніи положенія пришлыхъ рабочихъ въ мѣстахъ наемки и совершенно почти обходили молчаніемъ вопросъ объ установленіи нормальныхъ отношеній нанимателей и пришлыхъ рабочихъ. Въ этой области земства по-прежнему вертѣлись въ кругу репрессивныхъ проектовъ.

Итакъ, разсмотримъ теперь взгляды земствъ по даннымъ тремъ пунктамъ.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ ходатайствовали, напримѣръ, земства: малоярославецкое, ардатовское, арзамасское, нижегородское губ., псковское, тульское губ., ефремовское и др.

Извѣстно, какое большое значеніе въ хозяйственной жизни юга Россіи, а также приволжскихъ восточныхъ губерній, имѣетъ издавна отходъ рабочихъ, направляющихся туда ежегодно лѣтомъ искать заработка со всѣхъ концовъ Россіи, преимущественно же изъ густонаселенныхъ центральныхъ губерній. До сихъ поръ, не смотря на многочисленные проекты, движеніе остается совершенно неурегулированнымъ и влечетъ за собой благодаря этому огромную растрату народныхъ силъ и средствъ. Вполнѣ понятно, что и земства названныхъ областей должны были обратить свое вниманіе на неурегулированность движенія. Правильно понятые классовые интересы южныхъ и восточныхъ помѣщиковъ, нуждающихся въ пришлыхъ рабочихъ и неоднократно ходатайствовавшихъ о присылкѣ на полевыя работы солдатъ, — должны были подсказывать имъ ввести это движеніе въ норму, чтобы сдѣлать возможными хотя бы приблизительные хозяйственные расчеты. Однако далеко не всегда земскіе взгляды на этотъ вопросъ отличались достаточной широтой Было не мало и такихъ земствъ, которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ противились какому бы то ни было вмѣшательству въ дѣло регулированія притока сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Таковы, напримѣръ, земства: зѣньковское, кобелякское, пирятинское, лохвицкое, горяческое въ 1882 году; херсонское уѣздное, полтавское уѣздное, александровское въ 1876 году; верхнеднѣпровское, лохвицкое, пирятинское и др. въ 1889 г. Изъ этого уже перечня видно, что *главными противниками вмѣшательства въ урегулированіе сельскохозяйственнаго отхода являлись земства тѣхъ губерній, которыя лишаются вслѣдствіе отхода необходимыхъ для нихъ самихъ рабочихъ рукъ*. Въ виду этого, надо полагать, *пирятинское* земство Полтавской губерніи разразилось (1889 г.) жалобами на вредъ отхожихъ промысловъ, которые-де не регулировать надо, а слѣдуетъ стремиться прекратить. По тѣмъ же причинамъ противъ регулированія

отхода высказалось, напримѣръ, и *полтавское* уѣздное земское собраніе (1876 г.).

Однимъ изъ доводовъ противниковъ регулированія была ссылка на особый характеръ сельскохозяйственнаго производства, въ которомъ, благодаря климатическимъ и другимъ условіямъ, нѣтъ якобы возможности даже приблизительно опредѣлить до жатвы количество потребныхъ рабочихъ рукъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что подобныхъ защитниковъ принципа Caisser faire было среди земскихъ собраній сравнительно немного. Большинство же земствъ, которымъ приходилось сталкиваться съ этимъ вопросомъ, не отрицало необходимости урегулировать отходъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и старалось, недостаточно, правда, настойчиво, отыскать пути и средства, ведущіе къ этому.

Впервые, насколько намъ извѣстно, вопросъ объ обезпеченіи притока рабочихъ изъ внутреннихъ губерній былъ поднятъ на *херсонскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи въ 1872 году, но ни къ какому опредѣленному рѣшенію по этому поводу собраніе не пришло. Слѣдующій толчокъ былъ данъ *сызранской* земской управой, которая публиковала въ 1874 году черезъ волостныя правленія свѣдѣнія о цѣнахъ на работы въ Заволжьѣ. Свѣдѣнія эти собирались черезъ безплатныхъ корреспондентовъ. Когда же въ слѣдующемъ году управа предложила расширить постановку дѣла и пригласить оплачиваемыхъ корреспондентовъ, она натолкнулась на рѣшительное сопротивленіе земскаго собранія. Нѣкоторые гласные высказывали опасеніе, что если крестьяне будутъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о *высокихъ* цѣнахъ на рабочія руки за Волгою, то они непремѣнно уйдутъ туда, создавши для мѣстныхъ владѣльцевъ «ужасное» положеніе. Собраніе вняло этимъ заявленіямъ и большинствомъ двухъ голосовъ отклонило назначеніе ничтожной суммы въ 250 рублей на наемъ корреспондентовъ по дѣламъ земской агентуры. Такимъ образомъ,

попытка сызранской управы, не встрѣтивъ сочувствія гласныхъ-землевладѣльцевъ, должна была заглохнуть. Зато мѣру, выдвинутую сызранской управой, имѣло возможность практиковать нѣсколько лѣтъ подрядъ *прилукское* земство (съ 1877—1882 г.). Въ концѣ концовъ прилукское земство убѣдилось въ нерацiональности ограничиваться лишь публикованiемъ свѣдѣнiй о цѣнахъ на рабочiя руки, не имѣя возможности направлять само движенiе черезъ посредство спецiальныхъ органовъ. Къ такому же заключенiю пришли и нѣкоторыя другiя земства въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Съ этихъ поръ навсегда оставляется мысль о возможности помочь дѣлу исключительно публикованiемъ цѣнъ на работы и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается вопросъ объ учрежденiи особыхъ земскихъ посредническихъ бюро. Нужно сказать, что еще въ 1875 году *ростовская* земская управа, имѣя въ виду преимущественно интересы нанимателей, выработала проектъ учрежденiя при управахъ особыхъ агентуръ. Но большинство земскихъ собранiй, къ которымъ обращалась ростовская управа, отнеслось къ проекту несочувственно. Причиной этого была одна черта названнаго проекта, а именно: проектъ устанавливалъ до нѣкоторой степени вмѣшательство во взаимныя отношенiя нанимателей и рабочихъ, такъ какъ имъ опредѣлялся минимумъ заработка и гарантировался рабочему самый фактъ заработка; иначе говоря, хозяева обязывались дать нанятому черезъ посредство управы рабочему минимальный заработокъ на весь договоренный срокъ найма. На практикѣ помѣщики не привыкли связывать себя подобными обязательствами, и если урожай хлѣбовъ оказывается ниже предполагавшагося, то часть рабочихъ расчитывается до окончанiя срока, остальнымъ сбавляется плата. Достигается это обычно «легальными средствами», которыя заставляютъ самого рабочаго отказаться отъ работы и бѣжать подальше.

Гораздо сочувственнѣе отнеслись земскiя собранiя къ

проекту, выработанному въ 1881 году *днѣпровской* земской управой [1]). Согласно этому проекту, дѣло должно быть организовано слѣдующимъ образомъ. По выясненіи урожая вполнѣ, управа, заручившись желаніемъ владѣльцевъ, командируетъ лицо въ мѣстность, изобилующую свободными рабочими. Это лицо входитъ черезъ уѣздныя управы въ соглашеніе съ рабочими, беретъ у нихъ паспорта, выдаетъ билеты на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, а мѣстная управа даетъ имъ проходное свидѣтельство. По прибытіи въ уѣздъ, куда они нанялись, рабочіе слѣдуютъ къ назначенному владѣльцу, которому и высылаются паспорта. При этомъ никакихъ гарантій управа владѣльцамъ не даетъ, точно такъ же, какъ и ихъ не связываетъ по отношенію къ рабочимъ никакими обязательствами.

Неправда ли, какъ откровенно выражены здѣсь интересы исключительно нанимателей? Рабочій выдается хозяину съ головой, благодаря отсылкѣ этому послѣднему паспорта, — а чѣмъ гарантируется рабочій, что онъ не попадетъ гдѣ-то тамъ далеко въ такія условія, что ему ничего не останется болѣе, какъ бѣжать, оставивъ паспортъ у хозяина, подальше?

Итакъ, мы видимъ, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ земская мысль концентрируется на вопросѣ о необходимости для регулированія отхода сельскохозяйственныхъ рабочихъ организовать посредническія бюро, которыя собирали бы свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи ра-

---

[1]) Интересно отмѣтить различіе во взглядахъ на этотъ проектъ земствъ тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ пришлыхъ рабочихъ, и тѣхъ, которыя служатъ источникомъ отхода. Если первыя и слышать не хотѣли о какой либо гарантіи интересовъ нанимающихся, то вторыя, будучи сами непосредственно не заинтересованы въ эксплоатаціи этой категоріи рабочихъ,—склонны были проявлять заботы объ огражденіи отхожниковъ отъ эксплоатаціи и отъ „ошибочнаго путешествія". Въ этомъ духѣ сдѣлали постановленія земства: золотоношское, полтавское, переяславское, прилукское, константиноградское, лубенское, миргородское, роменское—въ 1882 г.; грайворонское, курское уѣздное, рыльское, путивльское—въ 1889 г.

бочихъ рукъ и заботились бы о доставкѣ потребнаго нанимателямъ числа рабочихъ рукъ. Однако, какъ ни скромна была задача, ставившаяся земскими проектами этимъ бюро, скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что и эта дѣятельность имъ не подъ силу. Дѣло въ томъ, что движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ совершается на пространствѣ нѣсколькихъ губерній, такъ что необходимо согласовать дѣятельность многихъ бюро. Такимъ образомъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ на сцену выдвинулся вопросъ о созывѣ областного земскаго съѣзда изъ представителей заинтересованныхъ губерній [1]).

Вопросъ о регулированіи сельскохозяйственнаго отхода былъ поднятъ еще разъ нѣкоторыми земствами въ девяностыхъ годахъ (московское, таврическое, черниговское, петербургское, смоленское губернскія земства и др.), но ничего новаго по этому поводу предложено не было, такъ что намъ нѣтъ нужды разсматривать проекты названныхъ земствъ.

Итакъ, мы видимъ, что земствомъ до сихъ поръ ничего существеннаго для разрѣшенія разсматриваемаго нами вопроса осуществлено не было. Причины этого надо искать, съ одной стороны въ сложности дѣла, а затѣмъ также въ тѣхъ препятствіяхъ, съ которыми приходится всегда считаться земскимъ собраніямъ и которыя направлены на разъединеніе земствъ и затрудненіе имъ сношеній между собой. Все это мы не думаемъ отрицать, но считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что главнымъ тормазомъ, по нашему мнѣнію, служили: во-первыхъ, противоположность инте-

[1]) Объ этомъ ходатайствовали слѣдующія земскія собранія: курское губернское, полтавское губернское, кобелякское, миргородское и александровское въ 1889 году. По мнѣнію александровскаго земства, „созывъ съѣзда—единственное средство упорядочить наемъ на лѣтнія работы, ибо всѣ предлагавшіеся проекты несостоятельны, а организація передвиженія рабочихъ возможна только при полномъ согласіи и дружныхъ систематическихъ мѣропріятіяхъ всѣхъ заинтересованныхъ земствъ.

ресовъ землевладѣльцевъ, а слѣдовательно, и земскихъ собраній тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ пришлыхъ рабочихъ, и тѣхъ, откуда направляется движеніе отхожниковъ; во-вторыхъ, нежеланіе нашихъ аграріевъ налагать на себя какія либо обязательства по отношенію къ нанимающимся, а между тѣмъ при организаціи этого дѣла пришлось бы подумать и о гарантированіи рабочихъ.

Положеніе пришлыхъ рабочихъ на мѣстахъ наемки, въ особенности, въ крупныхъ центрахъ, бываетъ обычно до того неудовлетворительно, что превосходитъ границы санитарной безопасности. Скученные, принужденные цѣлыми днями ждать найма подъ открытымъ небомъ, полуголодные,—пришлые сельскохозяйственные рабочіе всегда представляли хорошій очагъ для распространенія всевозможныхъ инфекціонныхъ болѣзней. Вотъ это-то обстоятельство и заставило прежде всего земскія собранія обратить вниманіе на улучшеніе положенія пришлыхъ рабочихъ въ мѣстахъ большого скопленія ихъ при наемкѣ. Характерно, далѣе, то, что многое въ этой области сдѣлано по иниціативѣ «третьяго элемента». Мы можемъ положительно доказать, что устройство такъ называемыхъ лечебно-продовольственныхъ пунктовъ въ тѣхъ немногихъ земствахъ, гдѣ они существуютъ въ настоящее время, было дѣломъ главнымъ образомъ «третьяго элемента». Слѣдуетъ, кромѣ того, отмѣтить, что лишь со второй половины девяностыхъ годовъ земства проявили въ этой области сравнительно большую энергію. Вотъ что писалъ въ концѣ 1898 года извѣстный изслѣдователь сельскохозяйственнаго отхода рабочихъ г. Варбъ: «два земства—херсонское и самарское—осуществили уже рядъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ, съ одной стороны, къ облегченію участи пришлаго люда, а съ другой—къ огражденію мѣстнаго населенія отъ распространенія инфекціонныхъ болѣзней, разносимыхъ отхожа-

нами. Но сравнительно немногочисленные лечебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ, устроенные названными земствами, являются рѣшительно каплею на цѣлое море неисчерпаемыхъ бѣдствій и мукъ. Почему-то другія земства, какъ таврическое, бессарабское, екатеринославское, саратовское, остаются совершенно глухи ко всѣмъ бѣдствіямъ, испытываемымъ пришлыми рабочими, подвизающимися на территоріи ихъ губерній» [1]).

За самое послѣднее время положено начало организаціи лечебно-продовольственныхъ пунктовъ еще нѣкоторыми другими земствами (воронежскимъ, саратовскимъ, черниговскимъ). Но все это, по справедливому замѣчанію г. Варба, сказанному имъ нѣсколько ранѣе, но не утратившему значеніе и понынѣ, «сравнительно съ тѣмъ, что предстоитъ еще сдѣлать для пришлыхъ рабочихъ... представляется крайне ничтожнымъ» [2]).

Почему же земства такъ неохотно приступали къ этому жизненно-важному для многихъ милліоновъ трудящагося люда дѣлу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нетрудно найти въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя весьма часто приводились на земскихъ собраніяхъ противниками учрежденія лечебно-продовольственныхъ пунктовъ. Гласные-помѣщики ставили земству въ вину, что оно дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ не въ интересахъ нанимателей, такъ какъ, давая рабочему кой-какой кровъ и пищу въ мѣстѣ наемки, земство позволяетъ рабочему не спѣшить закабалить себя первому встрѣчному нанимателю и, благодаря учрежденію этихъ пунктовъ, рабочіе становятся требовательнѣе въ отношеніи хозяевъ. Вотъ этимъ-то соображеніемъ и объясняется, на нашъ взглядъ, почему земства не стремились до сихъ поръ открывать лечебно-продовольственные пункты, и лишь

---

[1]) Е. Варбъ. Скитанія сельскохозяйственныхъ рабочихъ. „Русская Мысль“. 1898 г., кн. 8, стр. 26.

[2]) Е. Варбъ. Земство и сельскіе рабочіе. „Русское Богатство“. 1897 г., № 12, стр. 105.

*

подъ вліяніемъ «третьяго элемента» были сдѣланы первые шаги въ этомъ направленіи.

Выше мы уже упомянули, что земскія собранія, за рѣдкими исключеніями, относились крайне несочувственно къ какому бы то ни было вмѣшательству управъ во взаимныя отношенія договаривающихся сторонъ. Въ этомъ сказалась обычная боязнь буржуазіи общественнаго контроля и надзора надъ условіями работы и жизни рабочихъ [1]). Но, высказываясь противъ вмѣшательства въ смыслѣ обезпеченія интересовъ рабочихъ, земскія собранія не переставали ходатайствовать объ «урегулированіи» отношеній отхожихъ рабочихъ и нанимателей путемъ репрессій, взысканій и т. под. Говорить объ этомъ—значило бы повторять по большей части то, что было сказано нами вообще относительно земскихъ проектахъ «урегулировать» рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Стоитъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ земскихъ проектахъ, имѣвшихъ цѣлью обезпечить нанимателей дешевой рабочей силой.

Одно время были довольно многочисленны ходатайства земскихъ собраній о предоставленіи, за извѣстную плату, въ распоряженіе помѣщиковъ для уборки хлѣбовъ солдатъ [2]).

---

[1]) Особенно ярко такое отношеніе сказалось въ постановленіи *елисаветградскаго* уѣзднаго земскаго собранія (1894 г.), по мнѣнію котораго „союзъ землевладѣльцевъ по вопросамъ веденія хозяйства далъ бы гораздо скорѣе и болѣе благопріятные результаты, чѣмъ обсужденіе ихъ не только земствами, но и правительственными учрежденіями". Елисаветградское земство полагало, что необходима лишь „*солидарность* при наймѣ и содержаніи рабочихъ: ушедшій отъ хозяина безъ нужды не долженъ быть принимаемъ другимъ".

[2]) Таковы, напримѣръ, ходатайства земствъ: перекопскаго (1868 г.); екатеринославскаго уѣзднаго (1873 г.); тираспольскаго (1881 г.); калужскаго и херсонскаго губернскихъ (1882 г.); орловскаго губернскаго (1888 г.); одесскаго, елисаветградскаго, херсонскаго губ. (1894 г.) и др.

Нѣкоторыя же земства промышленныхъ губерній возбуждали ходатайства объ обязательномъ прекращеніи фабричныхъ работъ на все время уборки хлѣбовъ, съ той цѣлью, чтобы фабричные рабочіе могли принимать участіе въ полевыхъ работахъ [1]). Но другія земскія собранія, которыя обсуждали этотъ проектъ [2]), отнеслись къ нему крайне несочувственно въ виду стѣсненій, налагаемыхъ имъ на фабрикантовъ, а отчасти и на рабочихъ.

Немногочисленными также являются проекты создать особый классъ сельскохозяйственнхъ рабочихъ, нѣчто вродѣ прусскихъ инстовъ (Instenverhältnisse, Dienstleute).

Усманское земство, напримѣръ, скорбѣло (1870 г.) по поводу того, что «въ уѣздѣ не замѣчается водворенія осѣдлыхъ и прочныхъ рукъ на частныхъ земляхъ по долгосрочнымъ условіямъ». «Система же вольноприходящихъ рабочихъ силъ не можетъ, по мнѣнію усманскихъ аграріевъ, служить основаніемъ никакой прочно расчитанной и заранѣе обдуманной хозяйственной системы». Не проще ли было бы ходатайствовать о возвращеніи «прочной» и «устойчивой» системы крѣпостного права? Вслѣдъ за усманскимъ земствомъ и *чухломское* высказалось (1871 г.) за привлеченіе рабочихъ для «долгосрочнаго» поселенія на земляхъ помѣщиковъ. Комиссія *аткарскаго* земства проектировала (1875 г.) привлекать рабочихъ изъ густонаселенныхъ мѣстностей на слѣдующихъ основаніяхъ: поселенцы-испольщики получаютъ отъ хозяина небольшое пространство земли безвозмездно (!) на опредѣленное число лѣтъ для построекъ, огорода и проч.; за это они обязываются работать на помѣщика испольно или отрядно. Въ этомъ же приблизительно смыслѣ высказалось и *екатеринославское* губернское земское собраніе въ 1878 году.

«Нравственная несостоятельность и консерватизмъ на-

---

[1]) Напримѣръ, земства: шуйское, переяславское, владимірское уѣздное (1868—1870 гг.).

[2]) Тогда же: покровское, судогодское, юрьевское, вязниковское.

шихъ землевладѣльцевъ побуждали ихъ много кричать объ угнетеніи со стороны рабочихъ и т. д.; но при этомъ взоры ихъ менѣе всего стремились отыскать средства, культурнаго и прогрессивнаго характера, для ослабленія своей зависимости отъ рабочихъ. Ходатайства объ усиленіи наказаній и рабочія книжки — вотъ почти весь незатѣйливый репертуаръ нашихъ земцевъ-аграріевъ по разрѣшенію рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ.

За единичными исключеніями, земствамъ была чужда мысль, что съ «произволомъ» рабочихъ можно бороться не кнутомъ и тюрьмой, а болѣе культурнымъ средствомъ: планомѣрнымъ насажденіемъ машиннаго производства [1]). Послѣдніе годы земства занялись, правда, усиленнымъ распространеніемъ сельскохозяйственныхъ машинъ, но дѣлается это, какъ мы покажемъ впослѣдствіи, по другимъ соображеніямъ.

О классовыхъ интересахъ въ земствѣ слѣдуетъ судить не только по тому, что дѣлалось и дѣлается земскими собраніями, но также и по тому, чего земскія собранія не выполнили, имѣя къ этому возможность. Наша мысль лучше всего можетъ быть выяснена на примѣрѣ.

Какъ извѣстно, положеніе 1890 года (статья 108) предоставило губернскимъ земскимъ собраніямъ право издавать, съ утвержденія администраціи, различныя обязательныя постановленія касательно санитарныхъ условій жизни и труда населенія. Пользуясь этимъ правомъ, земства могли бы развить цѣлую систему мѣропріятій, направленныхъ къ огражденію интересовъ трудящагося люда. Что въ этомъ ощущается крайняя нужда, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію. До сихъ поръ въ области приложенія сельскохозяйственнаго труда царитъ полнѣйшій произволъ

---

[1]) Земства: херсонское губ. (1871 и 1872 гг.); одесское и елисаветградское (1894 г.).

нанимателей, до сихъ поръ рабочему не обезпечены сносныя условія жизни и труда въ экономіяхъ въ качествѣ батраковъ и др. рода рабочихъ, до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ объ огражденіи рабочихъ отъ увѣчій сельскохозяйственными машинами. Земства, за единичными исключеніями, совершенно не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ издавать соотвѣтствующія обязательныя постановленія. Въ рѣдкихъ даже случаяхъ поднимался этотъ вопросъ на земскихъ собраніяхъ, встрѣчая обычно болѣе или менѣе открытое противодѣйствіе со стороны гласныхъ-землевладѣльцевъ. Такъ было, напримѣръ, въ *екатеринославскомъ* земствѣ съ изданіемъ правилъ объ огражденіи рабочихъ отъ увѣчій сельскохозяйственными машинами. Исторія этого вопроса въ екатеринославскомъ земствѣ слѣдующая [1]). Въ 1894 году *верхнеднѣпровское* земство, по иниціативѣ врача Сочанскаго, возбудило передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ ходатайство объ изданіи названныхъ правилъ. Губернское земское собраніе передало это ходатайство на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній, изъ которыхъ два отвергли предложеніе верхнеднѣпровскаго земства, пять земствъ отнеслись къ нему сочувственно, а *бахмутское* высказалось не только противъ изданія правилъ, но даже настаивало на желательности «огражденія хозяевъ молотилокъ отъ всякой матеріальной отвѣтственности за несчастные случаи», такъ какъ эти случаи «скорѣе можно отнести къ неосторожности рабочаго, чѣмъ къ хозяину молотилки». Въ виду того, что за изданіе правилъ высказалось большинство уѣздныхъ земствъ, губернская управа (1895 г.) разработала соотвѣтственный проектъ и внесла его въ земское собраніе; это послѣднее, однако, не сочло даже нужнымъ входить въ обсужденіе представленнаго проекта, признавъ

---

[1]) См. Б. Письмо изъ Екатеринославля. „Начало“. 1899 г., стр. 50—51.

изданіе правилъ ненужнымъ. Въ 1897 году этотъ вопросъ снова возникъ на губернскомъ земскомъ собраніи, на этотъ разъ по иниціативѣ фабричнаго инспектора, который, указавъ на нѣсколько тяжкихъ случаевъ увѣчья со смертельнымъ исходомъ, предложилъ издать постановленіе объ обязательномъ огражденіи опасныхъ частей конныхъ и паровыхъ молотилокъ. Предложеніе было передано собраніемъ въ управу для подробной разработки. Разработанный управой проектъ обсуждался собраніемъ въ 1898 г. Указывая на то, что съ тѣхъ поръ, какъ этотъ вопросъ впервые былъ поднятъ на земскомъ собраніи (1894 г.), въ екатеринославской губерніи было не менѣе 1.280 несчастныхъ случаевъ съ сельскими рабочими, — управа предлагала воспретить ночныя работы на машинахъ, затѣмъ воспретить работу при машинахъ дѣтямъ до 13 лѣтъ и, наконецъ, принять мѣры къ огражденію наиболѣе опасныхъ частей машинъ. На земскомъ собраніи большинство гласныхъ отнеслось къ проекту несочувственно, причемъ нѣкоторые отрицали даже самую необходимость изданія подобныхъ правилъ; по ихъ мнѣнію, правила только создадутъ затрудненія хозяевамъ, но ничего не дадутъ рабочимъ, такъ какъ увѣчья являются слѣпой игрой случая (!), противъ чего не помогутъ никакія огражденія машинъ. Другіе гласные указывали на то, что затраты по огражденію машинъ лягутъ непосильнымъ бременемъ на землевладѣльцевъ. Послѣ продолжительныхъ преній докладъ управы былъ переданъ въ комиссію, которая, согласно указаніямъ земскаго собранія, вычеркнула изъ него нѣкоторыя важныя статьи къ ущербу рабочихъ. Но и въ такомъ видѣ проектъ не удостоился утвержденія собранія и отправился на вторичное обсужденіе уѣздныхъ земствъ.

Въ данномъ случаѣ можетъ быть только одно изъ двухъ: или екатеринославское земство (да и другія) не признаетъ факта большого распространенія этой категоріи увѣчій, или же оно, преслѣдуя узко-классовые интересы

помѣщиковъ, просто не желаетъ считаться съ этимъ фактомъ. Утверждать первое—это значило бы допускать, что земскія собранія незнакомы съ работами своихъ статистическихъ и санитарныхъ бюро, которыми вполнѣ осязательно установленъ фактъ огромнаго вреда, причиняемаго рабочимъ сельскохозяйственными машинами; поэтому остается сдѣлать второе заключеніе и признать, что только классовые интересы господствующей въ земствѣ группы помѣшали земскимъ собраніямъ отнестись со вниманіемъ къ охранѣ интересовъ рабочихъ. Приведемъ еще одинъ интересный примѣръ нежеланія нынѣшняго классоваго земства вмѣшиваться въ отношенія нанимателей къ рабочимъ [1]).

Въ 1901 году *петрозаводская* земская управа (Олонецкой губерніи) возбудила вопросъ объ изданіи обязательныхъ санитарныхъ постановленій относительно работъ на лѣсныхъ промыслахъ (вырубка, сплавъ лѣса и т. под.). Земское собраніе, состоящее изъ кулаковъ-крестьянъ, признало «нежелательнымъ» изданіе такихъ постановленій. Въ слѣдующемъ году тотъ же вопросъ былъ поднятъ *пудожскимъ* земствомъ. По мнѣнію названнаго земства, необходимо издать постановленія относительно: 1) снабженія рабочихъ достаточнымъ помѣщеніемъ и хорошей пищей; 2) установленія надзора за жилищемъ и пищей рабочихъ; 3) о недопущеніи подростковъ до 16 лѣтъ къ работамъ по вывозкѣ и сплаву лѣса, и 4) объ обезпеченіи рабочихъ медицинской помощью. Эти требованія показались однако другимъ земствамъ чрезмѣрными, и такимъ образомъ крайне важный для мѣстнаго населенія вопросъ былъ похороненъ «крестьянскими» земствами, состоящими изъ чиновниковъ и крестьянской буржуазіи.

Санитарныя постановленія относительно производства

---

[1]) См. Б. В. Очеркъ дѣятельности олонецкаго земства. „Саратовская Земская Недѣля“, 1905 г., кн. I.

лѣсныхъ работъ изданы въ настоящее время, между прочимъ, петербургскимъ и новгородскимъ земствами.

Весьма возможно, что тамъ эта мѣра могла легче осуществиться, благодаря тому, что земцы-помѣщики не заинтересованы сами непосредственно въ этихъ промыслахъ; лѣсопромышленники же, представители «капитала», имѣютъ слабое вліяніе на земскихъ собраніяхъ.

Въ этой главѣ мы не имѣли намѣренія исчерпать темы, а стремились лишь указать все то, что болѣе характерно для дѣятельности и взглядовъ современнаго классоваго земства относительно рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ; и намъ удалось, думается, убѣдить читателя въ томъ, что въ этомъ вопросѣ земскія собранія, или, вѣрнѣе, преобладающая въ нихъ группа землевладѣльцевъ, смотрѣли сквозь призму классовыхъ интересовъ.

ГЛАВА VIII.

Выше намъ пришлось уже нѣсколько разъ упомянуть вскользь о роли «третьяго элемента» въ земствѣ. Въ настоящее время мы должны остановиться на этомъ нѣсколько подобнѣе, такъ какъ, не принимая во вниманіе «третьяго элемента», нельзя правильно оцѣнить работу современнаго земства.

Извѣстный общественный дѣятель А. И. Новиковъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что «центръ тяжести ея (земской организаціи, земства) лежитъ не въ выборныхъ людяхъ, а въ третьемъ элементѣ» [1]). Что же составляетъ силу «третьяго элемента», что доставляетъ ему значительное вліяніе въ классовомъ земствѣ, наконецъ, съ какого времени стала особенно замѣтна проявляться роль этого элемента, — вотъ вопросы, на которые мы попытаемся дать въ немногихъ словахъ посильный отвѣтъ.

Какъ мы уже говорили, «радикалы сразу порѣшили, что изъ земства ничего не выйдетъ», что земство не можетъ удовлетворить ихъ «безпочвенныхъ» идеаловъ, а потому они стали искать приложенія своимъ силамъ въ другой области.

«Радикалы» конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ ничуть не открещивались отъ «культурни-

---

[1]) А. И. Новиковъ. Центръ тяжести самоуправленій. „Вѣстникъ Знанія“, 1905 г. № 2, стр. 53.

ческой» работы; они такъ же, какъ и умѣренные либералы, утвердившіеся въ земствѣ, придавали большое значеніе именно «культурной» работѣ среди крестьянскаго населенія. Вся разница въ этомъ отношеніи между тѣми и другими заключалась въ томъ, что одни желали работать для народа, но безъ народа,—тогда какъ другіе стремились слиться съ народомъ, привлечь его къ активной работѣ.

«Либералы» могли поэтому удовлетвориться дѣятельностью въ земствѣ, которое, въ силу правовыхъ и иныхъ причинъ, стало представлять изъ себя нѣчто вродѣ начальства надъ населеніемъ, — для «радикаловъ» такая роль, конечно, не годилась и они «пошли въ народъ».

Другая причина расхожденія либераловъ-земцевъ и радикаловъ-народниковъ заключалась въ томъ, что первые опирались въ своихъ требованіяхъ на классовое общество, тогда какъ вторые стремились къ уничтоженію этого классового общества, къ упраздненію классовыхъ перегородокъ; они, слѣдовательно, должны были явиться противниками земства, построеннаго на сословно-классовомъ принципѣ.

«Хожденіе въ народъ», какъ извѣстно, продолжалось недолго. Подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности, всякія мечты о возможности «культурной» работы среди населенія, помимо различныхъ «учрежденій», должны были разлетѣться въ прахъ. «И у насъ была розовая мечтательная юность, когда мы вѣрили въ возможность культурной работы среди народа, и если эта юность такъ скоро миновала, то не мы въ этомъ виноваты»,—такъ «радикалы» устами наиболѣе выдающагося своего представителя подвели итогъ «хожденію въ народъ». Началась другая пора, пора ожесточенной борьбы за существованіе, пора жестокихъ преслѣдованій. На каждый террористическій актъ правительство отвѣчало арестами, ссылками и усиленіемъ репрессій. Не оставались безучастными и земскія собранія, которыя составляли всеподданнѣйшіе адреса

съ выраженіями соболѣзнованія по поводу покушеній, заявляли о своей готовности бороться съ внутреннимъ врагомъ. Такъ отнеслись земскія собранія къ покушенію на Государя 2-го апрѣля и 20-го ноября 1879 года и 1-го марта 1881 года. Но, заявляя въ адресахъ о своей готовности встать на защиту «исконныхъ началъ», либеральные земцы вмѣстѣ съ тѣмъ лелѣяли мечту о реформахъ и выжидали, не пойдетъ ли правительство на уступки. На этотъ разъ «исконныя начала» удержались, а вмѣстѣ съ тѣмъ были разбиты всякія надежды на реформы въ близкомъ будущемъ. Наступила реакція восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ.

Такъ заключился второй періодъ дѣятельности «радикаловъ». Не встрѣтивъ поддержки снизу и испытавъ въ борьбѣ слабость своихъ единичныхъ силъ, нѣкоторые изъ нихъ перенесли дѣятельность на другую почву и временно скрылись съ горизонта; другіе же, болѣе скромные въ своихъ требованіяхъ, стали искать сближенія съ земствомъ, чтобы имѣть возможность черезъ эти «учрежденія» заняться культурнической работой, обученіемъ и просвѣщеніемъ народа, благодаря некультурности котораго они, по ихъ мнѣнію, потерпѣли неудачу въ своихъ попыткахъ «хожденія въ народъ».

Искренняя чистая вѣра въ «народъ» смѣнилась желаніемъ помѣстить этотъ самый «народъ» въ приготовительный классъ и относиться къ этому «народу», подобно земцамъ-буржуа, какъ къ объекту благожелательныхъ воздѣйствій. Но такая перемѣна произошла не сразу.

Первая мысль, которая должна была явиться у «радикаловъ»,—это та, что ихъ неудачи при «хожденіи въ народъ» объясняются помимо некультурности этого народа также и недостаточнымъ знакомствомъ съ жизнью и взглядами крестьянъ.

И вотъ, какъ разъ въ началѣ и серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, многими земствами были предприняты по-

дворно-статистическія изслѣдованія, которыя давали удобный случай изучить бытъ народа и вступить съ нимъ въ болѣе близкія отношенія. И дѣйствительно, статистическія работы привлекли многихъ изъ «радикаловъ». Съ этихъ поръ, можно сказать, начало формироваться то, что самарскій вице-губернаторъ Кондоиди окрестилъ въ концѣ девяностыхъ годовъ именемъ «третьяго элемента».

Конечно, и до этого времени въ средѣ земскихъ служащихъ было не мало интеллигентныхъ, просвѣщенныхъ работниковъ, но въ силу нѣкоторыхъ условій они не сформировались въ политическую величину, а именно это послѣднее и является характернымъ для нынѣшняго «третьяго элемента».

Съ легкой руки статистиковъ въ земство начали стремиться и другіе спеціалисты, искавшіе сближенія съ народомъ: врачи, агрономы и т. д. Сначала они чувствовали себя неувѣренно и смотрѣли на себя, какъ на временныхъ гостей; но мало-по-малу, по мѣрѣ усиленія реакціи, они все болѣе осваивались съ той мыслью, что имъ надолго придется посвятить себя работѣ въ земствѣ. Чувствуя себя въ сословно-классовомъ земствѣ пришлымъ элементомъ, «радикалы», естественно, должны были стремиться упрочить свое положеніе объединеніемъ. И вотъ мы видимъ, какъ растутъ и крѣпнутъ санитарные, экономическіе и т. под. совѣты, школьныя комиссіи, въ которыхъ руководящая роль переходитъ въ руки «третьяго элемента».

Съ середины девяностыхъ годовъ кадры «третьяго элемента» стали пополняться и другими свѣжими силами. Выброшенныя «независящими обстоятельствами» изъ крупныхъ центровъ, эти силы устремлялись въ провинцію и поступали въ значительномъ количествѣ на земскую службу. Вліяніе этого элемента сказалось въ особенности на нѣкоторыхъ земствахъ,—съ одной стороны, расположенныхъ на окраинѣ, а съ другой стороны, та-

кихъ, которыя находятся въ наиболѣе оживленныхъ пунктахъ изъ числа незапретныхъ.

Съ усложненіемъ земской работы и съ улучшеніемъ организаціи «третьяго элемента» вліяніе земскихъ «спеціалистовъ» должно было постоянно возрастать.

Упроченіе «третьяго элемента» должно было сказаться прежде всего на большой устойчивости направленія земской дѣятельности. Новый составъ управы и земскаго собранія принуждены были считаться съ работой своихъ спеціалистовъ. Чтобы перемѣнить курсъ дѣятельности, уже не достаточно перемѣны управы, нужно еще раскассировать «наемный» элементъ, рѣшиться на что, въ виду сплоченности этого элемента, не такъ-то легко. Послѣднее время часто сообщалось о столкновеніяхъ управъ со своими статистическими бюро, съ врачами, съ школьными комиссіями и т. д. Увольненіе одного изъ служащихъ нерѣдко сопровождалось оставленіемъ службы и всѣми другими его сотоварищами, и управамъ не разъ въ концѣ концовъ приходилось уступать, а иногда даже выходить въ отставку. Укажемъ лишь на одинъ подобный примѣръ самаго послѣдняго времени, именно на столкновеніе земскихъ служащихъ съ предсѣдателемъ вологодской губернской управы г. Еремѣевымъ (1904—1905 г.).

Всѣмъ памятны также, вѣроятно, открытыя заявленія земскихъ служащихъ въ очередныя сессіи 1904 г. многихъ земскихъ собраній (воронежская, тамбовская, тульская и др.), когда «третій элементъ» отказывался давать дѣловыя объясненія на земскомъ собраніи вслѣдствіе столкновеній съ гласными или предсѣдателями собраній.

Въ результатѣ—земскія собранія должны были всегда считаться съ подобными заявленіями.

Но насъ могутъ спросить, неужели же земства относились спокойно къ «узурпированію» ихъ правъ и къ диктатурѣ «третьяго элемента».

Само собою разумѣется, что усиленіе вліянія «третьяго

элемента» происходило не безъ оппозиціи со стороны многихъ земцевъ и со стороны реакціонной печати, не переставшей указывать на опасность, которою грозитъ это усиленіе помѣщичьимъ интересамъ. На нашъ взглядъ, вопросъ объ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ пріобрѣлъ за послѣднее время особенную остроту именно на почвѣ разсматриваемаго нами явленія. Въ губернскихъ земствахъ по преимуществу сосредоточился «третій элементъ», который, вполнѣ естественно, стремился руководить всей земской дѣятельностью и направлять ее по болѣе широкому руслу. Въ этомъ стремленіи онъ встрѣтилъ поддержку либеральныхъ земцевъ и оппозицію консерваторовъ и «уѣздниковъ». Послѣдніе жаловались, между прочимъ, на то, что губернскія земскія собранія, дѣйствуя подъ вліяніемъ наемныхъ служащихъ, лишаютъ уѣздныя земства самостоятельности, что служащіе губернскаго земства стремятся, по образному выраженію предсѣдателя московской уѣздной управы Н. Ф. Рихтера, сѣсть уѣздной управѣ «на шею».

Но и въ средѣ самихъ губернскихъ земскихъ собраній не разъ подымались протесты противъ «третьяго элемента». Чтобы уяснить мотивы подобнаго рода протестовъ, мы позволимъ себѣ привести одинъ примѣръ недавняго прошлаго.

Въ 1903 году курское губернское собраніе постановило ограничить число представителей «третьяго элемента» въ комиссіяхъ и сузить ихъ роль до роли «экспертовъ по спеціальнымъ вопросамъ». «Этотъ походъ противъ третьяго элемента,—пишетъ г. Звягинцевъ,—мотивировался тѣмъ, что послѣдній ничѣмъ не связанъ съ землей, что онъ—не земскій плательщикъ, что его активная и болѣе или менѣе самостоятельная роль въ земской жизни нарушаетъ принципъ современнаго земскаго устройства, заключающійся въ предоставленіи правъ лицамъ, связаннымъ недвижимымъ имуществомъ на мѣстахъ» [1]). Въ 1904 году этотъ вопросъ снова

[1]) Е. Звягинцевъ. Изгнаніе третьяго элемента изъ комиссій курскаго губернскаго земства. „Саратовская Земская Недѣля". 1905 г., I, стр. 78.

былъ поднятъ на земскомъ собраніи, причемъ раздались еще болѣе рѣшительные голоса противъ «диктатуры» «наемныхъ служащихъ». «Мы здѣсь хозяева,—восклицалъ гласный Марковъ,—и мы сами хотимъ дѣлать свое дѣло!.. Я за крестьянъ и помѣщиковъ, я за хозяевъ, а не за интеллигентовъ, хотя бы и въ генеральскихъ чинахъ». Гласный кн. Касаткинъ-Ростовскій говорилъ, между прочимъ, что комиссія по народному образованію (изъ которой и возникъ вопросъ) принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ «ассигновки дѣлались зачастую непроизводительно и не соображаясь съ земскимъ карманомъ». По мнѣнію гласнаго Домбицкаго, «сорокъ лѣтъ земля дѣлала свое земское дѣло, должна она сама продолжать его и на будущее время». Еще прозрачнѣе выразился гласный Моисеевъ: «Господа,—воскликнулъ онъ,—здѣсь много говорилось объ уваженіи къ спеціалистамъ! Но вѣдь и мы сами спеціалисты; уважайте же и вы нашу спеціальность за все платить изъ своего кармана!» По мнѣнію гласнаго Дорера, «интеллигенты не имѣютъ земли, налоговъ земельныхъ не платятъ, стало быть, не имѣютъ и основанія участвовать ни въ рѣшеніи, ни въ дѣятельномъ обсужденіи вопросовъ земскаго хозяйства; но фактически эти интеллигенты имѣютъ значительное вліяніе на управу и на дѣятельность гласныхъ; это иго, тяготѣющее надъ гласными-землевладѣльцами, не отличающимися работоспособностью; нужно это иго свергнуть, хотя бы цѣною лишенія главныхъ рабочихъ силъ земства».

Собраніе согласилось съ этими доводами и постановило: никого, кромѣ членовъ губернскаго земскаго собранія, въ комиссіи съ правомъ голосованія не допускать.

Приведенныя выше пренія до того характерны, что избавляютъ насъ отъ труда доказывать, что именно классовые интересы побуждали нѣкоторыхъ земцевъ-землевладѣльцевъ бороться противъ «ига» третьяго элемента. Для этой категоріи земцевъ классовые интересы ограничиваются непосредственно интересами кошелька. Глубже смо-

трѣли на дѣло защитники «третьяго элемента» изъ числа либеральныхъ гласныхъ. Было нѣсколько причинъ, побуждавшихъ либеральныхъ земцевъ дорожить работой этого элемента. Во-первыхъ, при усложнившейся съ теченіемъ времени земской жизни крайне важнымъ стало участіе въ земствѣ спеціалистовъ, которыхъ не выдѣляла сама земская среда. Безъ участія этихъ лицъ земская дѣятельность должна была бы придти въ застой, а было ли это въ интересахъ земскихъ либераловъ, искавшихъ въ земствѣ удовлетворенія своего стремленія къ общественной дѣятельности и желавшихъ создать на почвѣ земской дѣятельности оппозиціонную силу? Во-вторыхъ, третій элементъ является до нѣкоторой степени связующимъ звеномъ земства съ народомъ. Отсутствіе прочной связи земства съ населеніемъ, по справедливому мнѣнію многихъ земцевъ, и составляетъ слабость земскихъ учрежденій въ томъ смыслѣ, что ихъ можно благодаря этому «кроить и перекраивать» какъ угодно. Что же самимъ земцамъ мѣшало войти въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ и почему именно третій элементъ былъ способенъ на это? «Отсутствіе у нея (у земской служащей интеллигенціи) въ цѣломъ интересовъ, противорѣчащихъ нуждамъ трудящихся классовъ,—пишетъ г. Бѣлевскій,—позволяло ей быть въ полусословномъ, часто эгоистически и всегда робко настроенномъ земствѣ защитницей интересовъ низшихъ, недостаточно представленныхъ классовъ народа, защитницей правъ личности гражданина и началъ самодѣятельности» [1]).

Итакъ, намъ думается, достаточно выяснено, что въ отношеніи къ «третьему элементу» со стороны земцевъ—либеральныхъ и консервативныхъ—лежатъ классовые интересы. Поэтому, разсматривая дѣятельность земскихъ учрежденій, мы должны постоянно имѣть это въ виду; мы

---

[1]) Ал. Бѣлевскій. Земская бюрократія. „Образованіе“. 1905 г., № 2, стр. 8.

должны, далѣе, помнить, что если третьему элементу и удалось пріобрѣсти въ земствѣ большое вліяніе, то это отнюдь не простая случайность, а всецѣло обусловлено классовымъ характеромъ представительства въ современномъ земствѣ. «Несовершенство нашего представительства, — говорилъ гласный Исаковъ на курскомъ губернскомъ собраніи въ 1904 году,—и заставляетъ насъ пополнять наши ряды интеллигентными силами». Это именно соображеніе и выдвинуло въ послѣднее время вопросъ объ осѣдло-образовательномъ цензѣ; при посредствѣ этого послѣдняго имѣлось въ виду привлечь къ земской дѣятельности интеллигентные силы, которыя служили бы спайкой сословнаго земства съ народомъ.

Выше намъ пришлось сказать, что, благодаря нѣкоторымъ причинамъ, вопросъ объ отношеніи губернскаго и уѣздныхъ земствъ за самое послѣднее время пріобрѣлъ такую остроту, которую онъ не имѣлъ до сихъ поръ. Обозрѣвая первые 15 лѣтъ дѣятельности земскихъ учрежденій, К. И. Анненковъ приходитъ къ тому заключенію, что «нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы губернскія земства принимали на себя гдѣ либо роль руководителей уѣздныхъ земствъ въ отношеніи веденія земскаго дѣла, а также, чтобы въ какомъ-либо земствѣ возникалъ общій вопросъ объ объединеніи замской дѣятельности въ губерніи и о разграниченіи сферы компетенціи губернскаго и уѣздныхъ земствъ» [1]). Пререканія были, конечно, и раньше, но большинство ихъ сосредоточивалось на почвѣ дѣйствительнаго или кажущагося переобложенія однихъ уѣздовъ въ сравненіи съ другими на губернскія земскія потребности. Жалобы на это раздаются въ земствахъ и понынѣ [2]), но не это обстоятель-

---

[1]) К. И. Анненковъ. Задачи губернскаго земства, Спб. 1890 г., стр. 21.

[2]) См., напримѣръ, Л. Бухъ. Экономическая роль земства. „Экономическая Газета“, 1904 г., № 22.

*

ство придало специфическую остроту данному вопросу; изъза этого не стала бы такъ горячиться наша реакціонная печать, какъ она горячилась по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.

Усилившееся въ послѣднее время общественное движеніе необходимо должно было отразиться и на земствѣ, прежде всего на губернскихъ, которымъ болѣе, чѣмъ уѣзднымъ, всегда было присуще отражать господствующія политическія теченія. Благодаря тому, что въ губернскихъ земствахъ послѣднее время значительнымъ вліяніемъ пользовался «третій элементъ», способность губернскихъ земствъ реагировать на событія дня должна была возрасти. Вотъ это-то именно обстоятельство, на нашъ взглядъ, сдѣлало изъ даннаго вопроса—вопросъ боевой: защитники сословности, хватающіеся за обломки разрушающагося строя, должны были враждебно отнестись къ попыткѣ либеральныхъ аграріевъ выйти на широкую дорогу общественной жизни.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Классовая точка зрѣнія на дѣятельность земства.	1
II.	Программа земскаго либерализма	15
III.	Причина отсутствія въ земствѣ рѣзкой классовой борьбы.	33
IV.	Обстоятельства, затемняющія классовый характеръ земства.	56
V.	Взгляды земствъ на вопросъ о земскомъ представительствѣ.	71
VI.	По поводу земскаго обложенія.	92
VII.	Земство и рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ. . .	123
VIII.	О роли въ земствѣ третьяго элемента.	155

Тьерри. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія	Ц. — р.	60 к.
Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи	» — »	50 »
Постъ. Зачатки государства	» — »	60 »
Райтъ. Промышлен. исторія Соединенныхъ Штатовъ	» 1 »	— »
Райхесбергъ. Рабочій вопросъ въ прошлое и настоящее время	» — »	15 »

Изданія „Библіотеки общественной пользы".

Корниловъ А.—Очерки по ист. обществ. движенія крест. дѣла.	Ц. 2 р.	— к.
Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія.	» 1 »	50 »
Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій	» 2 »	— »
Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость	» 1 »	50 »
Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня.	» 2 »	— »
Іоллосъ. Письма изъ Берлина	» 2 »	— »
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація.	» 2 »	— »
Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи.	» 1 »	— »
В. Скалонъ. По земскимъ вопросамъ .	» 1 »	50 »

Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ	Ц. 1 р.	— к.
Лозинскій. Исторія второй французской республики.	» 2 »	50 »
Ахшарумовъ Д. Изъ моихъ воспоминаній (1849—51 г.г.).	» 1 »	60 »
Николаевъ А. Очерки по исторіи Японскаго народа.	» 1 »	— »
Магаймъ. Профессіон. рабочіе союзы . . .	» 1 »	25 »
Веббъ и Коксъ. Восьмичасовой рабоч. день.	» 1 »	25 »
Шмеле. Профессіон. соц.-демокр. союзы въ Германіи.	» 1 »	75 »

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 23 Марта 1905 года.

Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.

МОГЭС № 3
Ц. 2 р. 50 к.

Цѣна 40 коп.

Складъ изданія — книжный магазинъ т-ва „**Общественная Польза**“. (Спб., Б. Подъяческая, 39), въ Москвѣ—магазинъ П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17).

№ 1